

И. НАСУМОВ
Г. СЕИДБЕЙЛИ

НА ДАЛЬНИХ
БЕРЕГАХ

ИЗДАТЕЛЬСТВО

ИМРАН НАСУМОВ
ГАСАН СЕИДБЕЙЛИ

НА ДАЛЬНИХ БЕРЕГАХ

ПОВЕСТЬ

M.F. Axundov adına
Azərbaycan Milli
Kitabxanası

АЗЕРБАЙДЖАНСКОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ И ЮНОШЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
БАКУ — 1984

Памяти славного сына азербайджанского народа Мехти Гусейн-заде, послужившего прототипом для главного героя нашей повести, посвящается эта книга.

ИМРАН ГАСЫМОВ
• ҺӘСӘН СЕЙИДБЭЙЛИ
УЗАГ САҢИЛЛӘРДӘ
(Рус дилиндә)

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Зимним воскресным днем по улицам Триеста медленно брел старик с помятым ведром и толстой кистью в руках. Его давно небритое лицо было черным — не то от грязи, не то от загара, — и хранило флегматичное выражение. Шлепая рваными ботинками по снежной слякоти, он завернул на улицу Святого Якоба, находившуюся в рабочем квартале, и, облюбовав один из заборов, остановился перед ним, опустил кисть в ведро, обмазал клеем влажный камень ограды и налепил на нее объявление, оповещавшее на итальянском и немецком языках жителей Триеста о том, что за поимку партизана под кличкой Михайло устанавливается денежное вознаграждение в сто тысяч немецких марок.

У объявления быстро собралась толпа; послышались изумленные возгласы:

— Сто тысяч! Ого!..

— Да, немало...

— Что ж, интересно, он сделал, этот Михайло?

— Сто тысяч на улице не валяются. Крепко он, видно, им насолил.

— Ишь, как расщедрились.

Старик окинул всех безразличным взглядом и двинулся дальше. Объявления появились на каждой улице; они были наклеены на заборах, на стволах деревьев, на стенах городских домов и на решетчатых оградах скверов, на витринах пустующих магазинов и на стеклах одиночных трамваев, в порту и даже среди развалин древнего амфитеатра.

Триестинцы читали объявления и старались представить себе облик таинственного Михайло. Кто он? Откуда? Каков из себя?.. Словен он — или итальянец? Приметы, указанные в объявлениях, были скудны и неопределенны: «выше среднего роста, смуглый, широкоплечий, припухлые веки, черные глаза, подбородок с небольшой ямочкой...»

Кое-где объявления соседствовали с немецкими военными сводками. В сводках сообщалось о наступлении гитлеровцев на Восточном фронте, перечислялись захваченные ими города. А объявление красноречиво свидетельствовало о непрочности, фальшивости благополучия, разрекламированного в немецких сводках.

Перед афишным стендом остановились двое прохожих: невысокого роста мужчина с усталым лицом и худой сутулый старик. Старик пробежал глазами объявление и усмехнулся:

— М-да... Как вы думаете, коль нацисты... гм... терпят такие успехи на Восточном фронте, то почему же их пугает горсточка партизан? И даже один этот Михайло? Мужчина пожал плечами:

— Не знаешь, чему верить: то ли их сводкам, то ли объявлению... По радио-то я слышал, что русские громят немцев...

Старик опасливо оглянулся и шепнул своему собеседнику:

— Чему верить, говорите?.. Да вот, на прошлой неделе в местечке Сезанна был взорван нацистский кинотеатр. Говорят, восемь часов подряд оттуда увозили трупы гитлеровцев... Пускай-ка кто-нибудь этому не поверит!

— Это работа Михайло! — не то с радостью, не то с испугом воскликнул мужчина и снова поднял взгляд на объявление. — Да разве разыщешь его по этим приметам!

— А вам очень хочется его разыскать? — настороженно спросил старик.

Мужчина улыбнулся:

— Очень, — и совсем уже шопотом добавил: — Мне хочется подойти к нему и пожать руку.

К одному из объявлений подошел щеголеватый немецкий офицер.

Отогнув борт шинели, он извлек из бокового кармана кожаную записную книжку и стал неторопливо списывать в нее с объявления приметы партизана.

— Хотите заработать сто тысяч, господин обер-лейтенант? — послышался сзади него насмешливый голос.

— А почему бы и нет, лейтенант? — спокойно, не поворачивая головы, ответил обер-лейтенант. Он сложил книжку, спрятал ее в карман и только после этого обернулся к подошедшему офицеру — тощему, вытянутому, как цапля.

Тот пробормотал удивленно:

— Послушайте, как это вы узнали, что я лейтенант?

Обер-лейтенант самодовольно усмехнулся.

— Здесь, — он обвел взглядом улицу, — надо уметь видеть и спиной. Учтите это.

Недоумение не исчезало с лица лейтенанта: ведь не мог же он знать, что обер-лейтенант заметил отражение его погон на блестящем черном мраморе тумбы с объявлением. Растерянно пробормотав «хайль Гитлер!», тощий офицер зашагал прочь.

Мрамор тумбы, словно зеркало, отражал и фигуру обер-лейтенанта.

Это был плечистый, выше среднего роста, ладно сложенный человек лет двадцати пяти.

Смуглое лицо, чуть припухлые веки над черными, бархатистого оттенка глазами, ямочка на подбородке — многое в нем, казалось бы, соответствовало приметам, описанным в объявлении; и если бы не налет презрения, лежавший на его лице и делавший это лицо непривлекательным, — многие оглянулись бы на него с подозрением.

Обер-лейтенант зевнул и посмотрел вокруг.

Отсюда видна была набережная, сложенная из гранитных плит. Корабли приткнулись носами к берегу.

Военные транспорты ошестинились задранными вверх дулами пушек и пулеметов.

Призрачными и какими-то воздушными казались издалека губернаторский дом и гостиница «Экзальциор», высящиеся на берегу моря.

Стояла на редкость теплая для января погода... Небо было зимнее, белесое, но ясное; и солнце щедро лило свои лучи на город, огромным серпом изогнутый по берегу моря, на дома, дворцы, церкви, музеи, отели, на корпуса машиностроительных заводов, лесопилок, ткацких фабрик, находящихся на окраинах, на суда в бухте, на фуникулер, соединяющий центр с предместьем Опчи-на, расположенным выше, чем сам город, у подножья гор...

Взад и вперед, вверх и вниз шмыгал там крохотный, словно игрушечный, трамвайчик салатного цвета.

При взгляде на здания бросалось в глаза беспорядочное смешение архитектурных стилей различных эпох — романские капители, готические башни, византийские арки мирно уживались рядом с древнехристианской базиликой, ультрасовременным нагромождением бетонно-стеклянных кубов.

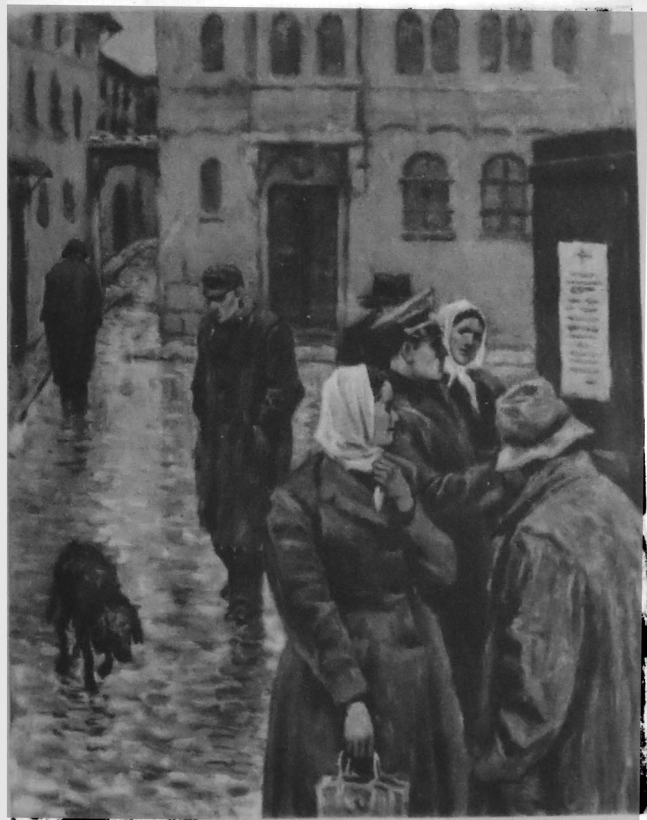
Обер-лейтенант взглянул на часы и, не зная, видимо, как убить время, медленно пересек площадь.

Мимо него прошел по площади патруль эсэсовцев, прогромыхал грузовик, забитый изможденными, усталыми рабочими, которых охраняли два итальянских солдата; просеменила сухопарая монахиня в черном, наглухо застегнутом одеянии и белом чепце. Перед съестной лавкой стояла длинная очередь женщин. Крестьяне в запыленной одежде неторопливо брели по тротуару, внимательно всматриваясь в номера домов. Несколько лакированных «фиатов» поджидали у подъезда большого особняка своих хозяев.

Обер-лейтенант очутился вскоре в рабочих кварталах города. Дома, маленькие трактирчики сложены здесь из местного камня.

Булыжная мостовая мокра от подтаявшего снега...

Было воскресенье, но особенного оживления в городе не чувствовалось, только из трактиров доносились громкие, возбужденные голоса. Сквозь занавеси из камыша или железных цепочек, заменявшие в трактирах

двери, видны были темные земляные полы, облитые водой, и ничем не накрытые столы, за которыми теснились хмурые рабочие.

По улице, топая коваными подошвами, прошагал взвод гитлеровцев, и снова стало тихо.

Ближе к рынку было и шумней, и люднее.

Десятки рук потянулись к обер-лейтенанту; перед его глазами замелькали козлы и слоны, искусно вырезанные из дерева; барельефы, высеченные на огромных, с ладонь, пробках; чаще всего они изображали толстого красноносого мужчину с пивной кружкой у вытянутых губ.

Обер-лейтенант вышел к центру города.

Весной и летом в городе было, наверно, нарядней: радовала глаз пышная зелень акаций и каштанов, растущих на улицах; на площадях и бульварах, в скверах величественно красовались пальмы.

Сейчас же пальмы увяли, поблекли, и не скрашивали однообразия городского пейзажа.

Но не только дома и пальмы придавали городу скучный, унылый вид.

Город — это прежде всего люди.

А люди шагали по узким тротуарам с понурыми головами; лица у них — невеселые, озабоченные.

На всем лежала тяжелая, мрачная печать оккупации.

Асфальт испещрен морщинами — это оставили свои следы тяжелые гусеницы танков, беспрерывно проползавших по городу.

Из четырехэтажного мрачного дома донесся душераздирающий вопль: здесь находится фашистский застенок.

Провели под конвоем рабочих, возвращающихся с заводов и лесопилок.

Упала на углу бульвара седая женщина с пустой кошелкой в руках: обессилела, видно, от голода и усталости.

На Виа дель Акведотто раскачиваются на деревьях повешенные. У одного рубаха в крови, а веревка — вся в узлах: она, наверно, рвалась несколько раз, когда его вешали.

Опять прошел взвод солдат... Опять патруль...

Обер-лейтенанту надоело бродить по городу.

У дворца Револьтелло эсэсовцы под началом нескольких офицеров проворно грузили на двухтонные машины картины из городского художественного музея. На смуглом лице обер-лейтенанта появились признаки оживления.

Подойдя к слепому музыканту, понуро стоящему со скрипкой у входа в музей, он спросил на ломаном итальянском языке:

— Как пройти к Сан Джусто?

Музыкант поднял седую лохматую голову:

— Прямо.

Обер-лейтенант пошел прямо.

И вот он — в соборе Сан Джусто, перед апсидой с изображением богородицы, сидящей с младенцем на руках на троне, между двумя архангелами.

Офицер долго не мог оторвать взгляда от чудесного произведения старинного искусства. Как зачарованный, смотрел он на апсиду и то отходил от нее на несколько шагов, то вновь приближался. Он даже потрогал пальцем изумительную византийскую мозаику, которой было декорировано основное изображение. Лицо у офицера было теперь не высокомерным и отталкивающим, а одухотворенным, юным. В глазах светилось неподдельное, пылкое восхищение, губы беззвучно шевелились, и, глядя на офицера со стороны, можно было подумать, что он очень набожен и шепчет сейчас про себя слова молитвы. Велико было бы удивление тех, кто услышал бы слова, полушопотом произнесенные офицером: «Здорово... Вот это искусство!..»

Офицер, наконец, поймал себя на том, что слишком долго задерживается у апсиды. Он оглянулся. Народу в соборе было немного: несколько праздношатающихся, равнодушных немецких унтеров, тучный старик с зонтом, две испуганные девочки, старавшиеся не попадаться на глаза солдатам, и маленький, со сморщенным, как сушеный абрикос, лицом, священник. Привратник — пожилой, с болезненно-желтым цветом кожи и редкими прямыми прядями длинных волос — с удивлением смотрел на щегольски одетого немецкого офицера. За последнее время это был, пожалуй, единственный (да еще из фашистов!) посетитель собора, проявлявший такой

горячий интерес к искусству, если не считать старого священника, заходившего сюда уже второй раз.

Офицер подошел к священнику и снял фуражку, испрашивая благословения. Священник перекрестил его.

— Вы тоже поклонник ваяния и живописи, святой отец? — спросил офицер у священника.

— Тоже?.. Гм... Мне думается, что вы приятней провели бы время в зольдатеухайме на Виа Гегга.

— Я слышал, святой отец, об этом доме. В какие часы удобней всего его посетить?

— В два часа дня; там паши в это время обедают.

— Благодарю вас.

Спусти несколько минут немецкий обер-лейтенант стоял уже на углу улицы Гегга, возле небольшой парикмахерской; видно было, что он поджидал кого-то.

По улице шел отряд гитлеровской фельджандармерии — человек двадцать, в касках и с галунами на груди. Они останавливали всех военных, проверяли у них документы.

Однако обер-лейтенант не обратил особого внимания на приближающихся к нему жандармов. Взгляд его был прикован к длинноному немецкому солдату, шагавшему по противоположному тротуару. В одной руке солдат нес тяжелую офицерскую сумку, другой — обнимал за плечи хрупкую, миловидную девушку-итальянку, с черными, как смоль, вьющимися волосами.

Веснушчатый, белобрысый, с выцветшими бровями и голубыми глазами солдат выглядел совсем мальчишкой: ему от силы можно было дать лет девятнадцать-двадцать. Солдат был наверху блаженства — он раскатисто хохотал, прижимал к себе итальянку и шептал ей на ухо что-то такое, от чего девушка вздрагивала и зябко куталась в шаль.

На губах у обер-лейтенанта заиграла злорадная усмешка.

Солдат шел навстречу жандармам. Однако ему не удалось дойти до них: он наткнулся на неожиданно выросшего перед ним обер-лейтенанта, который преградил ему путь.

Солдат виновато заморгал глазами и машинально опустил руки по швам. Но было уже поздно. Офицер разразился такой оглушительной бранью, что даже ви-

давшие виды жандармы переглянулись и нерешительно остановились поодаль.

Как только ни честил офицер незадачливого солдата! Он обозвал его свиньей, мерзавцем и прохвостом, который нимало не заботится о своем начальнике и заставляет битые два часа искать себя по городу. Судя по словам офицера, солдат только и делает, что шляется по всем триестинским притонам; его вечно видят пьяным да таскающимся по улицам с грязными девками; и можно одним лишь оплеухами заставить солдата выполнять свой долг денщика.

Офицер сделал угрожающее движение в сторону девушки, та метнулась к стене и бросилась бежать в ближайший переулочек.

У солдата дергалась левая щека; он сильно заикался, пытаясь сказать что-то, но новые потоки брани заставили его отказаться от безнадежной попытки оправдаться.

— Довольно дергать щекой, идиот!— кричал офицер.— Я убежден, что тебя не на поле боя контузили, а огрели пивной кружкой в кабаке! И этого-то олуха я запросто звал Малышом — из уважения к его кресту, к его ранению, к его отцу, наконец! Кто бы мог подумать, что у штурмбанфюрера СС — такой кретин-сын? Ублюдок! Марш за мной.

У Малыша, действительно, висел на груди железный крест, как-то не вязавшийся с его глупым и жалким видом.

Возмущенно скривив губы и не обернувшись даже в сторону жандармов, офицер пошел вперед. Следом за ним, закинув через плечо сумку, поплелся и Малыш. Начальник отряда фельджандармерии в раздумьи почесал мизинцем переносицу.

Дьявол его знает, остановишь в такую горячую минуту этого офицера, он, пожалуй, и на тебя начнет орать. Не всякий лейтенантишка может себе позволить назвать ублюдком сына штурмбанфюрера.

Жандарм оставил переносицу и, остановив двух солдат, идущих с чемоданами в сторону вокзала, сердито потребовал у них пропуска.

А обер-лейтенант и Малыш подошли к старинному пятиэтажному дому. Красотой и великолепием этого до-

ма прежде гордились все жители этой улицы; они так объясняли приезжим, где они живут: «Виа Гегга? Вам надо пройти за угол и свернуть налево... Вы сразу увидите пятиэтажный дом — очень красивый. Через три дома от него перейдете улицу... Там мы и живем». А теперь старожилы Виа Гегга старались даже не смотреть на этот дом. Он назывался: «Дейче зольдатенхайм», и жители улицы считали его самым гнусным уголком города. «Ах, лучше б и вовсе его не было!» — причитали старухи, как будто бы только этот дом и привел немцев в Триест.

Когда обер-лейтенант и его белобрысый спутник вошли в «Дейче зольдатенхайм», пожилая словенка, которая плелась, еле волоча ноги, по тротуару, посмотрела им вслед слезящимися зеленоватыми глазами и незаметно плюнула в их сторону: «Чтоб он провалился, этот дом, чтоб он обрушился на вас, проклятых! Если б не вы, убийцы, — мой Митрий остался бы в живых!»

Из будущего чистой небольшой вестибюль ведут наверх широкие лестницы с золочеными перилами. Колонны из голубоватого мрамора кажутся прозрачными, невесомыми. Ослепительно сверкают огромные люстры. Откуда-то доносятся звуки музыки и легкий шелест патефонной пластинки. Пахнет кухней. Низкорослый офицер пытается дотянуться до высокой вешалки. Мимо него идут — не идут даже, а почти бегут — официантки в накрахмаленных фартуках и кружевных капорах. Все они немки. В этот дом могут войти только немцы. Низкорослый офицер задерживает официантку, с шуткой берет ее за подбородок. У официантки на лице — терпеливая заученная улыбка.

Обер-лейтенант и Малыш остановились у широко распахнутых дверей первого зала — столовой для солдат и низших чинов. Здесь только начинали собираться к обеду. Несколько солдат, окружив патефон, глазели на вертящуюся пластинку, словно воочию могли увидеть красавицу, распевавшую шутиливую песенку.

— А ну, выйди-ка к нам, фрейлен! — сказал один из солдат, и все остальные разразились хохотом. Вдруг они заметили, что на них в упор глядят из-под припухлых век черные глаза обер-лейтенанта. Солдаты замерли, вытянулись в струнку.

Взгляд обер-лейтенанта небрежно скользнул по залу, по аккуратно накрытым столам, по стене, к которой было прислонено оружие.

Лицо офицера было непроницаемым, холодным, строгим. Солдаты не смели шевельнуться. Они стояли навзтяжку до тех пор, пока обер-лейтенант, повернувшись, не направился к лестнице, ведущей на третий этаж. Малыш подмигнул солдатам и последовал за офицером.

На третьем этаже царила тишина. Тяжелые темно-коричневые портьеры, закрывавшие вход в зал, были плотно задвинуты. Обер-лейтенант развел их небрежным жестом и заглянул внутрь.

Пробившиеся в зал сквозь зашторенные окна солнечные лучи освещали богато и строго сервированные столы, безвкусные старинные портреты, написанные маслом, сверкали на хрустальных вазах. Обер-лейтенант задержал свой взгляд на единственной достойной внимания картине — знаменитой гравюре Дюрера «Голова девочки», шире раздвинул портьеры и вошел в зал.

Проходя между столами, офицер внимательно изучал сервировку, словно хотел убедиться, достаточно ли хорошо подготовлено все для обеда. Он пощупал пальцами вложенные в стакан салфетки из гофрированной бумаги и поморщился.

— Малыш, — громко и слегка раздраженно позвал он. — Мне не нравятся эти салфетки. Они какие-то шершавые.

Малыш снял с плеча сумку и извлек из нее объемистую пачку бумаг.

Они быстро заменили ими салфетки на всех столах и покинули зал, наглухо задвинув тяжелые портьеры.

— Тебе не нужно помыть руки перед обедом, Малыш? Солдат кивнул головой. Щека его уже не дергалась.

— Кажется, в конце коридора, — сказал обер-лейтенант.

В конце коридора, на одной из дверей висела табличка с надписью: «Только для офицеров».

Обер-лейтенант и Малыш посторонились, пропуская выходящего из уборной сухошавого, сутулящегося при ходьбе, эсэсовского майора, козырнули ему и исчезли за дверью.

Майор хотел было остановить солдата и напомнить

ему о надписи на табличке, но раздумал: слишком много у него, Отто фон Шульца, дел в этом гнусном городе, чтобы тратить драгоценное время на разговоры о дисциплине. Да, в конце концов, что он такого сделал — этот белобрысый солдат? Бывает и хуже... Вот к примеру, вчера, в первый раз выехав в город, он увидел двух солдат, разговаривавших на перекрестке с несколькими жителями. Фон Шульц остановил машину: «Вы из какой части?» — «Из отдельного горно-стрелкового батальона. Патрулируем». — «О чем беседуете?» — «Да вот, Ганс — кровельщик по профессии; так решил порасспросить, как у них тут выделяют цветную черепицу». — «А вы тоже кровельщик?» — «Нет, я настройщик роялей».

Пришлось на сутки отправить на гауптвахту и кровельщика, и настройщика, чтобы знали впредь, как надо вести себя на посту. А сколько сейчас в армии таких, как они! Однако не время переучивать этот тупой сброд: ходят, стреляют, подыхают — и ладно. Фон Шульцу нужно беречь себя для более серьезной миссии.

Майор вошел в зал с низким потолком. У стойки несколько офицеров тянули перед обедом вермут.

У выхода на балкон стоял старый полковник с багровой шеей и неестественно выпяченной грудью. Он аккуратно обрезал ножничками кончик сигары.

Шульц достал зажигалку и поднес к сигаре огонь.

— Благодарю, — хмыкнул полковник.

Он ценил проявление почтительности к себе в любых формах и от кого бы она ни исходила. Полковник, правда, недолюбливал полицейских, а охранные части, к которым, судя по нашивкам, принадлежал этот майор, были, по мнению полковника, частями полицейскими. Но почтительность — всегда приятна...

Он пристальней взглянул на майора. Брови его чуть поднялись:

— Фон Шульц?..

Шульц слегка, с достоинством, поклонился.

— Хм... — ухмыльнулся полковник. — А я ведь помню вас еще безусым кадетом. Мы виделись, если не ошибаюсь, в именин вашего отца. Зрительная память редко мне изменяет.

Шульц снова отвесил легкий поклон: да, все это вполне возможно.

— Давно в Триесте? — поинтересовался полковник.
— Только что прибыл.
— С чрезвычайными полномочиями?
— Нет, всего-навсего специальным помощником начальника гестапо по обезвреживанию партизан в округе.
— Что ж, желаю успеха, — полковник снисходительно похлопал его по плечу. И добавил без всякой связи:
— А ваш покойный отец прекрасный был генерал, м-да, прекрасный.

Полковник заложил большой палец за борт кителя и отошел к стойке.

В том, что полковник вспомнил о фон Шульце-отце, которого он хорошо знал, ничего предосудительного, конечно, не было. Однако вскользя брошенное замечание полковника сильно обозлило Шульца-сына. Он понял, что полковник не столько хотел засвидетельствовать уважение к покойному, сколько выразить сожаление, пусть не очень открытое, что фон Шульц, потомок древнего прусского рода, предпочел военной карьере — полицейскую.

Шульц сейчас охотно выругался бы вслух.

С тупыми и чванливыми вояками, вроде полковника, ему приходилось сталкиваться довольно часто. Они убеждены, что представляют собой ось, вокруг которой обязан вращаться мир, и являются избранной кастой, постигшей высшую премудрость: штурм, обход, атака, «клещи»...

Густав фон Шульц в свое время достойно представлял эту касту. Он гордился тем, что в пятьдесят пять лет сумел сохранить юношескую стройность фигуры; спал в кабинете, на узкой походной кровати; зимой и летом принимал холодный душ и не носил с собой записной книжки: помнил наизусть каждую мелочь.

В их имении в Северной Пруссии не было на десяти тысячах акров ни одного неовозделанного сантиметра, а в холодных и неудобных комнатах дома — ни одного пятнышка на вошеном паркете.

Генерал выбрал себе в жены Эльзу фон Гаузен, похитившую ему во всех отношениях: по знатности, по росту, по педантичности. Эльза родила ему трех детей — сына и двух дочерей — именно столько, сколько он и хотел.

Он заставлял и Отто принимать по утрам душ, больно ударял его ребром ладони по спине, когда тот сутулился, размеренно, без всякого выражения, читал сыну вслух труды Клаузевица, и старался привить ему мысль, что история не знает людей более великих, чем Фридрих Первый, Бисмарк, Мольте.

— Германии должна принадлежать вся планета! — восклицал он скрипучим голосом по любому поводу, а часто и без всякого повода.

Его дивизию изрядно потрепали в Польше, под Седаном, в России.

Чем же он кончил? В день отречения кайзера генерал переменил белье, побрился и в своем кабинете пустил себе пулю в висок.

Отто непрочь был сослаться порой на свое генеалогическое древо, но лишь тогда, когда это бывало выгодно.

Выгоду же он понимал куда лучше своего родителя. Он не был спесив и не фыркал оскорбленно, как некоторые, когда к власти в Германии пришел истеричный и наглый ефрейтор. Оскорбляться тут было нечего — цели и интересы были у него с ефрейтором общие, а на происхождение, в конце концов, наплевать. Времена изменились: теперь больше всего уважалась сила.

Младший фон Шульц продал родовое поместье и вложил свои капиталы в крупновский концерн — и выгодно, и меньше возни.

Он вступил в национал-социалистскую партию, и с ним стали первыми раскланиваться многие старые военные, если даже они и были намного выше его чином.

Отто пошел в гору. И, к слову сказать, он успешно следовал отцовским заветам — дело ведь тут не в холодном душе и не в походке...

Отец хотел видеть сына настоящим? Именно на стойчивость и упорство позволяют Отто выполнять в оккупированных местностях самые трудные задачи. Надо надеяться, что он не осрамится и в этом Триесте, вокруг которого рыщут партизаны.

Отец стремился закалить своего потомка? Потомок может похвалиться своей закалкой. Он лично руководил расстрелами жителей городов и сел на Украине, заставлял солдат раздевать трупы, отрезать косы у женщин, а на утро рассматривал платья, детские рубашонки, туфли.

костюмы, часы, украшения с таким видом, будто находился перед витриной универсального магазина.

Отец учил его аккуратности? Пожалуйста. Не Отто ли подал идею о применяемой ныне во многих концентрационных лагерях «камере умерщвления»: ложе для тела, автоматический нож, желоба для стока крови. Найдите что-нибудь, сделанное более аккуратно!

Генерал добивался, чтобы Отто стал большим человеком? Что ж, вес человека в обществе определяется не числом звезд на погонах. Отто умеет чувствовать обстановку, заранее угадывать — на чьей стороне сила. Может быть, завтра чаша весов перевесит не в пользу истеричного ефрейтора. Все равно — найдутся новые сильные люди, с которыми ему будет по пути...

Приближался обеденный час.

Офицеры начали переходить в большой зал.

Когда массивные часы, упрятанные в резной коробке из черного орехового дерева, показали ровно два часа, старшие чины, с немецкой аккуратностью и точностью, заняли свои места за столами. Заиграл небольшой оркестр, забегали официантки, заскрипели стулья, посыпались сдержанные шутки.

В это время в зал вошли обер-лейтенант и солдат.

Заметив за одним из ближних столов свободные места, обер-лейтенант дал знак Малышу следовать за ним. Они уселись за стол.

Тяжелая сумка мешала солдату. Он снял ее с плеч, спрятал под стол, и поудобней устроился на стуле.

— Здесь зал для офицеров, — заметила подошедшая к нему полная официантка. — Вам надо спуститься в нижний этаж.

— Пусть это решают сами офицеры, — учтиво, но сухо произнес обер-лейтенант.

— Встать! — раздался вдруг за их спиной пронзительный окрик.

Малыш вздрогнул и вскочил с места с такой быстротой, что тяжелый стул, на котором он сидел, грохнулся на пол. Многие офицеры обернулись на шум.

Обер-лейтенант невозмутимо смотрел на высокого капитана с холемым лицом, с волосами, густо намазанными бриолином и блестящими, как лаковые тупфы.

— Как ты посмел прийти сюда! — с прежней пронзительностью прокричал капитан.

Малыш поблдеел; у него стала дергаться правая щека и скривился рот.

— Что-о?! — снова крикнул капитан, наступая на него. — Что ты кривляешься?

Но тут спокойно и медленно поднялся обер-лейтенант.

— Господин капитан, — тихо и сдержанно сказал он, заслонив собой Малыша. — Я понимаю, что дергающаяся щека — не особенное украшение для солдата, которого приветствовал недавно сам рейхсмаршал. Прошу познакомиться, его зовут просто Малыш.

— Не понимаю! — капитан окинул обер-лейтенанта высокомерным взглядом.

— Малыш спас мне жизнь, — продолжал обер-лейтенант. — Когда в воздухе просвистел русский снаряд — он закрыл меня своим телом. Сам он получил контузию. Это настоящий герой.

— Ну, это еще не дает ему оснований совать нос в наши тарелки. Он спас вам жизнь? Так вы можете угостить его в любом трактире.

Капитан пододвинул стул и сел за их стол. Обер-лейтенант взглянул на Малыша, улыбнулся и сказал, хлопая его по плечу:

— Что ж, Малыш, придется тебе, видно, покинуть нас и спуститься ниже... Пойдем, пойдем. Я устрою тебя внизу. Боюсь, как бы тебя и там не обидели. Я сейчас вернусь, господин капитан.

Капитан промолчал. Когда обер-лейтенант и солдат вышли из зала, он громко обратился к старому, увешанному крестами и орденами, полковнику, сидевшему за соседним столом:

— Как вам нравится этот выскочка?

— Надо бы поговорить с ним, — заметил полковник. — После обеда я это сделаю.

— Прошу — позвольте мне самому. Уж я испорчу ему аппетит.

Они потянулись к салфеткам, вложенным в стаканы Малышом.

И вдруг в зале начался переполох. Старый полковник заметил, что на его салфетке что-то написано... Он расправил измятую бумагу, надел очки, пробежал надпись

глазами. Потом резко, так, чтобы все могли слышать приказал:

— Просмотреть салфетки на столах!

Музыка оборвалась. Зашелестела бумага. И каждый из находившихся в зале прочел на своей салфетке три слова: «Смерть за смерть!» и подпись внизу: «Народные мстители».

Шульц (он только что вошел в зал) взял салфетку и почувствовал, как по спине у него пробежал легкий озноб. «Ого! Они даже и сюда проникли...»

— Директора! — истошно завопил кто-то.

— Закрыть двери, никого не выпускать! — выкрикнул полковник.

В зале появился смертельно испуганный, круглый, как мяч, маленький итальянец, с обрюзгшим лицом. Он только отрывисто спрашивал:

— Что? Что? Что?..

Прибежали солдаты. Прибежали официантки. Сбежался весь обслуживающий персонал «Дейче зольдатен-хайм».

Двери дома закрыли, поставив возле них фельдьяндармов.

Немцы с подозрением оглядывали друг друга.

Начался обыск. Гитлеровцев было много, огромный зал не вмещал их...

А улицы Триеста жили в это время обычной для военного времени жизнью.

Городской трамвай медленно полз в гору, увозя среди других пассажиров обер-лейтенанта и его спутника — белобрысого Малыша.

Трамвай остановился, и они прошли к выходу. Пассажиры, посторонившись, пропустили их вперед. Когда мимо них шел немецкий солдат или офицер — лица у людей словно каменели.

Офицер и Малыш стали удаляться от трамвайных линий, поднимаясь все выше, к живописным желтым скалам, которые когда-то омывались волнами Адриатического моря.

Слева открывался вид на долину. В долине темнели виноградники. Аккуратные домики казались отсюда со-

всем крохотными. А за домами скалистые горы, вершины которых покрыты редкими, вечнозелеными соснами.

Местечко это называлось Опчиной.

Обер-лейтенант и солдат остановились у большой отвесной скалы.

— Вот что, Вася, — тихо заговорил обер-лейтенант, обращаясь к Малышу. — Что это ты, в самом деле, вздумал ходить по городу, обнявшись с Анжеликой?

Вася озорно улыбнулся:

— Так делают все немцы с девушками.

— Не стоит, Вася. Это может вызвать у местных жителей неприязнь к Анжелике. И потом — Анжелика очень красива, — другим солдатам тоже захочется последовать твоему примеру.

Лицо у Васи стало серьезным, выцветшие брови нахмурились.

— Хорошо, — сказал он. — Если так нужно — я не буду больше обнимать Анжелику.

«Совсем еще мальчик», — подумалось обер-лейтенанту. Он вытащил карманные часы и поглядел на время.

— Странно... Что бы это могло значить?

— А сколько прошло?

— Тридцать одна минута.

— Нужно тридцать.

Они встревоженно переглянулись.

— Вася! — послышался вдруг сзади горячий шопот.

Оба оглянулись на голос. Неподдалеку от них стояла взволнованная Анжелика. Щеки ее пылали. Она была сейчас небывало красива, — так, во всяком случае, казалось Васе.

— Ну, как? — приблизившись к ним, спросила Анжелика.

— Тридцать три минуты, — мрачно сказал обер-лейтенант.

Лицо Анжелики потемнело. Она вопросительно посмотривала то на Васю, то на офицера.

— Ничего не понимаю, — сказал обер-лейтенант. — Ты успел раздавить ампулу в уборной?

— Да... тридцатиминутную...

— Так в чем же дело? — нетерпеливо воскликнула Анжелика.

— Может, они обратили внимание на сумку, оставленную под столом?

— Не думаю, Вася. Все шло, как надо... Ведь не зря же мы заменили салфетки. Эти листовки должны отвлечь их...

Он оборвал фразу. До них донесся глухой взрыв, подобный залпу из дальнобойных орудий.

Все трое, вздрогнув, обратили взоры к городу, раскинувшегося внизу.

В районе улицы Гегга поднялся столб желтоватого дыма. Дым почернел и стал медленно оседать на город: казалось, кто-то накинул на улицы зловещее покрывало.

— Да здравствует свобода! Вива! — звонко выкрикнула Анжелика. — Опять поубавилось фашистов в Триесте! Дым, смешанный с пылью, стал постепенно рассеиваться...

Анжелика улыбнулась и, понизив голос, сказала так тихо, как будто открывала друзьям сокровенную тайну:

— А знаете, товарищ Михайло, как называют вас местные жители? Своим Спартакотом.

Из-за ближних скал показался вдруг коренастый человек в темном пальто и мягкой шляпе. Одним прыжком он очутился возле трех друзей и увлек их за большую створчатую скалу.

Мимо того места, где они недавно стояли, грузно топя сапогами, прошел немецкий патруль.

Когда патруль удалился, незнакомец обернулся к Михайло и сказал на ломаном русском языке:

— Надо быть поосторожней, парень, когда взрываешь дома.

Михайло резко выпрямился.

— Не понимаю, — надменно произнес он на чистом немецком языке, глядя прямо в серые глаза незнакомца.

— У нас нет времени для пререканий, — улыбнулся тот. — Я должен сообщить вам нечто важное.

Михайло молчал и продолжал взглядом изучать незнакомца.

Незнакомец в нерешительности оглянулся на Васю и Анжелику. Взглянул на них и Михайло. Они молча отошли в сторону.

— Передайте в штабе бригады, — доверительным тоном сказал незнакомец, — что сегодня наш самолет не

появится над высотой семь. И назначьте мне время новой встречи.

Михайло смотрел на незнакомца, стараясь не пропустить ни одного его жеста. Тот пошарил в карманах и, достав сигареты, закурил. Михайло заметил, что сигареты были итальянские, и на пачке нарисованы карандашом женские ножки. Впрочем, это не имело сейчас никакого значения. Гораздо более важным было то, что незнакомец откуда-то знал Михайло, знал даже и то, что сегодня над высотой семь должен был появиться самолет.

— Что вы мне ответите? — с улыбкой спросил незнакомец.

— Ничего, — сказал Михайло.

— Не доверяете? — грустно вздохнул незнакомец. — Жаль, это не по-союзнически. Вы ведь русский?

Михайло промолчал и на этот раз, и тоже закурил сигарету. Он старался оттянуть время, чтобы обдумать все как следует.

— Что ж, тогда прощайте, — дружески улыбнулся ему незнакомец, — придется мне, видно, действовать через других. Желаю дальнейших удач.

Он махнул рукой, повернулся и зашагал прочь. Но не успел он пройти несколько шагов, как Михайло окликнул его:

— Стойте!

Незнакомец остановился. Михайло решительно произнес:

— Ничего я передавать не буду. И никуда вы не пойдете, а отправитесь вместе со мной в штаб. Дорога длинная, веселей будет.

Это был рискованный шаг. Неизвестно было — что представляет из себя сероглазый. Но Михайло решил рискнуть. Если это друг — тогда все в порядке. А если враг... но не Михайло же бояться врага! Он привык встречаться с врагом лицом к лицу, и встречи эти не пугали Михайло, а лишь сильней и взволнованней заставляли биться его горячее сердце.

Предложение Михайло заставило незнакомца задуматься. Потом он весело хлопнул Михайло по плечу:

— Ну, что ж! Это тоже неплохо придумано! Нет, вы мне определенно нравитесь!.. Клянусь честью, у нас в Штатах вы котиrowались бы, как национальный герой, и

Голливуд посвятил бы каждому вашему подвигу по целому фильму...

Когда они, дружески беседуя, вышли из-за отвесной скалы, Вася и Анжелика удивленно переглянулись.

Там, где высилось раньше здание «Дейче зольдате-хайм», дымилась сейчас руины, и среди них копошились немецкие и итальянские солдаты, вытаскивавшие из-под развалин трупы.

Гудки бесчисленных машин, вой сирен санитарных карет, истерические выкрики эсэсовцев, плач детей и женщин (эсэсовцы выгнали на улицу из ближних домов всех жителей), еще не успевшая осесть пыль, от которой все кашляло и чихало,—все это представляло собой картину хаоса. Среди камней и почерневших балок тут и там белели листовки. Начальник отряда фельдшармери поднял одну из них, прочел грозное: «Смерть за смерть!»—и его грубоватое, словно высеченное из камня, лицо побледнело; он, по привычке, потянулся к переносице.

Солдаты заметили вдруг среди развалин чьи-то руки, судорожно цеплявшиеся за обгоревшую, еще теплую балку. С большим трудом им удалось извлечь из-под балки оставшегося в живых офицера. Это был Отто фон Шульц. Он долгое время не мог прийти в себя, а потом что-то выкрикнул в бешенстве, и, услышав его голос, к нему стремительно бросились несколько эсэсовцев. В то время как они отряхивали костюм Шульца от пыли и грязи, тот отчаянно чертыхался и отпихивал их от себя, словно это они были виноваты в происшедшем.

Минуту спустя к ним подъехала легковая машина, и перед Шульцем вытянулись с перепуганными лицами еще два эсэсовца и молодой врач.

— Бог мой!—в изумлении воскликнул врач, на ходу осмотрев Шульца.—На вас ни единой царапины!—Он облегченно вздохнул и предложил Шульцу:—Вам нужен покой, господаин майор. Все обошлось так, что удачей и не придумаешь... И вам нужен только полный покой. Разрешите, я отвезу вас.

Но Шульц оттолкнул своих подчиненных и отправился пешком. После минутного замешательства за ним последовали и эсэсовцы.

Шульц шел сначала очень быстро, словно хотел кого-то настичь, поймать... Глаза у него налились кровью; лицо было разгневанным. Он вглядывался в каждого прохожего, останавливался и мучительно старался припомнить: не похож ли прохожий на кого-либо из тех, кого он видел сегодня в столовой? Один из обдавших вместе с ним — был партизаном. Может быть — Михайло? Может быть! И Шульц, опытный гестаовец, не смог ничего заметить! Под самым носом у него была совершена наглая диверсия, а преступник остался безнаказанным, и, наверно, ходит сейчас по городу, как ни в чем не бывало.

Мимо Шульца проносились машины с трупами солдат и офицеров. Шульц шел все медленней, и улицы, по которым он проходил, мгновенно оцеплялись эсэсовцами. Всех, кто вызывал хоть малейшее подозрение, хватали и тащили в гестапо.

Мгисте, по приметам, оказывались похожими на Михайло, и уже около десяти «Михайло» были брошены в гестаповский застенок.

Шульц ни во что не вшивался; он молча брел по тротуару... Охранявшим его эсэсовцам показалось даже, что их начальник рехнулся. Но Шульц был погружен хоть и в мрачные, но трезвые раздумья... В первые минуты ему хотелось все перевернуть в Триесте, расстреливать, жечь, разрушать. Но потом он поостыл, и в сердце его начал закрадываться страх... «Трудно придется мне в этом городе!» решил он, и тут же спросил себя: «А где теперь живет спокойно?... Ведь так—всюду».

Проклятые партизаны! Рейды, налеты, диверсии, взрывы — чего доброго, они еще попытаются штурмовать город!

От них этого можно ждать в любой день и час. Это же не войска янки и бриттов. Те переминаются с ноги на ногу на итальянском юге — благо, там климат помягче, чем здесь—и не думают двигаться с места. Их командующие предпочитают устраивать пресс-конференции, фотографироваться в фас и в профиль, окончательно стяжав себе славу паркетных воннов, а не штурмовать такой стратегически важный центр, как Триест, или высаживать десанты у Марселя и Булони. Нет, янки и бритты ведут себя так, что лучше и не надо... То ли дело на Востоке... б-pp! Страшно вспомнить... У Шульца по спине пробе-

жал противный морозец. Перед его взором на миг предстала картина, виденная при недавней поездке в Белоусино, под Барановичи,—валяющиеся на боку, подбитые, сожженные, помятые танки со свастикой и надписями «Берлин—Баку—Бомбей» и поле, усеянное трупами солдат и офицеров из самых отборных фюрерских дивизий... Б-рр. Глухой город Триест, но в нем все-таки лучше...

На глаза ему попалось объявление о Михайло. Нужно будет повысить сумму за голову партизанского разведчика. Хотя едва ли это спасет положение. Необходимы более крутые меры. Партизаны — это грозная сила, но что они без русских? Русские упорно движутся к своим границам, и, значит, все ближе продвигаются к Европе. Вот в чем корень зла! Надо быть предусмотрительным... И это понимает не только Шульц. По дороге сюда он оставался во Франкфурте у Рольфа фон Гаузена, племянника матери. Рольф очень близок к самому Герингу... И зная, что Отто умеет держать язык за зубами, он сболтнул, будто Геринг встречался в своем охотничьем замке с американскими банкирами. Это не выдумка; Шульц знает, что и в ставке пробовали вести переговоры с союзниками. Собственно, только это и может спасти третью империю. Гитлера. Круппа, Шульца... Неплохо было бы, если бы Шульцу посчастливилось завести здесь связи с английскими или американскими разведчиками. Лучше, пожалуй, с американцами—это более деловой народ, с ними легче договориться. А договорившись—легче будет вести борьбу с партизанами. Иначе трудно. Очень трудно. И повысить сумму за голову Михайло все-таки следует...

Не прошло и часа, как в Триесте все затихло, успокоилось. Люди привыкли к взрывам. В воздух взлетали только те дома, которые были заняты гитлеровцами, и мирным жителям нечего было опасаться. Они радовались каждому новому взрыву; но им приходилось скрывать свою радость, и после взрывов они старались не попадаться на глаза фашистам. Только триестинские дети оставались неутомимыми: они забирались на крыши домов, и оттуда неслись их ликующие возгласы. А когда их пытались поймать гитлеровцы — они удирали, убегая по крышам.

Жизнь в городе вошла в обычную колею. Где-то пилюли на губной гармонике... Из подвальных кафешантанов вырывались голоса перепившихся фашистов. Годные, тощие собаки, вспугнутые недавним взрывом, вновь собирались у лавки мясника, где, кстати, редко бывало мясо. Возле полуразрушенного кирпичного домика расселась со своими замусоленными картами старая гадалка. Подростки-газетчики подбирали на улицах оброненные горожанами газеты, и пробовали вновь перепродать их. Завидя шествующих по улице эсэсовцев, они мигом разбегались в разные стороны...

Шульц продолжал свой путь по улицам Триеста. В голову его все еще шумело после взрыва; он чувствовал противную тошноту. Поняв бессцельность своей «прогулки», Шульц решил, наконец, отдохнуть, и повернул в сторону гестапо. По дороге он встретил двух солдат, тех самых, что вчера мирно беседовали с жителями города. Если бы не головная боль и тошнота, он и на этот раз сорвал бы на них свою злобу.

Как только солдаты заметили Шульца, они торопливо свернули в переулок. Переулок был замощен крупным белым булыжником. Мостовая посередине вздыбилась вверх и казалась горбатой. Откуда-то издали доносились звуки музыки.

— Рояль,—громко сказал первый солдат.—Странно слышать здесь рояль. Эрих...

— Нет, Ганс, это клавесин,—уточнил Эрих,—«Лунная соната» Бетховена.

Ганс не стал спорить; Эрих—музыкант, ему виднее.

Они прислушались, стараясь угадать, где же это играют. Эрих приоткрыл покосившуюся калитку, и солдаты вошли во двор. В глубине узкого, посыпанного мелким гравием, дворика стоял маленький закопченный дом с подслеповатыми окнами.

Из этого-то дома и доносилась музыка.

Эрих направился к крыльцу.

— Зачем ты туда?—спросил Ганс, старавшийся не стеснять от приятеля.

— Да просто так... — пробормотал Эрих. — Понимаешь, инструмент у них расстроенный.

Ганс не расслышал его слов, но пошел вслед за Эрихом.

Через минуту они стояли, переминаясь с ноги на ногу, перед оробевшей белокурой молодой женщиной, в полутемной, почти пустой, оклеенной дешевыми сиреневыми обоями комнатухе, незатейливую обстановку которой составляли железная печка с изогнутой трубой, продетой в форточку, сундук, покрытый фабричным ковром, медный кофейник на столе да клавиесин в углу.

— Это вы играли?—осведомился Эрих.

— Я... А что, разве нельзя?.. Я не буду, если это запрещено,—испуганно пролепетала женщина.

Зачем пришли к ней эти солдаты? Ах, ну и глупость же она сделала, вздумав сесть за клавиесин и хоть немного рассеять томившую ее тоску.

Плохо приходится тем, чей порог переступила нога фашистского солдата. И кто защитит ее—одинокую, робкую женщину, раньше перебивавшуюся кое-как уроками музыки в частных домах, а теперь совсем потерявшую голову, не знающую, куда ей приткнуться в этом зловещем мрачном городе?

Она застыла у стола, не ведая, что ей делать, и со страхом ожидая, что же будет дальше.

— У вас расстроенный клавиесин,—проворчал один из вошедших.

— Да...—одними губами прошептала женщина.

И тут произошло такое, чему женщина никак не могла поверить даже после того, как ушли солдаты.

Один из них сел на сундук, а второй, передав ему автомат, подошел к клавиесину, несколькими ловкими движениями снял с клавиш крышку и разобрал деку.

— Это надолго?—спросил примостившийся на сундуке Ганс.

— Нет, я быстро,—озабоченно произнес Эрих.—У вас не найдется щетки?—обратился он к женщине.

— Поищу... Сейчас поищу...—проговорила та с покорной готовностью.

Она принесла мягкую щетку, которой обычно чистила шляпу.

Эрих принялся за работу. Он очистил инструмент от пыли, взял два-три аккорда, попробовал педаль.

Ганс смотрел на него с нескрываемым любопытством, но без особенного удивления.

Обветренные руки Эриха, грубые, заскорузлые, сейчас словно порхали в воздухе. Всегда насупленные брови распрямились над живыми и умными глазами.

Эрих был мастером своего дела. Он подтягивал струны, ослаблял их, легонько щелкал по ним, водил взад и вперед указательным пальцем.

Женщина все еще не могла прийти в себя.

Эрих собрал деку, привинтил крышку и придвинул к себе стул.

И из клавиесина снова полились теплые, прозрачные звуки.

Эрих сыграл заключительную часть «Лунной сонаты», опустил крышку и удовлетворенно произнес:

— Теперь хорошо.

Ганс неловко поднялся с сундука и уронил на пол автомат. Гулкий стук заставил вздрогнуть обоих.

Эрих поднял оружие, и, не сказав больше ни слова, солдаты торопливо вышли на улицу.

Женщина кинулась было вдогонку, потом вернулась в комнату и обессиленно опустилась на сундук. Она так ничего и не поняла...

А Эрих и Ганс затворили за собой калитку и двинулись по мостовой.

— Ты извини, Ганс,—произнес, наконец, Эрих.—Руски истосковались по делу, не мог удержаться.

— Понимаю, дружище,—ответил Ганс.—Ты настраивал инструмент, а я... я воображал в это время, что сижу высоко, высоко на крыше и мну, выгибаю железный лист, стучу по нему деревянным молотком... Я очень хорошо тебя понимаю!

••

Михайло со своими друзьями и гостем вышли из города, дождавшись, пока стемнеет. Им предстояло перейти через железнодорожное полотно. Пришлось долго ждать Анжелику, ушедшую вперед, чтобы проверить, не грозит ли им какая опасность. Наконец, послышался едва слышный хруст подмерзшего снега. Анжелика молча потянула Васю за рукав, и все последовали за ней. Переходя через рельсы, они заметили, как вдали сверкнули и тут же нырнули в темноту фонари охранников.

Гость вел себя примерно — ни о чем не расспрашивал, понимал с полуслова каждый намек. Через пару часов до слуха путников донесся ленивый собачий лай; он становился все громче; показались тусклые огоньки. Еще через полчаса они пробирались уже между дворами местечка Просек.

Михайло остановился у покосившегося на бок домика, к которому был пристроен непомерно большой сарай. Анжелика тихо забарабанила в замерзшее стекло окошка, и минуту спустя на пороге появился почесывающийся спростонья мужчина, с накинутым на плечи длинным кафтаном из овечьей шкуры.

— Это мы, — хрипло шепнул Вася.

Хозяин дома перекрестился.

— Слава богу! Все целы?

— Все, — весело отозвался Вася.

Хозяин сошел с крыльца, обогнул дом и открыл двери сарая, которые при этом жалобно скрипнули. Он громко выругался. Все, кроме Михайло и крестьянина, вошли в сарай.

— Ну, что? — приглушенным шопотом спросил Михайло.

— Они были здесь, — так же тихо ответил крестьянин.

— Ну?

— Обшарили все дома. Никого не нашли; угнали только соседскую корову...

— Ничего, — подбодрил его Михайло, — вот кончится война...

— С вами — гость? — прервал его хозяин.

— Вроде того, — кивнул Михайло. — Ну, ступайте отдыхать.

— Я спать не буду, — твердо заявил крестьянин, — спокойной ночи... — и он прикрыл дверь сарая.

Михайло чиркнул спичкой. В глубине сарая Вася устраивался на ночлег на куче осенних листьев. Гость озадаченно осматривался, ища места поудобнее, но не нашел и тоже улегся на листьях.

Над их головами находился насест для кур. Куры, встревоженные появлением людей, беспокойно кудахтали. Анжелика, запахнувшись в шинель, которую уступил ей Вася, таскала охапки листьев из дальнего угла сарая. Спичка погасла. Михайло зажег новую и осветил

лицо проходящей мимо него Анжелики. Волосы девушки были покрыты инеем — она казалась седой.

— Анжелика... — тихо проговорил Михайло.

Анжелика вопросительно взглянула на него.

— Ты очень устала. Отправляйся-ка в комнату. Мы сами все сделаем.

Она облизнула языком посиневшие от холода губы и послушно кивнула головой.

Догорела и вторая спичка.

Анжелика прислушалась к шагам Михайло, — он отправился в дальний угол сарая, и огонек вспыхнул теперь там. Анжелика не видела лица Михайло, но зато заметила, как ласково смотрит на нее Вася. Она улыбнулась и вышла из сарая, плотно прикрыв за собой дверь.

Михайло лег между Васей и гостем. Погасла третья спичка. В сарае наступила темнота.

Вася и Михайло спали по очереди: они договорились следить за гостем.

Американец долго еще ворочался на листьях. Вскоре Вася разбудил всех: пора двигаться дальше.

Заспанный хозяин дома принес им горячее молоко и маленькие лепешки из кукурузной муки. Михайло поблагодарил его, и они покинули сарай.

Туманы... туманы... туманы... Мир словно уснул под густым белесым покровом. И все же угадывается наступление утра. Туман принимает то светлосерый, то синий оттенок. Вот — провиделись сквозь него горные гряды, покрытые заснеженными сосновыми лесами. И кажется, что медленно, нехотя просыпается огромный великан, скидывает с себя тяжелое покрывало, потягивается. По склонам гор, лениво извиваясь, ползут последние клочья тумана... Издалека доносится мычание коровы, скрип колес...

Дорога в горы становилась все труднее. Путникам пришлось замедлить шаги. Анжелика шла впереди, часто скользя на узкой, покрытой снегом тропе, и Вася, идущий сзади, поддерживал ее. Цепочку замыкал Михайло. Люди окунались в туман, вновь выбирались из него. И ныряли в новую волну тумана. Характерный для триестинского побережья пейзаж открывался перед ними. Скалистые горы, и на них — сосны и ели; реже — дикая вишня и блед-

норозовые кусты терновника, сохранившего свои листья еще с осени. Тут и там вспархивали вспугнутые появлением людей дятлы; перепрыгивали с ветки на ветку белки — золотистые, светлорыжие. Далеко внизу находились шахты Идрии. Шахты охранялись итальянскими солдатами, а руду оттуда вывозили гитлеровцы. Впереди замаячило селение. Оно было окружено торчащими из-под снега желтыми скалами и издали напоминало крепость на горной вершине... Путники миновали его, переишли на другую дорогу. Михайло предложил сделать привал. Долина, усеянная виноградниками, осталась далеко позади.

Через полчаса они снова двинулись в путь. Снова горы, снова села, иные — из четырех-пяти домов. Горцы тепло встречали Михайло и его спутников, выносили им горячее молоко, угощали полентой из кукурузной муки, вареной козлятиной. В Триесте говорили на итальянском языке, а здесь — только по-словенски. Горные села были расположены обычно по обеим сторонам единственной проходящей в горах тропинки, и имели, таким образом, только один вход и только один выход.

За одним из поворотов путники встретили запыхавшуюся перепуганную девушку, — плотную, маленького роста, семнадцатилетнюю серблянку. Она сообщила им, что гитлеровцы, в поисках партизан, ворвались в ближайшее село и подожгли несколько домов. Девушка протянула руку вперед, и Михайло увидел за деревьями отблески пламени, пробивающиеся сквозь туман. Туман был здесь не серым, а багровым. Однако гитлеровцы искали партизан не там, где надо. Одно из подразделений третьей партизанской бригады действовало в это время вблизи Идрии. Михайло выяснил потом в штабе, что действия партизан были успешны, хотя не обошлось без потерь.

Васе и Анжелке Михайло велел оставаться в деревне Плава. Когда Михайло со своим гостем подходил к штабу, наступили уже сумерки, и в небе замерцали первые крупные, холодные звезды...

Штаб третьей ударной бригады партизанского корпуса имени Гарибальди помещался в заброшенной загородной вилле, прежде принадлежавшей богатому триестинскому

фабриканту и расположенной в семидесяти километрах от города, на высокой горе, густо поросшей соснами.

Штаб окружала сеть партизанских дозоров и заслонов; они контролировали все дороги, ведущие к горе. Особенно тщательно сохранялась почти незаметная тропа; узкой нитью извивающаяся по одному из склонов горы; по ней осуществлялась связь штаба с главными силами бригады, укрытыми в соседнем лесу.

Был вечер: в каминах виллы горел огонь; на треногах, поставленных внутри каминов, висели чайники и партизанские котелки. Пламя бросало вокруг дрожащие отсветы; причудливые тени металлись по стенам с лепными украшениями, по богато расписанным потолкам.

Тускло светили свечи в углублениях задов и на лестницах; то здесь, то там вспыхивали лучи карманных фонарей, огоньки папирос.

Всюду — на кроватях, диванах, столах, подоконниках, в креслах и прямо на полу — спали крепким сном партизаны, недавно возвратившиеся с трудного задания. Они спали, не раздеваясь, прямо в стеганых ватниках, кожаных куртках, плащах, шинелях или в крестьянских кафтанах, в пиджаках и в модных пальто, положив рядом с собой автоматы и винтовки.

Те, кто остался бодрствовать — чистили оружие, гладили или зашивали одежду, пили чай, брились; и старались все это делать бесшумно, так, чтобы не потревожить спящих.

На широкой кушетке лежал в забытии раненый старик. Возле него хлопотали несколько девушек-санитарок и врач в белоснежном халате.

Вдруг распахнулась дверь, и кто-то крикнул:

— Михайло вернулся!

Все в вилле пришло в движение; новость передавалась из зала в зал, из комнаты в комнату, с лестницы на лестницу.

И через минуту партизаны уже жали Михайло руки, хлопали по плечу. Десятки рук подняли его на воздух. Михайло еле удалось отбиться.

Он уже успел сбросить с себя немецкий мундир, и стоял сейчас на мраморной лестнице в шерстяном свитере, плотно облегающем его широкую грудь, заложив руки в карманы брюк и смущенно улыбаясь.

— А у нас гость,— кивнул Михайло в сторону человека в мягкой шляпе, одиноко стоящего у дверей.— Прошу любить и жаловать.

Михайло поднялся на несколько ступенек по лестнице и на ходу шепнул подростку, с маузером на поясе, уступающему в ботинках сапогам:

— Гостю — особый почет, Сильвио!

Это значило, что гость — не из обычных, и по отношению к нему должны быть проявлены и предельная учтивость, и предельная осторожность.

Подросток, не сказав ни слова, стал спускаться вниз и присоединился к партизанам, тесно обступившим гостя.

Михайло пробежал по коридору и открыл двери в одну из комнат.

Из-за стола, озаренного светом стеариновых свечей и заваленного бумагами и картами, встал навстречу Михайло чуть полный мужчина лет сорока, с открытым лбом и умными, добрыми глазами.

— Можно, товарищ полковник?— звонко крикнул Михайло.

Полковник ничего не ответил. Радостно улыбаясь, он шагнул к Михайло, вытер губы тыльной стороной ладони, поцеловал Михайло в одну щеку, потом в другую и, крепко обняв его за плечи, прижал к себе.

— Спасибо, Мехти!— произнес он.

Мехти, взволнованный и смущенный, потянулся к полковнику и еще раз обнялся с ним.

Они подошли к столу.

— Здоров, бодр, весел?— с теплым участием, вглядываясь в лицо Мехти, спросил полковник.

— Все в порядке, Сергей Николаевич.

— Я думаю. Шестьсот тридцать офицеров и солдат в один прием!— Сергей Николаевич кивнул на белевший на столе узкий лист бумаги, где записаны были сведения руководителя триестинского подполья товарища П.— Из всего этого сброды, обжиравшегося в зольдатенхайме, в живых осталось лишь несколько человек. Садись.

Михайло сел.

— Сегодня в Триесте взорвут гостиницу для гитлеровских офицеров, а в порту сожгут танкер. И все будет сделано так, чтобы гитлеровцы пришли к выводу: это тоже сделал Михайло... Им, кстати, и нелегко поверить, что на

такое способны у нас многие. Пусть же себе думают, что в Триесте срудишь ты один.

— А зачем это нужно,— чтоб они так думали?

— Понимаешь, Мехти, мифического Михайло труднее выследить, опознать, схватить... Где Вася?

— Вася укрыт в деревне Плава. Он будет ждать меня в пятницу: мы отправимся с ним на новое задание.

— Пусть перебирается сюда. После переполоха, который вы произвели в городе, вам нельзя появляться там, ну, хотя бы месяц.

— Можно, Сергей Николаевич!— запротестовал Михайло.— Мы оба наденем солдатскую форму. Знаете, этакое, чуть подвыпившие, веселые солдатики. У Васи, конечно, щека уже пройдет,— Мехти улыбнулся.— К тому же, мне удалось сегодня побродить по всему городу, и я представляю себе обстановку уже не по картам и рассказам...

— Нельзя, Мехти,— мягко, но решительно повторил Сергей Николаевич.— Столько ролей за такой короткий срок! Крестьянский парень; озабоченный, торопящийся куда-то ефрейтор; высокомерный и всюду ругающийся обер-лейтенант, а теперь вот подвыпивший солдат... Кончится война, разведемся мы с тобой по домам, и, боюсь, станешь ты не художником, а артистом,— пошутил полковник.

— Нет,— закуривая папиросу, серьезно ответил Мехти.— живописи я не изменю, Сергей Николаевич. Сегодня вот — не утерпел, зашел в Сан Джусто. И, поверите ли, я мог бы там простоять целый день!

— Так уж и целый?

— Правда, Сергей Николаевич!

— Ладно, верю, хотя ты и любишь преувеличивать. Командира видел?

— Видел. Он проверял с начштаба пост, а мы как раз проходили мимо. Я ведь не один пришел, Сергей Николаевич.

— С кем же?

— Да не то англичанин, не то американец.

Мехти придвинул свой стул ближе к полковнику и в нескольких словах рассказал ему о встрече с незнакомцем и о своем решении привести его сюда.

— Та-ак...— Сергей Николаевич задумался.— Скажи, Мехти, а зачем, собственно, ты притащил его к нам?

— Риск-то, ведь, невелик, Сергей Николаевич! Если он и вправду от союзников — то чего ж его бояться? А если враг — то ведь, он теперь в наших руках.

— А мог бы и улизнуть! Это тебе не приходило в голову?.. Разделался бы с вами, и после, с точными данными насчет наших явок, с нашими паролями — вернулся бы назад к немцам. И нас взяли бы в мешок.

Мехти сидел насупившись, чуть не до крови закусив губу.

— Ведь вы останавливались у наших людей, шли по нашим тайным тропам?

— Ну, да...

Они помолчали. Потом Мехти медленно поднял голову, твердо сказал:

— Вы правы, Сергей Николаевич. Я совершил большую оплошность.

Полковник откинулся на спинку стула и улыбнулся:

— Да нет же, Мехти. В том-то и дело, что никакой оплошности ты не совершил. Ты правильно сделал, что привел сюда незнакомца. И ты мог бы сказать мне: дорогой товарищ полковник, зря вы ко мне придираетесь. Человек этот знал, где мы должны были проходить. Он знал, видимо, и о взрыве. От немцев он узнать это не мог: едва ли они позволили бы мне взорвать зольдатенхайм. Значит, он получил сведения от кого-то из наших. Ему нетрудно было бы узнать и многое другое. И, следовательно, при желании он все равно нашел бы к нам дорогу. Отпусти я его — и еще неизвестно, что было бы! Дальше. На немцев он вряд ли работает; иначе выдал бы меня им: возможности у него были. Вот что ты мог бы мне сказать, Мехти. А, может, и еще что-нибудь. Но ты этого не сказал...

— Мне все это и в голову не пришло.

— Потому что ты действовал по первому побуждению. И вот это-то и плохо, Мехти.

— Так вы, значит, нарочно меня испытывали?

— А ты как думал? Я по твоему рассказу сразу понял: очень ты доволен своим приключением. И ведь это не первый раз, Мехти... Я уж давно приметил: чем больше опасность, тем больше ты радуешься! Кровь играет, а, Мехти?.. А ведь может случиться и так, что, смело пойдя навстречу опасности, ты поставишь под

удар не только себя, но и других! Помнишь историю с часовым?..

— Кто старое вспомнёт, тому глаз вон, Сергей Николаевич! — попытался пошутить Мехти.

— Да ведь приходится вспоминать, коль сам ты об этом забыл!

Нет, Мехти хорошо все помнил. Он проходил тогда возле поста. И сбросил в реку заснувшего немецкого часового. Узнав об этом, полковник вызвал Мехти к себе и добродушно разъяснил ему, что увлекаться — свойственно молодым девушкам, а Мехти все почему-то (он так и сказал: «почему-то») считают опытным разведчиком, и он должен был подумать о том, что немцы могли бы, ведь, обнаружить исчезновение часового, подняли бы переполох, и Мехти не удалось бы взорвать казарму. Сергей Николаевич говорил спокойно, сдержанно, а Мехти хотелось, чтобы полковник накричал на него. Он пытался оправдываться: неужели ж Сергею Николаевичу жалко, что одним фашистом стало меньше?

— Всех фашистов тебе одному все равно не уничтожить, Мехти, — сказал тогда полковник. — Ты должен заботиться о другом: об успешном выполнении заданий.

Нет, Мехти ничего не забыл. Не забыл он и того, что казарма все-таки была взорвана. Да как взорвана! От нее, как говорится, остались только рожки да ножки.

— А помнишь, — продолжал Сергей Николаевич, — как лихо ворвались вы с Анжеликой в село, услышав, что кто-то кричит на площади?..

— Но мне показалось...

— Я знаю, что тебе показалось, Мехти. Однако, если б там даже кого-нибудь и казнили, вы его все равно бы не спасли. А сами — попали бы в лапы к гитлеровцам.

— Сергей Николаевич, — взмолился Мехти, — да что вы все о плохом вспоминаете! Выходит, я только и делаю, что совершаю опрометчивые поступки?.. А помните, когда мы освобождали наших из лагеря, — разве я допустил хоть один неверный шаг?.. — у Мехти сверкнули глаза. — Ох, трудно мне было сдержаться! Но я сдержался.

— Ну, вот ты уж и обиделся, — засмеялся полковник. — Ты, Мехти, как ваша бакинская нефть: поднеси спичку — вспыхнешь. Да, лагерь — это было хорошо. Очень хорошо! Да у тебя и редко бывает по-иному. Но,

все-таки, бывает! А этого не должно быть!.. Ты — разведчик, Мехти. Ты за многое в ответе. И ты обязан рассчитывать каждый свой шаг, десятки раз проверять каждое свое решение. Риск? Да! Но риск — глубоко осознанный. А сейчас нужно быть особенно осторожным. Ведь не случайно Ферреро издал приказ о необходимости удвоить осторожность. И еще пойми, Мехти: ты представляешь здесь нашу страну... На тебя равняются остальные. Будь же таким, каким они хотят тебя видеть.

Полковник встал со стула, подошел к Мехти, положил ему руки на плечи:

— Так-то вот, дорогой мой Мехти,— и с шутливой укоризной добавил:— так-то, горячая ты голова...

Дверь в это время отворилась, и в комнату вошли командир бригады Луиджи Ферреро — невысокий, с большими мозолистыми руками, с пышными седоватыми усами, концы которых свисали к самому подбородку,— и начальник штаба бригады Карранти, тоже итальянец, подвижной, энергичный, а когда надо — хладнокровный и расчетливый, заслуживший общее уважение своей неутомимостью и отличным знанием штабного дела.

Ферреро поздоровался с полковником и обратился к Мехти:

— Кто это с тобой шел сегодня, Михайло?

Мехти покраснел:

— Да я толком и не знаю... Говорит, что он от союзников. Они велели передать, что сбросят взрывчатку только послезавтра.

Ферреро вздохнул и, покусывая кончики своих длинных усов, принялся ходить по комнате. Потом, подняв на Сергея Николаевича озабоченные глаза, тихо сказал:

— Да... совсем было забыл... Там Маркос с ребятами уходит на задание. Ты не хочешь поговорить с ними?

Полковник кивнул головой, оправил на себе гимнастерку и вышел.

Ферреро пододвинул стул и сел. Карранти последовал его примеру.

— Вот видишь, Михайло,— начал Ферреро,— в прошлом месяце мы сидели без продовольствия, а нам с британского самолета скинули медикаменты. Вон, смотри,— он показал на пулемет у стены,— позавчера сбросили десять пулеметов новейшей конструкции. Но... ни

одного патрона к ним.— Он набил табаком трубку, закурил.— Оказывается, и взрывчатку сбросят не сегодня, а послезавтра. А немецкие эшелоны — проследуют завтра. Вот какие, друг, дела...

Наступило молчание.

— А не допросить ли нам этого англичанина... или, может, американца? — предложил Карранти.

— Американца! — твердо сказал вернувшийся в комнату Сергей Николаевич, плотно закрывая за собой дверь. Как всегда в минуты большого волнения, у него резко обозначились скуды, и под ними заходили тугие желваки.— Я его знаю.

Он прошел к столу и сел на свое место.

— Откуда ты его знаешь, полковник? — недоверчиво спросил Ферреро.

— Это тот самый человек, который приезжал к нам в лагерь, чтобы вывезти из него американцев.

Мехти вскочил со стула.

— Ловко! — невольно вырвалось у него.

— Садись, садись! — добродушно усмехнулся Ферреро.— Как же ты мог забыть его, полковник?

— О, я его хорошо запомнил! — упрямо сказал Сергей Николаевич.— Он приехал с бумагой из гестапо и вывез из лагеря всех американцев. Кроме негров.

Карранти поднял брови:

— Это плохо, что он оставил негров... Но, согласитесь, — он ведь пошел на смелый шаг?

— На него можно было пойти только при одном условии, — полковник помедлил и четко, раздельно произнес: — при условии прочной связи с руководителями гестапо! Я валялся раненый, он наклонился надо мной, и я запомнил его лицо — серые глаза, холодный, безучастный взгляд.

— Ну, ты мог и ошибиться! — заметил Ферреро, — ты же сам говоришь, что был ранен, лежал в жару...

— Нет, ошибки тут быть не может. Я уверен, что это он.

Ферреро шумно запыхтел трубкой.

— Что ж, вполне возможно, — согласился Карранти.— Вы думаете, что и сюда он прибыл с намерением...

— Нужно разгадать его намерения,— твердо сказал Сергей Николаевич.— Надо следить за ним и сопоставлять все его сведения и факты, с которыми мы будем сталкиваться. Дело, кажется, даже сложнее, чем мы думаем. Вот вам первые сведения: взрывчатку сбросят послезавтра, а гитлеровские эшелоны пройдут завтра...

— А ведь дело говорит мой заместитель,— сказал Ферреро.

— Пожалуй,— кивнул Карранти.

— Покамест допроси его. Хорошенько допроси,— коротко приказал командир.

Карранти тотчас вышел из комнаты. Он не привык откладывать в долгий ящик выполнение приказаний.

Поздняя ночь.

Карранти вывел во двор виллы человека в мягкой шляпе и сером пальто.

Мерзнувшие на морозе часовые узнали Карранти, но он все-таки шепнул им пароль, потребовал отзыв и только после этого предложил человеку в шляпе идти вперед.

Сам он шел сзади, держа в руке пистолет.

Тропа, по которой они пробирались, вела к высокому утесу.

Встречались новые часовые. Карранти опять назвал пароль и медленно продолжал путь.

— Могу я, наконец, говорить?— тихо спросил человек в сером пальто.

— Теперь можешь,— так же тихо ответил Карранти.— Но будешь идти не рядом, а впереди меня, Джон. Впервые, как ты встретился с Михайло?

— Наши в штабе получили твое сообщение о том, что Михайло взорвет сегодня зольдате́нхайм. Они советовались с нашей ставкой, и было решено не мешать партизанам переправить на тот свет еще несколько сот немцев. Для нас лучше, если и у немцев, и у русских будет как можно больше потерь!

— Это я знаю не хуже тебя, Джон. Меня интересует другое: как ты его узнал? почему он тебе доверился?

— У меня немецкий паспорт,— оборачиваясь, ответил Джон,— я инженер-геолог, прибыл из Берлина, интересуюсь шахтами Идрии. Весь день я вертелся у зольда-

тэнхайма. Михайло со своим напарником вышел оттуда слишком быстро. Я не знал их в лицо — мог только догадываться, что это они. Не будь я предупрежден да не помоги мне объявления немцев — на приметы, правда, они не очень-то расщедрились — и я не опознал бы партизан. Этот Михайло работает великолепно! Я стал следить за ними. Они поднялись в Опчину, там встретились с какой-то девушкой. Тут я решился подойти к ним. А насчет доверия... В этом я не особенно убежден. Когда мы ночевали в сарае, мне показалось, что Михайло и его приятель спали по очереди... — Джон вдруг остановился и опасливо оглянулся по сторонам.

— Я иду за тобой вплотную, говори,— спокойно сказал Карранти.

— Почему ты не похвалишь меня?

— За что? Ты никогда не отличался особой сообразительностью,— сказал Карранти.

— Брось шутить, Чарльз.

— Я не шучу. Что тебе известно о взрывчатке?

— Взрывчатка не будет сброшена и послезавтра. Поезда немцев должны ходить беспрепятственно. Бригаду надо увлечь в квадрат 11 — ты найдешь его на карте,— там она будет уничтожена немецкой карательной дивизией. Командира убери любыми средствами. Сам постарайся попасть в штаб корпуса. Мы не должны пустить сюда русских. Лучше Гитлер, чем коммунисты. Дальнейшие инструкции получишь обычным путем.

— Всё?

— Всё. Чорт подери, дальше же обрыв!

— Повернись ко мне, Джон,— произнес Карранти.

Джон обернулся. Они стояли под высокой сосной, на самом краю утеса. Из-за горы медленно выходила бледная луна.

— Теперь помолись, Джон. Я должен тебя расстрелять,— негромко сказал Карранти.

— Опять шутишь, Чарльз... — начал было Джон, но Карранти уже поднял пистолет.

Джон сразу обмяк, у него ослабли ноги, противно засосало под ложечкой.

— Тебя узнали, Джон,— сказал Карранти.— А мне пришлось потратить очень много труда, чтобы стать начальником штаба бригады.

— Но, может быть, можно еще убеждать?... — задыхаясь, выдал Джон.

— Нельзя,— бесстрастно сказал Карранти.— Тебя сразу же схватят. А я должен быть вне всяких подозрений, Джон!

Джон озибался вокруг, как затравленный зверь.

— Ты же приличный парень, Джон... И ты отлично понимаешь, что каждый день моего пребывания здесь стоит увесистой пачки долларов. Я не могу их лишиться, Джон,— тоном проповедника произнес Карранти.

Джон кинулся к нему, но раздался выстрел, и тело Джона покатилося с обрыва...

К утесу подбежали двое дозорных.

Карранти не спеша положил пистолет в кобуру и застегнул ее.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Была полночь. Сергей Николаевич осторожно, чтобы не разбудить спящих бойцов, пробирался по коридору, сердясь в душе на то, что его изрядно поношенные сапоги стали вдруг так скрипеть, будто их только вчера выдали ему из склада авиачасти, расположенной недалеко от Полтавы. Когда сапоги его были совсем новыми, приятели подшучивали над ним, и молодые пилоты, еще издали услышав их скрип, шептались друг другу: «Это комиссар». Он проходил, хмуро отвечая на их приветствия, и так же, как и теперь, сердил его назойливый скрип сапог.

Прикрыв рукой яркий луч ручного фонаря, Сергей Николаевич осторожно переступил через ноги молодого партизана, растянувшегося поперек коридора. Едва заметная полоска света падала на лица спящих... «Не так, как в родном доме. А ведь у каждого из них есть свой дом... Или был... И у этого старика, и у крепыша-болгарина, и у отчаянного малого — смуглого корсиканца Анри Дюэза... У него, кажется, туберкулез, вон как кашляет. И всегда нездоровый румянец на щеках... А вот еще одна отчаянная — чешка Лидия Планичка. Ей бы сейчас хлопотать в кухне, у себя дома, и подогревать ужин для мужа, а она — и во сне не расстается с оружием. Мужа убили на прошлой неделе в ночном налете на немецкую

казарму. Хороший был человек учитель Джузеппе. Лидия дерется теперь и за себя, и за мужа. Кстати, Джузеппе говорил, что ждет от нее первенца. Но наверное ошибался, пока ничего не заметно. У Сергея Николаевича тоже есть дом, есть жена и сын, Петенька. «Петр Сергеевич» — так называл он сына, когда тот был семилетним озорником. А теперь: «Петенька»...

Сергей Николаевич завернул влево. С трудом пробравшись до конца коридора, он неслышно приоткрыл дверь и, все еще продолжая сердиться на свои сапоги, вошел в комнату.

— Сергей Николаевич? — послышался тихий голос.

— Не спишь, Мехти? — так же тихо, чуть хрипловато спросил Сергей Николаевич.

— Не могу заснуть.

Сергей Николаевич осветил комнату фонарем. Это была одна из ваннных комнат на втором этаже, со светлоглубыми кафельными стенами и небольшим бассейном посредине, который сейчас был до отказа наполнен осенней листвой... На этой своеобразной перине — мягкой и шуршащей — любит отдохнуть Мехти.

На дворе стояла зима, а в комнате от листьев веяло осенью, — задумчивой, тихой и чуть печальной.

Когда Мехти обернулся на свет, листья зашелестели хрупким, безжизненным шелестом.

Приподнявшись и все еще щуря глаза от света фонаря, Мехти смотрел на Сергея Николаевича, который подошел ближе, сел на край бассейна и лишь после этого потушил фонарь.

Стало темно. Только рассеянный свет луны, пробивавшийся сквозь рваные облака, лился через круглое окно, которое делало комнату похожей на каюту старинного корабля.

— Никак не спится, — повторил Мехти. — Лежу вот и думаю о своей картине. Скоро начну ее писать...

— Что же ты задумал изобразить на ней, Мехти?

— Окончание войны, Сергей Николаевич. Она будет очень проста по композиции: наш солдат, возвращающийся с войны, и ликующая земля вокруг. Но надо сделать ее хорошо, с настроением, чтоб, смотря на нее, можно было увидеть и дороги, пройденные нашим человеком, и ту жизнь, которую нарушила война и к которой он теперь возвращается.

— Это очень трудно — написать такую картину.

— Очень! Может, и силы у меня не те... Но писать надо только так... Вот, представьте себе, смотришь на маленькую картину, а перед тобой вся твоя страна, вся твоя жизнь...

Мехти заговорил о родине, а это было самым дорогим для обоих... И оба задумались...

...Сергей Николаевич увидел свою Сибирь. Сибирскую широкую реку весной. Вспомнил первый комсомольский воскресник на лесосплаве и Таню в ушанке, в ватнике, с раскрасневшимися от холодного весеннего ветра щеками.

«Таня!»

«Нет, нет, Сережа, не люблю я вас... Не люблю». Она боялась смотреть ему в глаза, и он не поверил ей, не поверил тому, что она не любит... Ну и сорванцом же был он тогда! Словно ветер, пролетел он по стремительно несущимся в волнах коричневым бревнам, и в одно мгновение очутился на середине реки. Он начал расцеплять бревна, давая правильное направление лесу, разбивая образовавшуюся пробку. О бревно, на котором он стоял, с глухим стуком ударился другой ствол и чуть не сбил его с ног. Он понесся вместе с бревнами вниз по течению. А Таня бежала по берегу, бледная, перепуганная, и кричала до хрипоты в голосе: «Сережа! Сережа!» Она бросила ему багор, и Сергей зацепился им за первое попавшееся дерево, растущее на крутом берегу почти горизонтально над водой. Бревна под его ногами закружились и ударившись о берег, сбросили его на песок... И тут он увидел совсем другую Таню. Она бежала к нему, спотыкаясь, — смешная, неуклюжая: ватные брюки мешали ей бежать. «Сережа», — уже тихо, дрожащим голосом проговорила она, схватив его лицо руками, словно желая еще раз убедиться, что все кончилось хорошо, что он цел и невредим, — и заплакала. Они медленно шли по берегу, против течения реки, и смотрели, как свободно бегут по воде тысячи гигантских столов.

Это был первый сплав для первых грандиозных строек, к которым приступала тогда молодая советская страна. А кругом — родные просторы... Мир был бесконечно велик, и так свободно дышалось в нем...

...А в это время Мехти слышалась отдаленная, сбивчивая барабанная дробь. Ему было восемь или девять лет, когда он стал барабанщиком своего пионерского отряда. Товарищи с нескрываемой завистью смотрели, как он гордо шагал впереди колонны. Во время привалов ребята окружали его, и он разрешал им трогать свой барабан, а иногда даже и барабанить. В Баку тесной семьей жили азербайджанцы, русские, армяне, грузины. И в пионерском отряде ребята, по традиции своих отцов, крепко дружили между собой. Мехти, которому легко давались языки, очень скоро научился говорить не только по-русски, но знал уже много армянских и грузинских слов. Он гордился тем, что, придя домой, мог удивлять своих сестер новыми словами, услышанными и заученными в отряде.

Любил Мехти майские празднества, когда все школьники уходили в Нагорную часть Баку. Любо было смотреть оттуда на город, на синее море, на Бухту Ильича, которая обростала всё новыми нефтяными вышками. Нравилось Мехти дежурить около знамени пионерского отряда и отдавать салют, когда мимо проходили товарищи. Он был серьезен, а вместе с тем — и горяч. Однажды, когда старшеклассник отобрал у малыша завтрак, Мехти накинулся на верзилу с кулаками. Он колотил обидчика по чему попало и что-то кричал ему, а что — невозможно было разобрать: от волнения Мехти стал даже заикаться. Целую неделю он прикладывал под глазом свинцовую примочку и был хмурым, неразговорчивым...

Мехти мог повздорить и с преподавателем. Как-то один из преподавателей выставил его из класса. Это было несправедливо. Мехти отправился к директору и вполне серьезно потребовал, чтобы преподаватель признал свою неправоту. Мехти ни в чем не знал удержу. Он мог на спор пролежать с полудня до заката под жарким солнцем; и однажды — это было на даче в Новыханах — долежался до того, что вся кожа у него покрылась волдырями. Но он и вида не подавал, что ему больно. «Горячая голова!» — называли его друзья. А друзей у него было много...

...Сергей Николаевич вспомнил свое первое путешествие. Ему пришлось на время оставить рабфак и уехать на Урал, на стройку грандиозного металлургического

комбината. Так делали многие комсомольцы. Строилась вся страна, люди совершали подвиги...

...Это произошло в городской купальне. Мехти слышал, как спорили между собой взрослые ребята: «Кто сможет подняться на крышу купальни и оттуда броситься в воду?» Он ждал, кто же решится? Но никто не решился, и тогда он сам вскарабкался по лестнице на крышу купальни. Даже третий трамплин, с которого не осмеливались прыгать не только подростки, но и взрослые, находился далеко внизу. Люди принимали здесь солнечные ванны. Под удивленными взглядами Мехти взобрался на барьер крыши. Ему стало жутко, когда он увидел, что горизонт словно приподнялся и что море течет по наклонной плоскости. А где-то под ним, куда он должен был прыгнуть, не синела, а, пенясь, чернела бездна. Как будто страшный зверь зловеще оскалил зубы. Еще минута — и Мехти повернул бы обратно. Но снизу на него были обращены сотни глаз. Школьные друзья подбадривали его возгласами; они радовались за него; и друзей нельзя было подводить... Не раздумывая, Мехти разбежался и в легком красивом прыжке — ласточкой — полетел вниз... Вода сомкнулась над ним. Брызг не было, и он, юркнув, как рыбка, в воду, вынырнул и услышал гул, крики, одобрителные возгласы и даже рукоплескания.

Может, это и был его первый подвиг?

...Туго приходилось порой Сергею Николаевичу и Тане. Но все же часть своей зарплаты они откладывали на заем... Как же радовался Сергей Николаевич, когда им посчастливилось, и он принес домой неожиданный очень крупный выигрыш — десять тысяч рублей. Деньги он положил на стол. Таня очень растерялась, когда увидела столько денег. «Сережа, что же мы будем с ними делать?» — «Как, что?» — сказал он. — Возьми на них новый заем, ведь стране много еще предстоит строить».

«И правда», — сказала она. Они привыкли жить очень скромно. Маленький деревянный домик, небольшой огород у широкой реки, а кругом — тайга.

...Мехти вспомнил двухэтажный небольшой дом на улице Касум-Измайлова. Рядом с их домом росла хрупкая ива, а напротив была школа № 19, где он учился. Особенную любовь питал Мехти к своему учителю Сулейману Сани Ахундову, одному из азербайджанских

писателей. Может быть, поэтому Мехти страстно любил литературу (запустил другие предметы — математику и химию) и еще с детства начал писать стихи, вернее, сказки в стихах: «Заяц против волка», «Петух-глашатай»... Но поэтом он не стал... И ему вспомнились первые его рисунки в школьной стенгазете, где он был редактором и художником: «Первая электричка, уходящая из Баку на нефтяные промысла»; карикатура с изображением злого, страшного и в то же время уродливо-смешного кулака, замахивающегося оглоблей на первые колхозы; «Первая азербайджанка-инженер на трибуне». Это были злободневные плакаты и карикатуры, и все в них было «первым»: страна тогда только начала создавать первые колхозы, институты выпускали первые сотни азербайджанок — инженеров, врачей и агрономов. И Мехти был очевидцем этих событий.

Умерла мать. Мехти еще крепче привязался к старшей сестре покойного отца, очень старой, но крепкой и бодрой женщине. Все звали ее Биби. Она рассказывала ему о подвигах его отца, о борьбе с бандитизмом в первые годы советской власти; показывала именнные подарки отцу за образцовое выполнение партийного долга, за храбрость и отвагу.

Однажды один из учителей их школы был командирован в далекий горный район Азербайджана, а привезли его мертвым. Люди рассказывали, что учителя убили бандиты, и Мехти воочию убедился: существуют враги, и они — убивают... На следующий же день Мехти подал заявление в комсомол, но его не приняли из-за возраста...

Потом — художественное училище... Началась новая жизнь. И сейчас, лежа на сухой осенней листве, он вспоминал одну из своих работ: тусклый свет темницы, и яркий луч, освещающий руку одного из двадцати шести комиссаров, который выводит на сырой стене слово: «Коммунары»... Мехти, кажется, удался этот групповой портрет пламенных борцов за свободу.

Прежде чем написать картину, он тщательно изучил все материалы и документы, связанные с предательским расстрелом бакинских комиссаров озверелыми интервентами.

Мехти хотел, чтобы перед мысленным взором зрителя возник волчий облик «цивилизаторов», которые вторглись

на его родную землю, мечтая прибрать к рукам ее богатства, отнять у людей свободу и счастье.

А сколько еще кровавых трагедий, сколько предательств, сколько подлости, связанных с именами английских и американских империалистов, хранит память народов! «Мы никогда не забудем об этом» — как бы говорил Мехти своей картиной.

...Прощай, рабфак.

«У нас будет сын...» — сказала Таня. Она все жаловалась, что ноги у нее опухают, трудно надеть туфли. «Если будет сын, назовем его Петром», — решил Сергей Николаевич.

...Шла вторая пятилетка...

...Мехти стоял перед комсомольцами и, сильно волнуясь, рассказывал свою биографию. Он рассказывал о пионерском отряде, об отце своем, старом коммунисте, которого он потерял очень рано, и пообещал, что поставит статью настоящим художником.

А после него выступил комсомолец Адигезалов и разразился длинной проповедью. Он сказал, что Мехти должен покончить с «бесшабашным ухарством» (а Мехти, и впрямь, даже в пионерских играх стремился выискать для себя что-нибудь поопасней, и поступки его не всегда укладывались в нормы, предписанные старшим вожаком), что ему нужно «категорически», «коренным образом», «раз и навсегда» перестроиться и стать таким же, как все присутствующие и, в частности, как он, Адигезалов. Мехти не выдержал, вскочил с места и с жаром заявил, что «перестраиваться» не станет и что ему не хочется быть похожим на Адигезалова, так как тот «трус и шукара». Адигезалов потребовал доказательств. Мехти привел их. Собрание затанцовало. В конце концов, Мехти в комсомол приняли, а перестроиться предложили Адигезалову.

...На карте страны появились названия новых городов. Красная Армия разгромила японцев у озера Хасан.

В эти дни Сергей Николаевич был принят в Военно-Воздушную академию.

Сергей Николаевич и Таня с маленьким Петром на руках проходили мимо площади Пушкина в Москве. Петя протянул руку к разноцветным шарам, которыми торговал старик-бородач. Ему купили красный шар.

Вскоре он упустил его, и шар унесся далеко в небо. Он становился все меньше и меньше... Петя заплакал, и ему обещали купить новый шар.

...«Ну и народу в Москве», — подумал Мехти, пересекая площадь у Курского вокзала. Девочки-подростки, задрав головы, смотрели в небо. «Что случилось?» «Смотрите, вон шар летит». Мехти тоже задрав голову и налетел на молодую девушку-мороженщицу, очень напоминавшую изображение на старых папиросных коробках «Южанка». «Простите, пожалуйста». «Ну, пустяки какие, возьмите эскимо». «Не могу, руки заняты». Трудно было таскаться с тяжелым чемоданом и холстами по длинным, многолюдным московским улицам. «Ну и Москва!» Он остановил такси. В Москве появились тогда первые «эмки». «На Ленинградский вокзал», — сказал он, — только прокатите меня немного по городу». Вскоре они подружился с шофером, который с подробными комментариями рассказывал о каждой площади, о памятниках Москвы. Вот спуск Кузнецкого моста. Петровка... Вдруг Мехти показалось, что молодой шофер слишком уж расхваливает свою «эмку». И он заявил шоферу, что тот едет сейчас на бакинском бензине. Позже он горделиво заявлял это и другим шоферам, словно только сейчас, когда Мехти увидел тысячи машин, он стал понимать, что значит в жизни страны его родной город... В Баку ему говорили, что в Охотном ряду самое большое здание — это Дом Союзов. Но с ним, верно, шутили: Дом Союзов почти терялся рядом с двумя, как ему казалось тогда, гигантами: гостиницей «Москва» и Домом Совнаркома. По Охотному ряду ходили еще трамваи. А вот и Исторический музей, зубчатые стены Кремля. Сердце Мехти забилось непривычно-взволнованно... Перед ним были Красная площадь, Мавзолей. «Остановитесь!» «Тут нельзя останавливать», — сказал шофер, — можете потом пройти пешком». Надо было спешить на вокзал, компостировать билет, чтобы сегодня же уехать «Стрелой» в Ленинград, и Мехти огорченно откинулся на спинку сиденья. Но через мгновение снова оживился. Он увидел часы Спасской башни, собор Василия Блаженного, потом Москва-реку...

В Ленинграде Мехти встретил одного из своих бакинских товарищей и очень обрадовался этой встрече. Они

оба готовились держать экзамены в Ленинградский художественный институт. Товарищ его прошел по конкурсу, а Мехти в институт не попал. Всю ночь он бродил с товарищем по городу, по берегу Невы, прислушиваясь к глухим гудкам пароходов. Он шел, понунив голову, а товарищ как мог успокаивал его, и тон у него был извиняющийся, словно это по его вине Мехти не приняли в институт. Мехти стыдно было возвращаться в Баку ни с чем. На душе у него скребли кошки, но он старался держаться мужественно.

Многие хвалили ему факультет иностранных языков. Он поступил в Ленинградский педагогический институт иностранных языков и с первого же года стал удивлять своих учителей и профессоров чистотой произношения. У него становилось все больше новых друзей; его восхищала широта души и простота русских товарищей. Он многому учился у них. В институте Мехти стал редактором стенгазеты «Лингвист», и не раз оформленные им газеты получали первые премии на смотре стенгазет... Все считали его уже своим, ленинградцем.

Он аккуратно посещал зимний бассейн, и в одном из всесоюзных соревнований по прыжкам в воду вошел в первую десятку. Это было в Ленинграде, на улице Правды...

Он часто посещал музеи, Петергоф, Эрмитаж, долгу простаивал перед великими творениями искусства. В глубине души он затаил мечту вернуться когда-нибудь к живописи. По всем предметам он, в общем, успевал и лишь по военному делу все получал посредственные отметки: он думал, что может стать кем угодно, только не военным. Порой Мехти в ущерб одному предмету увлекался другим. Своими ответами он вызывал, например, восхищение профессора-историка, но зато причинял неожиданные огорчения профессору, ведущему логику. Однако к экзаменам он подтягивался и сдавал их хорошо. Зимой Мехти ходил на лыжах. Сначала учила его Женя, черноволосая, удивительно милая девушка, но уже через год он сам стал учить ее виртуозной лыжной ходьбе, воля девушку по таким кручам, что у нее захватывало дух. Она визжала от страха, а Мехти довольно смеялся.

Одним из его очередных увлечений был фотоаппарат «ФЭД», и он снимал своих друзей, снимался сам вместе

с ними, запечатлевая самые живописные уголки города Ленин. К этому времени он уже владел французским, испанским и немецким языками...

...Снова Москва. Море огней. Город вырос; улицы его стали шире, величественнее. Нигде жизнь не бурлила так, как в Москве! Мехти шагал по знакомым улицам и не узнавал их. По Охотному ряду уже не ходили трамваи, а плавно катились троллейбусы. На одном из них, двухэтажном, он проехал на Всесоюзную сельскохозяйственную выставку, которая открылась совсем недавно.

Он восторженно глядел на великолепные павильоны республик. У белорусского павильона обособленной кучкой стояли иностранные корреспонденты.

— М-да, райский уголок устроили. — морща нос и кривя губы, заметил корреспондент, одетый, несмотря на жару, в кожаную куртку, испещренную «молниями». — Да только везде ли у них так?..

Он говорил по-французски, но с некоторым акцентом. Спутники его улыбнулись.

Мехти, который проходил в это время мимо иностранцев, услышал последнюю фразу журналиста и невольно приостановился. Иностранцы подождали его к себе. Мехти подошел. Корреспондент в кожаной куртке оглядел Мехти с ног до головы. Мехти был в обыкновенной голубой майке, в парусиновых брюках и в тапочках.

— Ви... ви... — корреспондент с «молниями» зашелкал пальцами в поисках подходящего слова.

— Говорите по-французски, я вас пойму, — перебил его Мехти.

— О! о! — изумленно воскликнул иностранец и спросил по-французски: — Где вы научились французскому?

— В институте.

— Великолепно!

— А что тут особенного? — добродушно улыбнулся Мехти.

— Скажите... Вы не ответите мне на несколько вопросов?

— Если смогу, отвечу.

Корреспонденты взяли «наизготовку» свои блокноты.

К Мехти подошли двое юношей — украинец и узбек в цветном халате.

Корреспондент в кожанке оглядел иронически неза-тейливый наряд Мехти и сказал что-то своим коллегам по-английски. Мехти плохо знал английский, но по произношению корреспондента догадался, что это американец.

— Скажите... гм... что вы считаете главным в жизни? Богатство? Успех? Или, может быть, — он усмехнулся, — работу?

— Главным в жизни, — твердо сказал Мехти, — я считаю ясность цели.

— Ясность цели? Что же такое, по-вашему, ясность цели? — спросил журналист.

— Ну, как бы это вам объяснить... — в глазах Мехти мелькнул огонек задора. — Мы вот говорим, что надо строить новые города, и на карте появляется название нового советского города. Мы говорим: больше металла! — и выпускаем новые тракторы, автомобили, станки, турбины. Мы говорим о борьбе за изобилие продуктов — и показываем вам плоды этого изобилия... Вот это и есть ясность цели... Понятно?

— И-не очень, — буркнул американец.

— Жаль, — Мехти улыбнулся. — А впрочем, я так и думал, что вы этого не поймете.

Корреспондент так и не записал ничего в свою книжку, а Мехти подхватил под руки узбека и украинца и присоединился к шумному и праздничному людскому потоку.

— Что ты им объяснял, друг? — спросил украинец.

— Объяснял самые простые вещи, но, как видно, они не пожелали понять.

— И чего их сюда пускают?! — неприязненно произнес узбек.

— Нехай смотрят, что нам, жалко! — сказал украинец.

Они вошли в чайную возле павильона Российской федерации и весело пили там чай с баранками...

...И вот — 1941 год. Война...

...Таня с семилетним Петром провожала Сергея Николаевича на фронт. Он был назначен комиссаром в одно из авиационных соединений. «Папа, бей фашистов!» — задорно крикнул Петр. Многие оглянулись на его голуб; среди провожатых возникло оживление. Таня улыбнулась сквозь слезы...

...Военное училище в Тбилиси. Мехти принимали в партию. Он поклялся сражаться за Отчизну до последней капли крови. Сын коммуниста, маленький барабанщик пионерского отряда, сочинитель стихов, художник, лингвист — стал воином, коммунистом. Ему было суждено защищать честь и свободу своей страны на Сталинградском фронте. Здесь, на фронте, он особенно хорошо узнал людей, — вдалеке от дома, от семьи, от родных, люди быстрее сближались друг с другом.

На фронте Мехти получил письмо от одного из бакинских друзей. Он трижды перечитал его, сидя в окопе, пользуясь редкими минутами затишья. К нему подошел политрук роты. Он хотел провести беседу с бойцами, но люди оглохли от орудейного грохота. Мехти отдал письмо политруку. И пошло оно гулять по окопам, по ходам сообщений, по блиндажам. Друг Мехти писал, что он, вместе с группой геодезистов, находится в центральной части Азербайджана, в маленьком селении Минге-чаур — они ведут первые изыскательские работы в местах, где скоро начнется строительство грандиозного гидроэлектростанции. Цель строительства — оросить водами Куры засушливые степи, дать ток новым нефтяным промыслам, фабрикам, заводам. Письмо переходило из рук в руки, и светлели, загорались улыбками лица бойцов. Вокруг громоздились руины, шел жестокий бой, смерть витала над головами, — а народ, как всегда, думал о жизни, созидании. Он думал о будущем... А чтобы завоевать это будущее — нужно было, не щадя жизни, драться за свою землю. И Мехти сражался с яростью, с ожесточением. Ненависть с особенной силой вспыхнула в его сердце, когда он узнал, что немцы беспощадно бомбят его любимый Ленинград, что Петергоф превращен в развалины, что бомба попала в Эрмитаж. Ленинградцы несокрушимой стеной поднялись на защиту своего города. И Мехти гордился ими как самыми близкими людьми... В одном из ожесточенных боев их часть попала в окружение. Мехти был тяжело ранен, но продолжал драться. Когда кольцо фашистов стало совсем тесным и Мехти увидел их в пяти шагах от себя, он приставил к груди дуло автомата и нажал на курок... В глазах у него потемнело, и стало тихо-тихо... Очнувшись Мехти в незнакомом помещении. Кругом были немцы. Он слышал их

четкие шаги, резкие приказания; слышал вопли, стон людей... Над ним склонилась женщина в черном платке, с бледным, измученным лицом. Она приложила к его ране мокрую тряпку... «Где я?» — спросил он хриплым и каким-то чужим, словно идущим издалека, голосом. «Нельзя...» — шопотом, ответила ему женщина. — Тут надо тихо...» Она говорила на ломаном русском языке. Позже он узнал, что женщина эта — полька и что они в концлагере. «Яду... достань мне яду...», — просил Мехти, а она все повторяла: «Нельзя... нельзя... Надо тихо...». Он быстро поправился; и теперь его все чаще водили на допросы. На допросах Мехти заявлял, что после сильного ранения он плохо все помнит. Он прекрасно владел немецким языком, у него было чистое произношение, и фашисты приметили его. Мехти держался с ними свободно, независимо: он презирал смерть и считал, что вновь родиться для такой жизни, как сейчас, — это хуже смерти. И он вел себя вызывающе, хладнокровно смотрел смерти в глаза.

Фашистам часто хотелось выпустить в него содержимое своих пистолетов. А он стоял перед ними спокойно, твердо, с каменным лицом. Тогда немцы резко изменили свое отношение к нему... А потом... потом было многое, очень многое...

— О чем вы думаете, Сергей Николаевич? — спросил Мехти, подняв голову.

— О Москве... — мечтательно протянул Сергей Николаевич. — Я ходил сейчас по ее улицам... Зашел на телеграф... — тот, что на улице Горького, — получить письмо до востребования от Танюши и Петеньки. Он, наверно, уже умеет писать... Раньше он присылал мне только рисунки. Очень забавные...

— А по Манежной не прошлись, Сергей Николаевич? — с оживлением спросил Мехти. — Там ведь Кремль совсем рядом.

— Прошелся, Мехти; и по Красной площади прошелся... И заглянул в твою Третьяковку.

— А площадь Пушкина помните?

— Как же! и Петровку, где всегда столько народу!

— И Садовое кольцо, — сказали вдруг они в один голос и удивленно замолчали... Вся их бескрайняя Родина казалась им сейчас обжитой, уютной комнатой, в которой они жили дружной, тесной семьей. Можно было помечтать немного: «А вон там, в углу, поставим стол... А тут — постелим дорожку...». И все было до предела знакомо, близко; все — принадлежало им. Они были хозяевами этой просторной комнаты, куда их так тянуло сейчас, воздух которой хотелось вдохнуть полной грудью.

Бесконечно великим и удивительно теплым было их жилище! Их просторный дом, которому грозила сейчас опасность. Сергей Николаевич вздохнул: нет, не до идиллий нынче! Он раздумчиво сказал:

— А знаешь, Мехти... Боюсь я, что не совсем верно задумал ты свою картину. Немало еще трудностей на пути твоего солдата.

— Ну и что же. Мой солдат с честью выйдет из испытаний. И увидит перед собой — солнце, яркое, ослепительное солнце!

Сергей Николаевич внимательно посмотрел на Мехти. Пылкая, восторженная душа. Как и миллионы людей, ты мечтаешь о мире. Но не так-то просто придет к нам мир...

А Мехти говорил, загораясь все больше и больше:

— Наши уже подходят к границе. Скоро конец войны; скоро наступит мирная жизнь, и светлая, широкая дорога ляжет перед моим солдатом! Так ведь, Сергей Николаевич?

— Конечно, так, Мехти... Вперед — счастье. Но не такое оно легкое и безоблачное, как ты представляешь, — лицо у полковника стало серьезным, строгим. — Не так всё просто, Мехти... Ты видишь сейчас только того врага, который стоит перед тобой. И тебе кажется: уничтожишь ты его, и все будет хорошо! А ты загляни подальше, Мехти. Ведь искусство — это и есть «глядеть подальше», а?

Мехти пожал плечами:

— А я и пытаюсь заглянуть вперед. И вижу всё не а таком мрачном свете, как вы.

— В мрачном?.. Нет. Я хотел лишь сказать, что не так-то все просто, — и, понизив голос, полковник неужи-

данно спросил:— Ты знаешь, Мехти, что Карранти расстрелял твоего гостя?

— За что?

— Вот и я думаю: за что?.. Лицо у Карранти в крови. Он говорит, что твой гость предлагал ему чуть ли не миллион, если Карранти заведет нас в квадрат 11, и что он, Карранти, еле сдержался, чтобы не пристрелить его. И тогда тот, заметив, что все его планы провалились, решил бежать. Он поранил Карранти чем-то твердым. И Карранти убил его.

— Карранти на самом деле ранен?

— Да, в голову. Легко.

— Одного я не понимаю,— после минутного молчания проговорил Мехти,— почему Карранти понадобилось увести его так далеко?

— Я спросил его об этом.

— Ну, и что?

— Гость, по его словам, выразил желание посмотреть окрестности штаба, чтобы уточнить место, куда самолеты могут сбрасывать для нас взрывчатку...

— И Карранти, осторожный Карранти, согласился на это!— поразился Мехти.

— Обо всем этом я спрашивал его, Мехти... Он объясняет это двумя причинами. Во-первых, он в отчаянии от того, что союзные летчики постоянно ошибаются и груз их попадает не к нам, а в расположение карательных немецких отрядов. А к тому же он утверждает, что провел гостя только в одном направлении...

— Странно... Ночью — уточнять место для сбрасывания взрывчатки...

— И этот вопрос я ему задал. Он ответил, что ночь сегодня лунная: все видно. А гостю было некогда, он должен был вернуться назад сегодня же ночью...

Наступило молчание.

— А как насчет квадрата 11?— спросил Михайло.

— Вот то-то и оно! Ферреро получил от товарища П. срочное сообщение, что немцы собираются послать в квадрат 11 карательную дивизию.

— Значит, Карранти говорит правду?

— Выходит, так...

В круглом окне комнаты виднелась луна; она словно

подслушивала их беседу. Но вот заволокли ее тяжелые тучи, в комнате стало совсем темно.

— Значит,— задумчиво произнес Мехти,— нам не сбросят взрывчатку. А как же с немецкими эшелонами? Они теперь будут проходить свободно?

— Нет, Мехти. Они не пройдут. Товарищ П. обещал к утру доставить нам взрывчатку.

Сергей Николаевич встал, собираясь уходить.

— Я пойду на операцию с вами,— решительно сказал Мехти.

— Нет, Мехти, ты отдохни.

— Не доверяете, Сергей Николаевич?— усмехнулся Мехти.— Бойтесь, что испорчу вам дело?

— Доверяю, Мехти. Поэтому-то ты и останешься здесь. И останется Карранти. Понятно?

— Понятно, Сергей Николаевич...— помедлив, ответил Мехти.— Значит, вы все-таки сомневаетесь в Карранти?

— Да. Нужно выяснить, что кроется за этой историей с американцем: ошибка, случай или... или сознательные действия.

— А не поймет ли Карранти, почему я остался возле него дежурить? Он ведь знает, что полковник всегда берет с собой Михайло на крупные операции.

— Но кого же оставить, Мехти?

Мехти на минуту задумался.

— А впрочем...— он многозначительно улыбнулся.— Пусть Карранти даже догадается, что я слежу за ним. Я буду делать это очень неискусно.

Улыбнулся и Сергей Николаевич:

— А это неплохая мысль! Ты обязательно должен допустить какую-нибудь оплошность, сбить его этим с толку, направить по ложному следу.

— Понятно, Сергей Николаевич. Он тогда будет менее осторожен...

— Вот именно. Зато ты, Мехти, будь осторожен вдвойне! В каждом случае принимай несколько решений и выбирай из них последнее. Я понимаю, Мехти: твоя нынешняя профессия требует от тебя решений быстрых, подчас — молниеносных. Но они не должны быть опрометчивыми. Пойми: ты обязан быть осторожным! Не ради себя. Ради сотен людей... А теперь — спокойной ночи, Мехти!

— Спокойной ночи, товарищ полковник!

Сергей Николаевич ушел, а Мехти крепко задумался. Да, полковник прав: не так-то все просто. Я привел сероглазого. Сероглазый оказался врагом. И вот он убит, а я должен следить за начальником штаба. Но, может быть, мы напрасно сомневаемся в Карранти? Он опытен, исполнителен, скромен. Полковник, кажется, склонен сгущать краски. Вот и картина моя ему не понравилась... А разве она задумана неверно? Мир устал от войны. Мы все ждем ее конца: и Сергей Николаевич, и Ферреро, и я, и мой солдат... Скоро, скоро солдат возвратится домой — счастливый, радостный, с ясным, спокойным взглядом!.. Надо будет достать краски... Ребята обещали ему найти самые лучшие. Да, пора приниматься за картину...

С мыслями о своей картине Мехти и уснул.

Был тот час, когда еще не совсем растаяла ночь и в то же время готовилось вступить в свои права утро.

Все вокруг окунулось в густую и какую-то робкую голубизну.

Отряд во главе с Сергеем Николаевичем спускался по горному склону. На фоне неба и гор четко вырисовывались длинные, темные силуэты людей. Партизаны поверх обуви обмотали ноги кусками войлока, чтобы не поскользнуться. Ночью шел снег попеременно с дождем, а к утру ударил мороз, и двигаться по льду было очень трудно. Впереди шли проводники. Они предупреждали по цепочке об опасных кручах и поворотах, и снова становилось тихо.

В одном из пунктов отряд Сергея Николаевича получил взрывчатку, доставленную туда еще ночью по распоряжению товарища П.

Когда густая голубизна окончательно растаяла, и стали видны покрытые снегом горы и слабые, ровные дымки, поднимающиеся к небу из труб далеких деревенских домиков, затерявшихся среди заснеженных сосен, — отряд шел уже по равнине. Старики и подростки, которые, на первый взгляд, случайно встречались партизанам в пути, сообщали о том, что дорога свободна.

Рельсы железнодорожного полотна причудливо извивались вокруг гор. По этой дороге должен был пройти

немецкий эшелон, доотказа набитый солдатами, офицерами и боеприпасами. Немцы знали, что все эти районы контролируются партизанами, и поэтому расписание поездов было составлено ими так, чтобы проезжать здесь только утром: партизаны действовали обычно под покровом ночи.

Сергей Николаевич разбил свой отряд на несколько групп. Партизаны растянулись далеко по равнине и начали подготовку к взрыву. При взрыве не должно было остаться целым ни одного вагона, хотя состав был огромным. Последняя порция взрывчатки была снабжена специальным детонатором, — колесо паровоза, наехав на детонатор, вызвало бы первый сильный взрыв, и взрыв этот передался бы «по цепочке» к следующим порциям взрывчатки, вплоть до хвостового вагона.

Было морозно. Земля между шпалами не поддавалась лопатам и киркам. Приходилось орудовать ломом. Работа шла медленно. Несмотря на сильный мороз, партизаны были в поту; многие сбросили с себя верхнюю одежду.

Наконец обледеневший слой земли был пройден, и работа начала спориться. Настроение у партизан поднялось, послышались шутки.

Среди партизан были люди разных характеров. Одни ворчали, обижались на брошенную по их адресу шутку, другие, более находчивые, отвечали ответной шуткой. Смеялись все тихо, — так, чтобы не наделать лишнего шума.

Сергей Николаевич шел по полотну, внимательно проверяя ход работы. Он давал короткие указания и только после того как убеждался, что тут все в порядке, переходил к следующей группе.

До того как пройдет поезд оставалось минут пятнадцать-двадцать. Надо было уходить, чтобы не попасться на глаза немецким наблюдателям, которые могли заметить партизан с паровоза.

Приложив ухо к земле, можно было уже услышать тяжелое дыхание паровоза и приглушенное повариванье котелов.

Сергей Николаевич отдал приказ об окончании работы. Партизаны быстро замаскировали снегом разрытую землю, собрали инструменты и скрылись за поворотом

дороги. Поднимаясь в гору, они увидели сквозь ветви деревьев бесконечно длинный состав, медленно приближавшийся к своей гибели. Партизаны остановились и залегли в кустах.

Прошло еще несколько секунд...

Взрыв заставил содрогнуться окружающие горы, и эхо его отдалось далеко-далеко.

Сергей Николаевич почувствовал, как земля вздрогнула под его ногами.

Вагоны охватило пламя. Оставшиеся в живых немцы выпрыгивали из вагонов и начали пускаться в пространство длинные автоматные очереди. Новые взрывы — взрывались боеприпасы, находившиеся в вагонах — заставили их разбежаться в разные стороны.

Один из растерявшихся солдат скатился вниз по насыпи, прямо на притаившуюся во рву Лидию Планичку. Приказа стрелять не было. Планичка отбросила в сторону ружье и, схватив обезумевшего немца, повалила его на землю. Ненависть, жгучая, лютая ненависть, придала ей силу. Она прижала солдата к земле, и как он ни извивался, вырваться из ее цепких рук ему не удалось.

Наконец, полковник, который все это время спокойно выжидал удобной минуты, приказал открыть по немцам огонь.

Утром Анжелика, зябко кутаясь в теплый клетчатый плед, радушно предложенный ей хозяйкой, у которой она провела ночь, пробежала по узкой горной тропинке к домам, расположенным чуть выше. Перепрыгнув через низкий плетень, Анжелика направилась к крыльцу одноэтажного дома, покрашенного в темнозеленый цвет: это делало его незаметным среди сосен. Она постучалась. Ее впустили в небольшую комнату, отведенную для Васи. Хозяева дома были словены. Женщина средних лет, впустившая Анжелику, лукаво улыбнулась девушке, так рано гостеприимшей наведать ее гостя.

Вася еще спал. Анжелика тихо села у его ног. Вася спал спокойно и безмятежно, как ребенок.

«Он совсем еще молоденький», — подумала Анжелика и, протянув руку, отвела волосы с упрямого лба Васи.

Руки ее были холодны с мороза. Вася лениво открыл глаза и, увидев смеющуюся Анжелику, сладко потянулся и сел на постели.

— Лентяй, — сказала Анжелика.

— Ну, вот еще, — Вася нахмурил выцветшие брови. —

Цельзя уж хоть раз в жизни поспать вдоволь.

— Ну, вставай, вставай, Вася.

Вася еще раз потянулся, протер глаза, зевнул и вдруг, с детской непосредственностью, воскликнул:

— А какой я сон видел, Анжелика!.. Будто брожу я по окрестностям Смоленска. Весна. И всюду цветут незабудки, ромашки, колокольчики. Буйно цветут, весело!..

— А что такое незабудки?

Вася не смог объяснить Анжелике, что такое незабудки; он слабо знал итальянский язык.

— Ну... обыкновенные незабудки, — повторил он.

Анжелика кивнула, словно теперь-то она всё поняла. Вошла хозяйка, позвала их пить горячее молоко.

В комнате хозяйки, у маленького окна, на потемневшей от времени скамейке сидел гладко выбритый старик — в нем нетрудно было узнать священника, беседовавшего с Михайло в Триесте. Он вырезывал из дерева игрушечного козленка со смешной бородкой. Несколько козлят были уже готовы; старик выстроил их на узком подоконнике. За все время пребывания в этой комнате Анжелики и Васи старик не произнес ни единого слова, — он только бросал на них время от времени короткие взгляды, и на губах у него мелькала еле заметная ласковая и лукавая улыбка.

Анжелика знала, что священник в большом почете среди партизан, что он доставляет им ценные сведения; знала она также, что иногда он бывает не священником, а продавцом деревянных козлят, играющих немаловажную роль при передаче различных сведений партизанам.

Знай об этом лжесвященнике католические церковники, они стерли бы его в порошок; но старик не унывал: в душе он надеялся, что доживет до того дня, когда самого папу со всеми его нунциями и кардиналами повесят за покровительство и помощь фашистским молодчикам.

Поблагодарив хозяйку, Вася и Анжелика вышли во двор. Они решили немного прогуляться и вскоре очутились на узкой горной тропинке. Кругом высились горы.

поросшие редкими соснами и елями. Деревья уныло торчали на коричневых каменных громадах, на которых клочьями держался снег. Крутые обрывы топорщились колючими кустарниками. На склонах гор сиротливо ютились крохотные, неплодородные земельные участки... Чуть ниже виднелись села, состоявшие из каменных одноэтажных, изредка двухэтажных домов. Дома были словно прилеплены друг к другу; они грудились на клочках земли, как нищие, набросившиеся на добычу. Еще ниже начинался небогатый лиственный лес, который был сейчас черным,— казалось, пронесся по нему страшный, губительный ураган, ободрал с деревьев листья, обуглил стволы... Где-то, под снегом, журчала вода; местные жители говорили о ней с благоговением: «наша речка». Люди жили здесь впроголодь; редко можно было увидеть хлеб на столе у крестьян. Да и где ему расти?.. Всюду — камень и камень... Только на равнинах зеленели оливковые рощи, росли каштановые и ореховые деревья. Людей, которые жили там, горцы считали счастливыми: осенью у них бывали чудесные груши, грецкие орехи, каштаны, яблоки, даже апельсины. Совсем-совсем далеко, у самого моря, люди рыбачили и обменивались своей добычей с соседями.

В горах встречалась изредка крошечная церковка или костел, бог весть когда выстроенные в этом краю. Большинство церквей было давным-давно заброшено, но некоторые действовали и сейчас. Небольшой колокол, размером с обыкновенное ведро, звенел однозвучно и как-то надтреснуто; к церквям тянулись старушки. Они молились за партизан; просили бога послать им побольше пищи...

Неприхотлив, однообразен здешний пейзаж. Но люди, живущие в горах,— добры и мужественны. Они делились с партизанами последними продуктами и делали это с таким видом, словно всего у них вдоволь: и кукурузной муки, и вина, и мяса... Но партизаны редко принимали их дары; кому-кому, а им-то хорошо было известно, что представляют из себя эти места...

— Я вот все думал, как же вы тут живете?— задумчиво сказал Вася.— Ни клочка земли, одни скалы.

Анжелика грустно вздохнула:

— Так вот и живем. Представляешь, Вася, сколько надо потратить сил, чтобы разбить здесь садик или развести маленький огород? Приходится издалека, в мешках, таскать сюда землю. Мой дедушка натаскал три тысячи мешков... Надорвался даже... А однажды подкатила карета, и дедушке велели убираться на все четыре стороны: австрийский граф будет строить на его участке замок.

Анжелика широким жестом указала на окрестные горы:

— Посмотри, везде за'мки и виллы иноземцев! Природа не дала нам земли, а когда люди хотят исправить ее ошибку, пытаются вырвать у нее землю,— отыскиваются «хозяева», которые мешают им в этом...

Она посмотрела на Васю:

— Наверное, у вас много земли, Вася?

— Много! Нет ей ни конца, ни края, Анжелика!.. И главное: хозяева-то — мы сами!

Анжелика улыбнулась:

— Ну, ты, во всяком случае, совсем не похож на хозяина.

— А все-таки хозяин.

Вася вздохнул мечтательно:

— Люблю я весной пробежаться по родным полям. Бывало, бежишь, а ветер тебе в лицо бьет. Устанешь, упадешь на землю. Лежишь в траве и смотришь в небо. А небо — глубокое, и облака плывут, как льдины по реке, в ледоход... И весной пахнет. Жуки жужжат, букашки норовят залезть в уши и ноздри. А ты злишься, отбиваешься. Ан нет, они все-таки влезли. И щекочет, и ты чихаешь разов пятнадцать подряд.

Васина мимика и жестикуляция вызвали у Анжелики приступ веселого, звонкого смеха. А Вася продолжал вдохновенно:

— И вдруг разольется над полем широкая песня,— такая же широкая, как сами поля, такая же глубокая, как небо над ними! Русская песня...

Чудесное лицо было в это время у Васи! Правда, бровей почти не видно, выделяются лишь веснушки да большие, голубые глаза в светлых, мохнатых ресницах. И одет Вася невзрачно: в обыкновенный ватник; а длинная шея небрежно обмотана изрядно потрепанным шер-

стяным шарфом с мелким белым горошком, напоминающим Васины веснушки. Но лицо его было озарено изнутри таким чистым светом, что немцы теперь едва ли признали бы Васю за глуповатого белобрысого немецкого солдата.

— Вася,—проговорила Анжелика.— Ты давно знаком с Мехти?

— Конечно, давно. Уже четыре месяца!

— А у меня такое впечатление, будто вы с детства росли вместе.

— Мы росли в одной стране.

Анжелика понимающе кивнула. Они медленно поднимались в гору.

— Он азербайджанец?

— Да, из Баку.

Анжелика была задумчива. Хватаясь за отвисшие ветви сосен, она взбиралась еще выше, и Вася шел следом за ней.

— А какие у них обычаи, Вася?

Вася улыбнулся:

— Судя по Мехти, хорошие.

— Да...— сказала Анжелика.— Он такой смелый... И мне кажется, что у него доброе сердце.

Потом она снова спросила:

— Значит, вы знакомы всего четыре месяца?

— Четыре.

— Вы очень похожи друг на друга.— сказала Анжелика и тут же добавила:— и... непохожи... Похожи потому, что оба добрые, смелые. А непохожи...

Анжелике, видимо, трудно было объяснить, чем же они непохожи, и она замолчала.

Послышался глухой взрыв, а немного спустя — далекая перестрелка.

— Что это?— насторожилась Анжелика.

— Смерть за смерть!— серьезно и тихо произнес Вася.

— Откуда ты знаешь, что это наши?

— Мне Мехти еще вчера говорил, что они собираются взорвать немецкий эшелон. Я просился с ним, но он не взял меня. Сказал: «отдохни».

— А Мехти с ними?

— Не знаю. Ты думаешь, с ним может что-нибудь случиться?

Анжелика грустно улыбнулась:

— Я никогда не думаю о таких вещах, Вася. Это может случиться со всеми. Разве каждый из нас, отправляясь на задание, не понимает, что он играет со смертью?.. Сколько хороших людей нет уже среди нас.

— Вон ты какая...— удивленно протянул Вася.

— Да, Вася, и я рада, что стала такой. Знаешь, очень тяжело, когда дорогой тебе человек идет на трудное дело, а ты сидишь как на иголках и твердишь про себя: «пока еще жив... пока еще жив...»

— И ты больше уже не думаешь так о ком-нибудь: «пока еще жив»?

Анжелика ответила не сразу:

— Я же сказала тебе, что нет.

— Ты славная девушка, Анжелика.

— Ты тоже славный,—тихо сказала Анжелика. И еще тише:— Мехти тоже славный.

— А чем же мы, все-таки, непохожи?— спросил Вася.

Анжелика повернулась к Васе и долго всматривалась в него, словно хотела определить, чем непохож он на Мехти.

Сердце Анжелики было переполнено смутными чувствами. Она сама не знала, почему вдруг сказала, что два этих отважных парня чем-то непохожи друг на друга. Мехти и Вася, Вася и Мехти.— эти имена произносились всегда вместе, они воспринимались как единое целое, и вдруг Анжелика разделила их... Что же заставило ее сделать это?

Иногда Анжелика уходила на задание одна — к товарищу П., или еще куда-нибудь... И, возвратившись в отряд, она первым делом искала глазами Мехти, и когда взгляды их встречались, сердце девушки начинало биться с непривычным волнением. Мехти встречал ее так же, как встречал он всех остальных партизан, возвращавшихся с задания. С Анжеликой Мехти был всегда даже строже, чем с другими... Но ей, казалось, ничего другого и не нужно было: только бы видеть его; как он беседует с товарищами, как он смеется, даже, как он ест. Анжелике думалось, что все должны двигаться, смеяться, есть, шутить так же, как Мехти. Почему? Она боялась задать себе этот вопрос.

Однажды Мехти подозревал к себе Анжелику.

— Садись вот здесь, на пне,—сказал он,—я тебя нарисую...

— А зачем это?— смущенно спросила Анжелика, и сердце ее беспокойно забилося.

— Не хочешь,— я нарисую еще кого-нибудь.

Анжелика села.

— Рисуйте. А потом вы подарите мне этот рисунок?

— Если получится хорошо,—подарю.

Мехти устремил на девушку пристальный, изучающий взгляд.

Трудно было выдержать этот взгляд Анжелике. Она впервые в упор смотрела в глаза Мехти,—бархатно-черные, умные, ласковые, и ей казалось, что она тонет в них... Анжелика отвернулась и рассмеялась.

— Ну, полно, что за ребячество!—сердито буркнул Мехти.

А Анжелика и сама не понимала, почему ей стало вдруг смешно. Она долго не могла успокоиться. Наконец, ей удалось пересилить себя, и она взглянула на Мехти большими, влажными от смеха и немного испуганными глазами...

— Вот так хорошо! Очень хорошо!—оживился Мехти.

И руки его начали проворно двигаться по бумаге, а глаза словно спрашивали о чем-то Анжелику; и, казалось, Мехти заносил на бумагу ответы, полученные от ее глаз... Вот, кончит он рисовать — и вместо себя она увидит на бумаге много-много вопросов и ответов, таких вопросов, от которых ее не раз бросало в жар, и таких ответов, которые она не произнесла бы ни за что в жизни,—только в ее глазах и можно было прочесть их... Какая-то тихая, молчаливая близость установилась между ними. И Анжелике хотелось, чтобы Мехти рисовал ее долго-долго, всю жизнь...

Но работа Мехти близилась к концу. Когда он показал Анжелике ее портрет, она поразилась: словно живая!.. И больше всего поразило ее то, что с бумаги смотрела на нее не растерянная и робкая Анжелика, какой была она недавно перед Мехти, а задорная, сильная, отважная.

Мехти нарисовал Анжелику, ходившую вместе с ним на разведку, на опасные операции... Другой Анжелики он в ней, кажется, и не видел. Он выразил в рисунке чув-

ства, которые питали по отношению к ней все партизаны... И Анжелике стыдно стало за свой недавний смех, за ту растерянность, которая овладела ею, когда она оказалась лицом к лицу с Мехти. Нужно быть только такой, какой он нарисовал ее!..

С Васей Анжелика держалась проще, чем с Мехти. Они дружили между собой, как школьники; у них было много общего... С Васей она чувствовала себя совсем юной, а с Мехти — взрослой. И никак не могла понять: что же лучше?

Да, Мехти и Вася казались ей непохожими друг на друга. Но не потому ли, что она относилась к ним неодинаково?.. Как объяснить все это Васе? И Анжелика не ответила на его вопрос, а только задумчиво покачала головой:

— Не знаю, Вася, не знаю...

Послышались чьи-то шаги, и между соснами показался худенький мальчик. Он еще издали заметил Васю и Анжелику, и подбежал к ним.

— Слышали?—восторженно крикнул он.

— Янко!—радостно воскликнула Анжелка.— Ты был с ними?

— Нет, я был неподалеку и все видел. Ох, сколько немцев полесло у дороги! А потом я убежал.

— Почему же ты убежал?—спросил Вася.

Янко виновато заморгал и насунил.

— Полковник Сергей не велел мне ходить за ними,—пробормотал он.

— А ты все-таки пошел?—укоризненно сказал Вася.— Нечего малышам путаться в ногах у взрослых.

Янко смерил Васю с ног до головы довольно-таки пренебрежительным взглядом. Он, видимо, не ощущал особой разницы между собой и Васей.

— Но ведь и тебя они с собой не взяли,—лукаво сказал он.

Вася и Анжелика переглянулись. Анжелика взяла руки Янко в свои и почувствовала, что они холодны, как лед.

— Янко,—сказала она,—сейчас же беги домой и согрейся.

— Бегу!—отозвался Янко и, задержавшись на секунду, тихо попросил:— Вы только не говорите полковнику, что я ходил за ними.

— А разве они пройдут здесь?— спросила Анжелика.
— Да. Так не говорите ему, ладно? Они будут здесь только через час. Надо ж покружить в лесу, чтобы замести следы.

Когда Янко убежал, Вася сказал Анжелике:

— Этот мальчик знает слишком много для своего возраста.

— Тут у нас теперь все — взрослые...

— Пойдем навстречу отряду,— предложил Вася.

Анжелика согласилась, и они направились в сторону, откуда прибежал Янко.

На самой вершине горы высилась небольшая церквушка. Давно уж, видно, никто не посещал ее. Колокола были сняты.

Чтобы еще издали заметить приближение отряда, Вася и Анжелика поднялись по узкой лестнице на колокольную.

Отсюда открывался вид на долину. Множество тропинок перекрещивалось, убегало в горные леса. Трудно было разобраться, куда они ведут. Отряда еще не было видно.

В ожидании его Вася и Анжелика присели, свесив ноги через холодный каменный барьер. Щеки у Анжелики порозовели от мороза: она была сейчас так красива, что Вася не удержался и обнял ее... Анжелика не оттолкнула его, но и не подалась навстречу.

— Вася,— сказала она,— Расскажи мне, как вы познакомились с Мехти.

Может быть, кто-нибудь на месте Васи и убрал бы свою руку с плеч девушки, сидящей рядом с ним и думающей о другом. Но Вася не видел ничего дурного в том, что она спросила его о Мехти: разве он сам не думал о своем друге?

Васе не раз приходилось рассказывать историю знакомства с Мехти своим сверстникам-партизанам. Он поправил съехавшую на бок ушанку и приступил к рассказу.

— Вот как это случилось, Анжелика. Мне было шестнадцать лет, когда немцы угнали меня в Германию.

— Это я знаю, ты мне говорил. Потом ты убежал, тебя снова поймали...

— Да... Так пригнали, значит, нас сюда, в Триест...

В Триесте Вася и его товарищи чинили железнодорожное полотно, мосты. Это была единственная работа, которая нравилась Васе: не успевали они починить мост — как он опять взлетал на воздух. Работалось, в общем, весело... А есть им было нечего. Разве только гердобольные словенки подсунут тайком молока или лепешку...

Как-то раз мимо Васи прошла женщина и уронила на землю завернутый в бумагу кусок пирога. Он позвал ее, но она не оглянулась. Тогда он понял, что она нарочно уронила сверток. Он поднял, развернул его и хотел было поделиться пирогом с соседом, но к нему протянулась чья-то рука и вырвала пирог. Это был немец, надзиратель. А Васе так хотелось есть!.. Вася заметил, что надзиратель спрятал отобранный сверток в свою вещевую сумку, и стал следить за немцем. Тот положил сумку у подножки вагона, а сам вошел внутрь.

Вася неслышно подкрался к вагону, расстегнул сумку и вытащил свой пирог. Но не успел он отойти от вагона, как увидел перед собой другого немца — плечистого, смуглого унтер-офицера. Немец пристально смотрел на юношу. И Вася понял, что он пропал... Теперь его убьют, замучают... Унтер подошел к мальчику и хмуро предложил Васе следовать за ним. Они отошли шагов на пятнадцать от железнодорожного полотна, и унтер обратился к Васе на чистейшем русском языке:

— Как тебя зовут, мальш?

— Вася,— удивленно ответил мальчик.

— У тебя ведь родителей убили немцы?— спросил унтер.

Да, это было так. Но почему унтер напомнил ему об этом? Юноша был сбит с толку. Унтера он видел впервые, а тот говорил с ним так, словно вырос на Смоленщине, по соседству с Васей. Он знал многие подробности о Васе. Вдруг унтер сказал тихо, проникновенно:

— Так как же ты можешь работать на немцев?!

Ох, на это Вася мог бы ему ответить! Он сказал бы, что работает с удовольствием, что партизаны тут же взрывают все построенное Васей и его товарищами, а заодно отправляют на тот свет и немцев. Но Вася молчал и настороженно смотрел на унтера. Станный это был немец. «А может, он все это нарочно? Чтоб я вы-

дал себя?» — подумал Вася и решил ограничиться вопросом:

— Мне можно идти работать?

— Иди, — сухо сказал ему унтер-офицер.

Вася ушел.

Потом Вася долго размышлял — не готовил ли ему унтер какую-нибудь ловушку, и, кто его знает, — может, завтра Васю повесят или расстреляют на глазах у всех, как это часто делают с пленными, когда они открыто протестуют против лагерного режима.

Но на следующий день их снова повели на работу, и снова к Васе подошел унтер. Он незаметно протянул Васе хлеб с маслом. Вася не взял.

— Возьми, Вася, — сказал унтер. Голос его дрогнул. Вася смутился, взял хлеб и спрятал в карман.

— Ты не прятать, ты есть, — ласково сказал унтер. — А то снова отнимут.

Вася стал есть. Унтер внимательно смотрел на него из-под припухших век.

— Вася, а ведь Смоленск освобожден, — тихо проговорил унтер.

Сердце у Васи заняло, заколотилось.

— Тебе не хотелось бы поспать домой? — спросил унтер у юноши. Вася почувствовал в его голосе тоску. Нет, он не был похож на немца. И все-таки Вася продолжал смотреть на него недоверчиво.

— Ты есть, Вася, ешь и слушай меня.

Вася кивнул головой.

— Есть у вас хорошие ребята?

И у Васи невольно вырвалось:

— Есть!

Было в этом унтере что-то такое, что заставляло доверять ему. Добрый, озабоченный взгляд... И голос какой-то родной, знакомый — будто Вася не раз уже слышал его. Движения у унтера — спокойные, уверенные; а лицо волевое и тоже какое-то знакомое. Бывают такие лица, которые видишь впервые, — а кажется, что ты знаешь этого человека давно. В глазах унтера Вася читал тоску, близкую его тоске... Тоску по родине. Слова, голос, взгляд унтера заставляли Васю тянуться к нему — скорее сердцем, чем разумом... Но форма, которую носил новый знакомый Васи, форма немецкого унтера — настора-

живала... И воскликнув: «Есть», Вася замолчал, решив, что сказал слишком много.

— Ну, хорошо, иди работай, — спокойно произнес унтер.

Вася ушел, встревоженный еще больше, чем прежде.

На третий день унтер появился снова. На этот раз Вася сам подошел к нему, и они отошли далеко в сторону. Унтер-офицер был старше надзирателя по чину, и поэтому никто им не мешал. К тому же, как Вася узнал позже, у унтера был документ, удостоверяющий его принадлежность к немецкой разведке.

— Вася, — сказал он. — Я... — он еще раз пристально взглянул на Васю и уже твердо продолжал: — Я советский.

— Это был Мехти! — тихо воскликнула Анжелика.

— Да, это был он. И ты не представляешь, Анжелика, как возмужало меня это слово — советский. У меня подкосились колени, я опустился на землю и заплакал. Не помню, чтобы когда-нибудь я так плакал. Слезы лились и лились у меня из глаз, и я их не стеснялся...

Вася рассказал Анжелике, что унтер назвал свое настоящее имя и попросил, чтобы Вася столкнулся с другими парнями, на которых можно было положиться. Он хотел помочь им бежать к местным партизанам...

Все, с кем Вася договорился о побеге, до утра не смыкали глаз. Перед каждым из них возникли картины родной земли. Хотелось запеть потихоньку... Но все молчали. Был ноябрь, светло поздно. Они с нетерпением ждали рассвета. Наконец, рассвет. Ночью партизанами был взорван виадук через овраг, и лагерников повели туда. Унтер-офицер пришел к виадуку. Они увидели его еще издали. Вот он подошел к надзирателю, вытащил из кармана какую-то бумагу и протянул ему с высокомерным видом. Надзиратель пробежал бумагу глазами, потом повернулся к работающим. Вася понял, что это их список. Надзиратель начал выкликать имена. Среди тех, кого называл надзиратель, были только парни, о которых Вася говорил унтеру. Они бросали работу и подходили к надзирателю. Потом их построили, и надзиратель, скривив тонкие губы, сказал:

— Господин унтер-офицер поведет вас на другую работу. Работать хорошо!

Унтер приказал рабочим следовать за ним. На окраине города он посадил их в трамвайчик фуникулера. Трамвай привез лагерников в Опчину. Унтер-офицер повел их дальше. Всю дорогу он молчал. Молчали и они, иногда бросая друг на друга тревожные, вопросительные взгляды.

Вот унтер-офицер остановился перед девушкой, сидящей на скамеечке у ворот. Девушка, видимо, кого-то ожидала и от скуки занималась вязаньем узорчатых шерстяных носков. Она незаметно кивнула унтеру, и он продолжал свой путь. Позже Вася часто встречал таких девушек в окрестных селах и понял, что они и сидят, и вяжут — неспроста. Перед идущими возникла длинная, невысокая ограда. Унтер ввел их во двор. Это был большой двор; и на краю крутого, глубокого обрыва стоял низкий дом с плоской крышей... Ограда была сложена из больших каменных плит. Чувствовалось, что и ограде, и дому уже много лет. Сквозь каменные плиты ограды пробивалась трава. Чернели голые лозы винограда, густо переплетенные между собой и образующие над двором высокий естественный навес.

«Наверное, летом здесь очень красиво», — подумал Вася и вдруг весь похолодел. Он увидел во дворе нескольких вооруженных немцев.

«Западня» — решил Вася. Он готов был вцепиться унтеру в горло. Но унтер позвал кого-то, и из домика вышла к ним старая словенка. Звали ее Марта Кобыль. Она приветливо улыбнулась и, в свою очередь, крикнула кому-то в дом, чтобы гостям принесли вина.

— Можете чувствовать себя свободно, — сказал унтер. Они расселись на замшелых камнях во дворе. Две молодые девушки вынесли маленький бочонок с вином и роздали им стаканы и чашки. К сидящим подошел унтер-офицер вместе с солдатами. Он поднял свою чашку и сказал:

— Выпьем, друзья!

Вася поднес чашку к губам и прочел на ней два слова, выведенные серебряной краской: «Вива либертас!» — «Да здравствует свобода!» Их снова построили и повели дальше. Наступили сумерки. Впереди была железнодорожная линия, где легко было встретиться с немецким патрулем. Они шли тихо, затаив дыхание, и, наконец, ми-

новали полотно. Путь был длинным... На окраине одного села вдруг послышался резкий окрик:

— Стой!

Унтер-офицер назвал пароль.

— Проходите, товарищ Михайло, — послышалось из темноты.

Они пришли в контролируемый партизанами район. Здесь их накормили; а они были словно очумелые и долго не находили себе места.

Всех их сводили в штаб. И они стали партизанами. С какой радостью пошли они в первый бой! Какая ненависть пылала в их глазах, когда они взрывали бронемашину, танки, железные дороги. Мехти был всегда рядом с Васей, в опасные моменты он загораживал Васю своим телом. Вася обижался. У него было оружие, и он поклялся убить как можно больше фашистов. Он мстил за отца, за мать, за всех истерзанных, замученных советских людей.

...Вася молчал.

— Рассказывай, Вася, — попросила Анжелика.

О, Вася о многом мог бы еще рассказать! О том, как Мехти казнил турка в Триесте за то, что тот работал на немцев. О том, как он убил рыжего майора, о взорванных легковых машинах с тремя полковниками, о новых и новых группах людей, которых он приводил к партизанам.

— Нет, Анжелика, так я могу рассказывать несколько дней... — улыбнулся Вася — Кстати, вон и отряд.

Они спрыгнули на площадку колокольни и побежали по узенькой лестнице вниз.

— А где Мехти? — взволнованно спросила Анжелика, первой добежав до Сергея Николаевича.

— Он в штабе. Кстати, и вы там будете нужны... — чуть задумчиво сказал полковник. И прибавил: — Да, по-моему, будете нужны. Перед тем, как вы снова вернетесь в Триест, необходимо кое-что выяснить.

— А разве что случилось? — встревожилась Анжелика.

— Придем, узнаем.

На заседании штаба Карранти обстоятельно говорил о том, что отрядам, да и самому штабу соединения надо чаще менять дислокацию, чтобы немцы находились в постоянном неведении насчет их местопребывания.

Карранти был бледен, то и дело проводил кончиком языка по пересохшим губам, иногда, болезненно морщась, дотрагивался до повязки на голове. Однако пальцы его твердо держали карандаш; он деловито записывал предложения командиров, обычным — коротким и энергичским — жестом осаживал не в меру разболтавшихся, вставлял свои замечания, давал советы.

Все, что он говорил, было правильным, нужным, своевременным. Но Ферреро стояло огромного труда ничем не выдать растущей неприязни к начальнику своего штаба. И не потому ли появилась эта неприязнь, что командир был полной противоположностью Карранти?

Ферреро принадлежал к категории людей, которые могут выказывать чудеса выдержки и мужества, терпеливо переносить тяжелые невзгоды и лишения, физическую или душевную боль; которым не страшны ни голод, ни холод, ни сам дьявол в пренеподней, но которые не привыкли и не умеют скрывать своих чувств — лучше им руку отруби, только дай полным голосом сказать, с чем они согласны, а с чем не согласны.

Просто знакомых — у Ферреро не было. Мир делился для него на друзей и врагов; первых он столь же сильно и горячо любил, как вторых — ненавидел. Разговаривал Ферреро громко, пожимал руку друга так, что потом долго ныли суставы пальцев, всегда с шумом посасывал пустую трубку, раскатисто хохотал и долго не мог остановиться, а если был рассержен, то мог бушевать часами подряд.

Двадцать двух лет, работая подручным слесаря, Луиджи Ферреро обнаружил, что даже по ночам, во сне, его не оставляет круглое, всегда смеющееся лицо молоденькой штамповщицы из соседнего цеха. Он женился на ней. Через три года она умерла от чахотки, оставив ему сына, только начинающего ходить. Луиджи плакал на могиле; а на утро пришел на завод с седыми нитями в волосах. На заводе никто не думал о безопасности рабочих, и как-

то одному калабрийскому пареньку оторвало руку. Рабочие прекратили работу. Когда забастовка была подавлена, одного из ее зачинщиков — подручного слесаря, Ферреро, решили уволить с завода. Узнав об этом, он разбил стекло в конторе и плюнул в лицо управляющему. Тогда его посадили на три месяца в тюрьму. В тюрьме он пробыл около года: ему трижды увеличивали срок наказания за то, что он не переставал обзывать надзирателей мерзавцами и грозил спалить здание тюрьмы.

Когда его выпустили, он узнал, что умер и сын. Луиджи уехал на другой завод, откуда его тоже вскоре выгнали. Он перешел еще на один завод, потом — переехал еще в один город... И хотя у него начали уже седеть и усы, он продолжал ездить в Турин и сидеть на кладбище, возле могил жены и сына.

Ферреро работал, недоделал, возмущался, снова сидел в тюрьме. Нигде не было правды. К большой и настоящей правде привел его разговор с Пальмиро Тольятти, состоявшийся на квартире одного из туринских рабочих.

Они говорили долго, и Луиджи запечатлел в сердце каждое слово Тольятти и крепко, на всю жизнь, полюбил его самого.

После этого разговора Ферреро вступил в партию коммунистов. Опять работа в Турине, книги Ленина и Сталина, подполье, аресты, стачки, тюрьмы. Ферреро пользовался большим уважением в Туринской коммунистической организации, той самой, что не поддавалась влиянию оппортунизма и сумела сохранить партийную чистоту. Когда началась война, он возглавил одно из народных соединений — ударную партизанскую группу.

Карранти он не любил с самого начала. Через несколько дней после прибытия Карранти, присланного в бригаду из штаба армии с отличными рекомендациями, произошел случай, надолго запомнившийся Ферреро. Дозорный Димо Крайнев, словен по национальности, заснул в лесу и пропустил группу фашистских альпийских стрелков. Стрелки окружили отдаленный пост, партизаны отстреливались, а потом с боем пробрались через вражескую цепь и невредимыми добрались до расположения главных сил. Вернулись кружным путем и Крайнев. Узнав о случившемся, Карранти посадил под арест и Крайнева, и ни в чем не повинных партизан, — последних за то, что они

самовольно оставили пост. Ферреро возмутило это решение; он отменил приказ начштаба, выпустил партизан, а у Крайнева отобрал оружие, две недели продержал его взаперти в конюшне и выпустил лишь после того, как пригласил его место, от которого все отмахивались, — работу при партизанской кухне.

Карранти признался, что сгоряча принял неверное решение, но Ферреро увидел в его поступке проявление несправедливости, а несправедливости он терпеть не мог.

Сейчас, после того как русский полковник поделился с ним своими сомнениями, — а они были небезосновательны, — история с заснувшим Крайневым предстала перед Ферреро в несколько ином свете.

Он мрачно взглянул в окно. За окном шел мелкий дождь. На земле лежал тонкий снежный покров; сейчас он обратился в скользкую ледяную корку. «Хорошо, что полковник Сергей заставил людей захватить с собой войлок», — подумал Ферреро.

Карранти закончил совещание.

Ферреро пожал руки командирам, вышел на крыльцо и стал спускаться по лестнице вниз, в подвал, где сейчас сортировали и подсчитывали боеприпасы.

Карранти, устало потянувшись, сложил бумаги, вышел в коридор и зашагал к своей комнате.

Комната, отведенная ему, была просторна, но завалена всяким хламом и сломанной мебелью. У окна стояла аккуратно прибранная узкая кровать, у левой стены, рядом с камином — небольшой письменный стол. Карранти сел за стол, достал из ящика большой лист бумаги.

«Наконец-то можно приняться за дело», — с облегчением сказал он сам себе. Он погрыз кончик ручки, затем, почти не останавливаясь, стал писать:

«Я был принужден ликвидировать агента «23». Его опознал русский, заместитель командира бригады. Для полного оправдания своего поступка пришлось точно изложить указания о квадрате 11. Кстати, у партизан отлично поставлена разведка, и командиром бригады уже были получены сведения, что в квадрат 11 вступила карательная дивизия немцев. Пользуясь случаем напомнить, что наши работают грубо и при такой работе трудно ожидать успеха.

Любими средствами дайте им знать: бригада будет выведена мною вечером 31 января на северо-запад от города Горицио, к монастырю Санто. Не раньше полудня тридцать первого в указанный район неожиданно и при абсолютной секретности должны быть переброшены крупные немецкие части, усиленные артиллерией и танками. Единственный шанс на успех — неожиданность. Его надо использовать полностью.

В случае невозможности предупредить немцев в обычном порядке, передайте мое сообщение разведывательной службе; они найдут другие способы. Ваш Беннетт».

Тон письма был уверенный, но сам Карранти явно нервничал. Кончив писать, он откинулся на спинку стула и провел языком по горячим губам. Стучало в висках. Пустяковая рана (он содрал рукояткой ножа лоскуток кожи со лба) все же давала себя знать. Сейчас хорошо бы выпить полстакана коньяку и завалиться в постель. Но спать нельзя. Мысли Карранти заняты одним: заподозрили партизаны что-нибудь nefladное с расстрелом этого дегенерата «23-го» или все сошло благополучно?

Да, началась крупная игра, таких рискованных ставок Чарльзу Беннету делать еще не приходилось. Там, где русские, — всегда опасно. Надо скорее доставить письмо. Нацисты будут без толку торчать в квадрате 11, и, чего доброго, начальство в Штатах решит, что Беннетт спелся с партизанами. Они могут это подумать, могут, — он хорошо их изучил за эти годы.

Да, тяжелые времена... Люди боятся собственной тени: один подозревает другого. Гангстеры спокойно взламывают несгораемые шкафы, убивают, грабят, воры без боязни занимаются своим обычным делом. И все это считается нормальным, обычным явлением; это не грозит человечеству опасностью. Война в Америке объявлена сейчас «красной опасностью». Заправила Америки видят ее повсюду. Они могут усмотреть ее и в поступках Карранти. А ведь Карранти послан сюда именно для того, чтобы помешать «красной опасности» распространяться... И разве он не боролся с ней изо всех сил? Разве она не пугала и его, Карранти? Она грозила лишить его всех тех «радостей жизни», ради которых он терпеливо переносит нынешние невзгоды, связанные с опасной

деятельностью разведчика; лишить власти, авторитета, который он успел прочно утвердить в высших кругах, и кругленькой суммы, лежащей в одном из нью-йоркских банков...

Надо скорее послать письмо. Если Крайнев доставит его к осведомителю в деревню Сага, то завтра письмо будет в Триесте, а еще через несколько дней окажется в руках адресата.

Карранти потянулся к своей куртке, висящей на стене, вынул из ее кармана небольшой пистолет. Ногтем мизинца он поддел инкрустированную деревянную щечку на рукоятке: щечка упала на стол. В рукоятку пистолета был вставлен микроскопический фотоаппарат величиной с дамские часики. Карранти приблизил пистолет к бумаге.

Взяв в другую руку электрический фонарь, он нажал кнопку, осветил лист и одновременно щелкнул затвором фотоаппарата.

Действуя быстро и ловко, он достал из ящика стола пачку дешевых сигарет, широко распространенных по всей триестинской округе, извлек из аппарата металлическую кассету с пленкой (не толще и не длиннее булавки), вложил ее в одну из сигарет и тщательно запечатал пачку.

Потом Карранти спрятал пачку в карман, скомкал исписанный лист бумаги, сжег его в пепельнице, размял пальцами пепел и высыпал его в камин.

Пока все удачно. Теперь надо так же удачно, незаметно передать пачку Крайневу — он сегодня поедет за продуктами...

Карранти целиком полагался на этот фокус с кассетой. Светочувствительность микропленки настолько сильна, что, если даже открыть кассету при красном свете, пленка все равно покроется черным слоем. Проявить ее можно только в особом растворе, рецепт которого никому здесь неизвестен.

В дверь постучали. Карранти открыл.

Перед ним стоял Мехти — гладко выбритый, с зачесанными назад, еще чуть мокрыми после мытья волосами, оживленный, с залорными огоньками, поблескивающими в бархатных черных глазах.

— Вас командир вызывает, товарищ Карранти. Он в складе боеприпасов, — звонко сказал Мехти.

Он вошел в комнату. На нем был толстый шерстяной свитер и байковые шаровары, застегивающиеся на пуговицу у шиколотки, чуть повыше тупоносых кожаных ботинок на толстой подошве. Стан Михайло перехвачен широким ремнем, к бедру плотно прилегала маленькая кобура с его любимым пистолетом — подарком Ферреро за доставку «языка» в канун рождественских праздников. «Язык» оказался словоохотливым, и бригада совершила успешный налет на казармы, переполненные пьяными гитлеровцами. Вспомнив об этом, Карранти поморщился.

— Лоб болит? — участливо спросил Мехти.

— Чепуха, царапина, — небрежно махнул рукой Карранти и стал надевать свою куртку.

— Ну, как, отдыхаешь? — в свою очередь спросил он.

— Приказано отдыхать, — с сожалением пожал плечами Мехти, — вот и брожу весь день как неприкаянный.

— Приказы надо выполнять, — с шутиливой серьезностью сказал Карранти.

Мехти щупал карманы шаровар, ища папиросы.

— Вот чорт, забыл переложить коробку из других брюк.

— Могу угостить, — улыбнулся Карранти.

Он полез, было, в карман своих галифе, где лежала пачка с пленкой, но тут же отдернул руку. От Мехти не укрылось это движение. Из правого кармана Карранти достал другую пачку.

Взгляд Мехти на миг задержался на пачке. Она вся была испещрена женскими ножками... Это были сигареты убитого Карранти американца.

Карранти приподнял брови: он был слишком опытен, чтобы не заметить взгляда Мехти. Пачка, видимо, была знакома разведчику.

— Кажется, порядочная дрянь, — произнес он.

Они закурили. Мехти оставался невозмутимым.

— Это сигареты твоего гостя, — небрежно сказал Карранти. — Он оставил их на столе, когда я его допрашивал.

Мехти вынул сигарету изо рта и начал вертеть ее в руках.

— Может, отравленные? — с тревогой в голосе спросил он.

Карранти рассмеялся.

— Кури, кури, — похлопал он его по плечу. — Он их сам курил. Устраивайся поудобнее, вон газеты на столе. Как-никак, свежие, позавчерашние. Я вернусь сейчас: покушаем вместе.

Мехти кивнул, прошел к столу, взял газеты. Карранти бросил на стол пачку, запер ящик стола на ключ и вышел.

Чутьем натасканной ищейки Карранти чувствовал, что Мехти неспроста оставлен в штабе. Это был редкий случай, когда полковник Сергей ухаживал на операцию без своего молодого друга.

Карранти нашел Ферреро в подвале виллы, ответил на несколько вопросов о расходе винтовочных патронов и мин за прошлую неделю и вернулся к себе.

Мехти сидел за столом и, покуривая, водил пальцем по строкам итальянской газеты. Он даже покраснел от натури.

Стягивая куртку, Карранти незаметно оглядел комнату. Ему было достаточно самого беглого взгляда, чтобы безошибочно определить, что Мехти приставлен следить за каждым его шагом.

Все было на месте, но подушка на кровати лежала чуть левее, чем прежде, и угол простыни не выступал уже из-под одеяла. Пустая папка, нарочно оставленная им на столе, была сдвинута с места. На камине покоились два тома Данте; бумажная закладка валялась на полу.

Пользуясь отсутствием Карранти, Мехти не преминул обшарить комнату. И выдал себя...

Итак, у командования бригады родились какие-то подозрения. И Мехти должен или подтвердить их, или опровергнуть. Что ж, это очень опасный молодой человек. Он может безнаказанно взрывать дома и мосты, беспечно прогуливаться по Триесту и одурачивать тупоголовых нацистов, но не его, Чарльза Беннета, одного из самых дорогостоящих агентов федерального разведывательного бюро. Карранти считал Мехти прозорливым и умным разведчиком, он не раз открыто высказывал свое восхищение проведенными им смелыми и в то же время «чи-

стыми» операциями. Карранти не мог не видеть в нем достойного, сильного противника. Но преимущество было сейчас на стороне Карранти. Он знал о Мехти почти все; Мехти не знал о нем ничего. К тому же, Карранти обладал более богатым опытом. «Мехти больше разведчик, чем контрразведчик», — размышлял Карранти, — и нелегко ему придется со мной... Он беззаветно храбр, но слишком наивен — этот молодой человек, неуклюже обыскивающий кровати и письменные столы».

Карранти сел на кровать и стащил с себя сапог.

— Поскользнулся у крыльца, теперь болит, — объяснил он.

— А вы в теплую воду поставьте: говорят, помогает, — посоветовал Мехти. При появлении Карранти он поднялся из-за стола.

— Пройдет и так. Да что ты встал? Садись, садись. У вас в Баку бывает такая мерзкая погода? — показал Карранти на окно.

— У нас свыше трехсот солнечных дней в году, — вздохнул Мехти.

— А поленту у вас едят?

Полента была местной крестьянской едой, — грубо размолотая кукурузная мука заливалась водой или молоком, и кипятилась. В зависимости от достатка хозяев, каша заправлялась маслом. Этой пищей часто кормили партизан бригады.

— Есть нечто похожее, — сказал Мехти, — только у нас это называется «хашил»; а молдаване готовят ее по-своему и называют «мамалыгой»; русские — просто болтушкой.

— А в общем, это одно и то же: бурда, — сказал Карранти.

Время было выиграно. Он уже знал теперь, что ему делать. Пачка сигарет продолжала лежать на столе, и он решил применить свой излюбленный прием. Нужно сбить противника с толку, проявив к нему доверчивость; занять его внимание пустяками, задать ему загадку, и пока он будет поглощен загадкой, самому замечать следы. Сейчас ему должны помочь сигареты. У него, у Карранти, в кармане лежит пачка сигарет, между которыми запрятана кассета. И уж если сам Карранти заговорит о том, что в сигаретах иногда прячут кассеты, то Мехти наверняка

запутается: решит, что Карранти хочет отвлечь его эти ми паршивыми сигаретами, и переключит внимание на что-либо другое. Карранти же только этого и надо: приблизив противника к истине, он тем самым отдалит его от нее.

Карранти взял со стола сигареты.

— А знаешь, Михайло,—задумчиво произнес он,—после допроса я предложил нашим ребятам хорошенку обыскать твоего гостя, но не подумал о сигаретах.

— Об этих?

— В сигаретах очень часто бывают скрыты интереснейшие сведения,—пояснил Карранти.— У нас в штабе армин попадались такие сигареты.

Он достал из ящика ручную лупу и тщательно обследовал одну из сигарет, потом размял ее, высыпал на стол табак и проверил каждую крошку.

— А мы уже выкурили несколько!—сокрушенно сказал Мехти.

— Да, поторопились,—кивнул Карранти.

Он собрал со стола табак и обрывки бумаги и выкинул всё в камин.

— Страшного ничего, конечно, нет, но надо все-таки посмотреть пачку, хотя бы для успокоения совести. Любю аккуратность.

Карранти поправил повязку на лбу. Мехти явно любовался начальником штаба.

— Как внимательны вы к каждой мелочи!—не удержавшись, восхищенно сказал Мехти.

Карранти, как человек, не любящий лести и не привыкший к ней, пропустил его слова мимо ушей.

— Ну что ж, попросим, чтобы нам принесли покушать. Нет возражений?—но тут же, будто спохватившись, Карранти досадливо щелкнул пальцами.— Оказывается, чрезвычайная аккуратность имеет и свои неприятные стороны. Мы искрошили все папиросы и остались без курева.

— Я принесу свои,—сказал Мехти.

— Что ж, неси,—согласился Карранти.

Мехти направился было к двери, но Карранти остановил его.

— Собственно, зачем тебе лишний раз бегать?—сказал он и стал натягивать на ногу сапог.— Пойдем на кухню, там пообедаем, а заодно возьмем и табак.

Предложение было вполне разумным, и Мехти стал дожидаться, пока Карранти кончит возиться с сапогами и накинет на плечи куртку.

В кухне, помещавшейся почти рядом с комнатой Карранти, стоял оглушительный треск сырых дров.

Над двумя громадными котлами поднимались облака вкусно пахнувшего пара.

Повар—худой, костлявый, сварливый старик—покрикивал на подростка, утупавшего в болотных сапогах. Это был Сильвио. Он сегодня дежурил по кухне и никак не мог угодить повару. Старик был не в духе—он скорее согласился бы готовить обед под пушечными выстрелами, чем под выстрелы этих мокрых, не желавших разгораться дров.

Карранти и Мехти сели за неструганый стол, стоящий в углу кухни.

— Дайте нам поесть,—крикнул Карранти повару.

Сильвио, поскользнувшись на мокром цементном полу, побежал к другому столу, взял с него две тарелки, ложки, кружки и поставил перед начальником штаба и Мехти. Мальчуган сиял от счастья—так приятно было сделать что-нибудь для Михайло, бесстрашного, сильного, доброго Михайло! Может случиться, что он приметит его и в один прекрасный день возьмет с собой. И он, Сильвио, бывший мойщик гаража во Флоренции, тоже совершит выдающийся подвиг: взорвет дом или казнит кого-нибудь из фашистских главарей. А потом, когда город освободят, он начнет ходить в школу, и все будут знать, что он, Сильвио, рисковал собой ради счастливой жизни. Размечтавшись Сильвио чуть было не пролил поленту, снова поскользнувшись на мокром полу.

Карранти ел не спеша, но с аппетитом. Все идет, как по маслу. Дверь, ведущая из кухни в каптерку, открыта: значит, Крайнев там. Теперь надо пройти к нему и отдать пачку.

Карранти не без тайного умысла всюду возил с собой Мехти. Он решил делать все на виду у Мехти, чтобы стим снять с себя могущие возникнуть подозрения. «Лучше всего прятаться в доме преследователя».

— Кто в каптерке?—обратился он к Сильвио, стоящему возле них и упоенно следящему за каждым движением Мехти.

— Димо Крайнев, товарищ начальник штаба,— отпартовал Сильвио.

Карранти положил ложку, выпил молоко. Из кружки на его грудь упала синеватая капля. Он вытер ее ладонью.

Мехти, видя, что начальник штаба собирается встать из-за стола, заторопился с едой.

— Не спеши, ешь,— бросил Карранти.

Он поднялся и,ковыряя в зубах спичкой, зашел в каптерку.

Димо Крайнев, взвешивавший ручным безменом кулек с остатками муки, обернулся на шаги.

Мучная пыль осела ему на голову, и его жесткие всклокоченные волосы казались седыми. От уха к подбородку Крайнева тянулся глубокий рваный шрам, два зуба спереди были выбиты. Он рассказывал, что это следы побоев жестокого и своенравного отца, мелкого землевладельца с побережья, полукрестьянина, полупомещика, смертным боем бывшего жену и сыновей за то, что не были во-время подоены козы или заросла бурьяном грядка на огороде.

Карранти вытащил из кармана пачку, протянул ее Крайневу, и громко сказал:

— Мне две пачки сигарет.

Крайнев положил поданную ему пачку на куль с мукой, а сам потянулся к полке, взял с нее две пачки сигарет.

Карранти спросил:

— Когда едешь за продуктами?

— Сейчас поеду.— Крайнев понимающе оскалил в улыбке шербатый рот.

Карранти забрал у него сигареты в таких же пачках, какую он передал Крайневу, и вышел в кухню.

Мехти уже покончил с обедом. Карранти отдал ему одну из пачек, открыл свою, угостил повара и Сильвио.

Сильвио не курил. Но, решив, что настоящий партизан-воин не может не курить, тоже протянул руку за сигаретой.

В дверях каптерки показался Крайнев.

Он ждал, что Карранти угостит и его, но начальник штаба повернулся, собираясь уйти. Тогда Мехти полез за своей пачкой, но Карранти остановил его.

— Ему я разрешил взять для себя целую пачку,— смеясь, сказал он. Повернувшись к дверям каптерки, он погрозил Крайневу пальцем:

— Но, смотри, только одну.

Все это выглядело вполне естественным. Запасы куρεва в бригаде были на исходе, и отпуск табака или сигарет производился лишь с разрешения командования бригады.

Крайнев признательно наклонил свою всклокоченную голову.

Он вернулся в каптерку, и через раскрытую дверь Мехти увидел, как он взял с мучного куля пачку сигарет и с довольным видом опустил ее в карман.

Карранти и Мехти вышли из кухни.

У дверей своей комнаты Карранти остановился.

— Ну, а теперь можно и поспать часок. Мне по праву раненого, а тебе как отдыхающему,— улыбнулся он.

— Есть спать!— весело откликнулся Мехти.

— По возвращении полковника я соберу у себя смеившихся начальников постов. Придешь и ты.

— Есть!

Мехти шелкнул каблуками и стал подниматься по лестнице.

На площадке лестницы находилось высокое, от пола площадки до потолка, окно. Цветные стекла окна были выбиты, и струи дождя свободно проникали на площадку.

Мехти в раздумьи приостановился.

Отсюда хорошо виден был двор.

Вот по двору, поскальзываясь и ругаясь, прошел Ферреро вместе со своим ординарцем.

У покосившихся ворот стоит часовая — он подоткнул за пояс полы шинели и навалился на самый нос кожаную фуражку.

Крайнев, надевший брезентовый плащ, выводит из конюшни старого мула; мул покорно идет к повозке, стоящей в углу двора...

Мехти никак не может сосредоточиться. А сосредоточиться надо. Надо поразмыслить, не произошло ли чего нового за время встречи с Карранти. Они встретились, сходили пообедать и разошлись. И всё? Начальник штаба вел себя просто, непринужденно. Придаться, вроде, было не к чему. Он сделал всего лишь один ложный шаг — притворился, будто не заметил, что в его комнате рылись.

Одно очко не в его пользу... Только одно очко... Оно может решить исход футбольного матча, но не ему решить вопрос: предатель перед тобой или нет? Одного очка мало... Да к тому же Карранти, может быть, и вправду ничего не заметил. Нет, не заметить он не мог. Я нарочно переложил папку и выкинул на пол закладку из томика Данте. Кстати, читал ли Карранти «Божественную комедию»? Стоп, не отвлекаться! Итак, он все, конечно, заметил, но не подал и вида. Значит, считает, что имеет в моем лице противника, и противника довольно глуповатого.

Потом они пошли обедать... Нет, до обеда Карранти распотрошил пачку сигарет, сказав перед этим, что в них бывают спрятаны шпионские донесения. Возможно, и бывают. Но потрошить пачку ему все-таки было незачем. Переиграл Карранти. Еще одно очко... Нет, я, кажется, пристрастен, а в таком деле нужна полная объективность, спокойная, бдительная объективность, с учетом каждой мелочи; иначе, действительно, окажешься в простаках. Однако — решительно ни одной мелочи, достойной внимания!..

Опять по двору прошел командир бригады.

Двое парней стали таскать дрова в дом — догадались все-таки убрать их из-под дождя.

Со двора выехал Крайнев. Дурень, пытается свернуть под дождем цыгарку, а у самого пачка сигарет в кармане. Опять отвлекаюсь. Спокойней, Мехти, спокойней: не надо волноваться... Не забывай о напутствии полковника... Да, но как тут не волноваться, когда ни одной предосудительной мелочи! Ни одной. Спустились, пообедали, Карранти зашел в каптерку... Стоп! Здесь надо проверить себя.

Мехти в раздумьи потер рукой подбородок.

Вдруг он отошел от окна, прошел через зал, коридор, спустился по другой лестнице вниз и вышел на крыльцо.

— Где командир? — спросил он у партизана, несущего охапку мокрых дров.

— В кухне, обедает.

Партизан уронил тяжелое полено; Мехти поднял его, положил себе на плечо и бегом поднялся в кухню. Он сбросил полено у плиты и подошел к столу, за которым сидел командир бригады.

— Хорошо, что пришел, садись, — обрадовался Ферреро.

— Я уже обедал с Карранти, — сказал Мехти и отогнал вертящегося вокруг стола Сильвио. — А к вам — имею дело.

Ферреро обрадовался еще больше.

— Давай, давай. Полковника нет — так я себе места не нахожу. Когда дело — легче.

Мехти наклонился к командиру.

— Я слышал, что в последнюю неделю вы лично вели учет продуктов и табака?

— Вел и веду. Даже записываю.

— Тогда разрешите, товарищ командир, посмотреть, сколько наличных пачек сигарет записано на сегодня?

— Могу на память сказать. Было двадцать, утром я приказал выдать четыре командирам отрядов после совещания.

— Три пачки Карранти недавно взял для себя, для меня и для Крайнева.

— Вот уж этому ротозею не следовало бы. Курево — на вес золота, — проворчал Ферреро.

— Значит, остается всего тринадцать? Можно проверить?

Ферреро заглянул в его встревоженные глаза. Мехти, видно, не зря спрашивает его об этом. Он вытер платком усы и рот, зажал в зубах пустую трубку, встал и приказал открыть двери каптерки, на которых висел замок.

Старик-повар открыл двери и вернулся к плите.

Мехти и Ферреро вошли в каптерку.

Мехти приподнялся на цыпочки и сгреб с полки все пачки сигарет.

Их было четырнадцать.

— Все ясно, — удовлетворенно проговорил он.

— Что тебе ясно? — недоуменно спросил Ферреро.

— Карранти взял отсюда две пачки. А третью — ту, что дал он Крайневу, — он принес с собой. Крайнев положил ее в карман и поехал в Сагу, за продуктами, — сурово и многозначительно сказал Мехти.

Глаза у Ферреро сузились.

— Перехватить? — не столько спрашивая, сколько делая решением, произнес он.

— Нам надо знать, что он везет в этой пачке. Если...

Ферреро договорил за Мехти:

— Если там ничего нет, он будет под любым предлогом отправлен отсиживаться в одну из дальних деревень. Пусть Карранти пока его не видит. Если же есть, — глаза Ферреро сузились еще больше, — тогда, действительно, все ясно.

Он пососал трубку, подумал.

— Предоставь это дело мне. Сам оставайся при Карранти. — Где он?

— Отдыхает.

— А что это ты так нахмурился, Михайло?

В глазах у Мехти вспыхнул гнев, ладонь сжалась в кулак:

— Ох, трудно мне с ним будет!

— Ничего, ничего, Михайло.

...Карранти, действительно, отдыхал в своей комнате.

Он полулежал на кровати, подложив под спину подушку, укурыв ноги одеялом.

Сутки прошли удачно. Но он очень устал. Что-то он быстро стал уставать, — Чарльз Беннет, которого в федеральном бюро называли не иначе, как «Беннетом с железными тросами вместо нервов». Увы, перетираются и тросы. Но поди докажи этим молодчикам из Нью-Йорка и Вашингтона, что такого груза, который взвалил на себя Беннет, не выдержит и железнодорожный мост! Впрочем, давно уже известно, что сытый голодного не разумеет. Побыли бы они хоть день в его шкуре...

Стемнело. Карранти зажег свечу. Капнув стеарином на край стула, он прилепил ее рядом с пепельницей и термосом.

Хорошо лежать так вот — вытянув ноги, ни о чем не думая... А Крайнев скоро будет в Саге. Придется еще недельки две-три походить по острiu ножа. Какое там ножа — бритвы. Надо завести бригаду в условленное место, а там уже можно будет перебраться и в более спокойный уголок...

Карранти потрогал повязку на лбу — ссадина побаливала. Он снова поймал себя на мысли, что дорого заплатил бы за стакан хорошего выдержанного коньяку. Нет, потом голова будет трещать... А голову надо иметь свежую; завтра — продолжение поединка: с самим собой, с каждым встречным, с Михайло, с полковником, с Фер-

реро. Завтра опять надо будет есть эту поленту, носящую столько названий: мамалыги, болтушки, и этого... как его... хашила, но не перестающую от этого быть противным мучным месивом; и пить козье молоко, разбавленное водой. Завтра придется горячо пожимать руку полковнику за то, что тот сумел пустить под откос нацистский эшелон; призывать партизан к бдительности. Не забыть бы, кстати, напомнить еще раз Крайневу, что скоро ему будут переданы отцовские земли. Пусть ждет...

Карранти переменял позу. Зашелестели газеты, в беспорядке разбросанные поверх одеяла.

Он взял одну из них.

Объявление на четвертой полосе возвещало, что награда за голову Михайло повышена до трехсот тысяч марок. Интересно, прочел ли Михайло это объявление? Наверно, не прочел, нехватило времени — надо было обыскивать комнату. А нацистам все-таки пришлось прибавить двести тысяч. Приличная сумма, неплохо было бы ее получить. Ведь так или иначе, а ликвидировать этого смелого, но еще неотесанного юнца можно будет только с его помощью — с помощью Беннета. Сколько же он запросил бы? Да не так уж много...

Карранти отбросил газету в сторону и, поправив одеяло, закрыл глаза.

Ему, Чарльзу Беннету, «номеру девятому», всегда казалось, что для его счастья нужно не так уж много.

Двадцатидвухлетний Чарльз — студент Филадельфийского университета, самозабвенный игрок в бейзбол и столь же самозабвенный бездельник, — почувствовал вдруг непреодолимое отвращение к ежедневным лекциям по юриспруденции и скучнейшим фолиантам в шкафах университетской библиотеки.

До тошноты надоел и дом дяди — вечные разговоры о стоимости бычьих шкур на рынке (дядя торговал ими); потускневший портрет Авраама Линкольна в гостиной и слезные сетования о том, что ни один из новых президентов не похож на него; традиционный рождественский пирог и танцы с поразительно глупыми кузинами, боящимися всего на свете — привидений, автомобилей на улице, холеры, лимонада со льдом и близкого знакомства с молодыми людьми, вроде Чарльза; бурные восторги по поводу недавно купленной стиральной машины; аккурат

но выдаваемый по субботам один доллар на карманные расходы.

Доллара явно нехватало. Модистка Клэр Дэнси начала уже понимать, что не от хорошей жизни ходит он с ней в субботу в кино, а в следующую субботу ездит в загородный дансинг, но никогда не делает и того и другого в один вечер. Клэр умела не только заразительно смеяться и шить юбки, подчеркивающие крутизну ее бедер. Она любила поразмышлять и о будущем. Они сидели рядом за круглым столом на веранде дансинга, потягивали коктейль через соломинку или пили виски с содовой, и Клэр вслух мечтала о собственном домике на склоне холма — обязательно в Оклахоме или Висконсине. Она представляла себе этот дом до мельчайших подробностей — в нем должно быть не больше пяти-шести комнат, полированная низкая мебель, строгий кабинет с пишущей машинкой и книжными полками, вделанными в стену, камин в гостиной, сложенный из простых кирпичей, и кресло перед ним; кухня с электрической плитой и электрическим холодильником.

Чарльз тоже не отказался бы от дома с камином, с Клэр и кабинетом, хотя он и не совсем понимал, что ему делать в этом кабинете: он давно перестал ходить в университет, и его выгнали оттуда.

На доллар в неделю можно было купить лишь медную дощечку, чтобы прибить ее на входной двери дома, но не сам дом. И Чарльз решил написать статью о расцвете Филадельфии за последние годы и послал ее в крупнейшую газету. Статью вернули обратно, а с Чарльза содрали двадцать пять центов за почтовые расходы.

Тогда Чарльз отправился на конкурс, объявленный не то свинным, не то мануфактурным королем. Чтобы получить приз, надо было до изнеможения, в одних трусах, выбивать чечетку на льду катка. Чарльз мужественно протанцевал четырнадцать часов кряду, но не мог угнаться за другими; а приз получил счастливец, с начинающим брешком, не помещавшим ему, однако, пропрыгать на льду пятьдесят шесть часов.

Чарльз долго сравнивал свои фотографии с фотографией Тайрона Пауэра — звезды, тогда еще только восходившей на голливудском небосклоне, и, решив, что прийти от этого сравнения в ужас нельзя, послал свои карточки

фирме «Парамоунт». Ему ответили, что в случае необходимости его пригласят в будущем в качестве статиста.

Чарльз приуныл. Дядя, узнав, что его выгнали из университета, прекратил выплату единственного доллара в неделю. Клэр ушла от Чарльза, решив подыскать более подходящую кандидатуру — она никак не могла отрешиться от мысли о домике в Оклахоме. Над Беннетом сгустились тучи... Однако вскоре для него открылся просвет... Видя, в каком трудном положении находится Чарльз, несколько бывших университетских товарищей пригласили его в бар. Там его провели в погреб, завязали глаза, потом вывели наружу и посадили в машину. Ехали долго. Куда-то спускались по крутой лестнице. Когда Чарльзу разрешили открыть глаза, он увидел себя в сыром подzemелье; свет коптящих факелов разливался вокруг, а перед Чарльзом сидели люди в белых балахонах, полумасках и остроконечных колпаках.

Его заставили подниматься, садиться, произносить слова длиннейшей клятвы. Потом на глаза ему снова надели повязку, вернули тем же порядком в бар и предложили ждать. Чарльз решил, что с ним, от нечего делать, сыграли злую шутку. Но ждать пришлось недолго. Вскоре ему сообщили о необходимости выехать на Юг.

Работа предстояла срочная: в конгресс выбирали члена республиканской партии, и нужно было обеспечить ему возможно большее число голосов. Чарльзу пришлось подкупать людей, организовывать драки и скандалы на избирательных пунктах, опускать в урны пачки фальшивых бюллетеней. Он превзошел самого себя, и республиканец стал конгрессменом, а Чарльз получил первую солидную пачку долларов. Можно было спокойно возвратиться домой.

Он купил билет на поезд, пообедал, прошелся по набережной.

Вдоль обоих берегов Миссисипи зажглись огни неоновых ламп. По реке плыли похожие на испанских черепаш старинные пароходы с огромными колесами; по улице катились «кадиллаки» и «паккарды». Белели кипы хлопка у пристаней. Сутились рослые негры...

Чарльз вошел в одну из бильярдных, где играли несколько хлопковых плантаторов. За проведенные в бильярдной полчаса он успел узнать, что хлопковые пла-

таторы не очень-то довольны новым конгрессменом — республиканец ограничился восторженной и довольно отвлеченной речью и укатил в Вашингтон, ничем дельным себя не проявив.

Чарльз понял, что надо укреплять его позиции.

Он обменял билет на вашингтонский поезд, повидался с конгрессменом и вернулся в город на берегу Миссисипи с разбитной девочкой из публичного дома, оплаченной конгрессменом.

На следующий день пять негров «пытались» среди бела дня зверски изнасиловать «белого ангелочка»; разъяренная толпа линчевала всех пятерых, а конгрессмен выступил на страницах множества газет с требованием «держать негров на привязи». Плантаторы удовлетворенно потирали руки, а Чарльз получил вторую солидную пачку долларов.

В Филадельфии он узнал, что Клэр встретила акционерка компании бритвенных лезвий, подтяжек и прочей мелкой галантереи, имевшего два городских и три загородных дома (но ни одного в Оклахоме или Висконсине), и поспешила отдать ему сердце. Чарльз недолго горевал: он купил домик и поселился в нем с молодой хозяйкой гостиницы Мэг Перкинс, умевшей смеяться еще заразительнее, чем Клэр.

Вскоре он обнаружил, что долларовые пачки имеют неприятное свойство быстро таять; и неожиданно посетившему его представителю городской ку-клукс-клановской организации не пришлось даже напоминать Чарльзу о данной им клятве. Чарльз выехал в Детройт: там бастовали фордовские рабочие. Ночью был произведен налет на здание профсоюза, где они получали пособие. Люди в белых халатах разгромили и подожгли здание и развезли на машинах — полиция не чинила им препятствий.

В городской гостинице Чарльзу было дано секретное поручение. Он остался в Детройте. Когда монтер — коммунист Хевилэнд возвращался с ночного митинга стачечников, он в темном переулке был убит выстрелом в затылок. Кто-то вывел на его пальто мелом три буквы К. Так Беннет совершил первое убийство.

Он забыл об этом в объятиях пылкой Мэг. Но о Беннете не забыли. Летом его пригласили в Пентагон — военное министерство — и предложили ехать на Филиппины.

На Филиппинах вспыхнуло восстание, и Чарльзу совсем не хотелось туда ехать. Тогда ему напомнили о выборах, неграх, коммунисте-монтере.

Чарльз отправился на Филиппины. На островах выяснилось, что он нужен, примерно, для такой же работы, с какой он начинал свою деятельность на Юге, но в гораздо больших масштабах. Надо было подкупать людей, провоцировать столкновения, организовывать убийства вожakov повстанцев. Чарльзу удалось заслужить благодарности.

По возвращении в Штаты его поздравили с получением звания майора и уволили в запас.

Новоиспеченный майор секретной службы не вернулся в свой оклахомский домик, к Мэг.

Он поехал во Флориду, поселился в фешенебельном отеле, стал волочиться на пляже за женщинами и беспробудно пил, смутно сознавая, что из той паутины, в которую он попал, ему уже не вырваться.

Вскоре его пригласили на одну из отдаленных вилл, красовавшихся на берегу океана.

Беннета встретил ласковый, с мягкими вкрадчивыми манерами человек, вокруг которого почтительно стояли штатские и военные.

Он сидел в кресле, нежно потирая его крутые полированные ручки; но он тоже почтительно встал, когда в комнату вошел сухопарый, горбоносый старик в очках и во фраке.

Вошедший именовался Стэнгом и был одним из самых могущественных уоллстритовских директоров.

Круг замкнулся. Чарльз и прежде догадывался о существовании тайных связей между ку-клукс-кланом, разведкой, Пентагоном. Он подозревал, что служит слугам... Теперь он встретился с одним из хозяев, с одним из тех, на кого ему так хотелось походить самому. Ему казалось прежде, что он ненавидит богатей, магнатов, прибравших к своим рукам все богатства и не дающих простым людям, вроде Чарльза, пробиться в жизни. Еще немного —

и некоторые наивные агенты ФБР могли бы принять его за «недовольного»... А он просто завидовал богатым — острой, мучительной завистью... Поэтому-то Беннет и избрал себе путь, приведший его сюда, к Гуверу... И теперь у него, Беннета, были деньги, и чем больше их было — тем преданней и ревностней защищал он горстку господ с Уолл-стрита. А вокруг него копошились другие беннеты, помельче, которые отставали его интересы и надеялись тайне стать когда-нибудь такими же, как Чарльз... Беннет чувствовал себя стопроцентным американцем, и не только служебный долг заставлял его проводить политику, которую диктовал Уолл-стрит. Он убивал, грабил, наживался, ибо только это могло привести к «счастью», «преуспеянию» — его, беннетовскому, счастью, его, беннетовскому, преуспеянию.

И, трясая за свое будущее, он с еще большим рвением воспитывал из себя мерзавца.

Беннета всю зиму учили разнообразным вещам — светским манерам и сверхметкой стрельбе, десяткам кодов и шифров, умению есть устрицы и приемам джигитсу.

Следующий год он провел в Европе на Лазурном берегу, в Каннах и в Ницце. Чарльз выдавал себя за отпрыска богатой американской фамилии; вместе с «женой» он принимал у себя французских политических деятелей и итальянских промышленников, играл в рулетку, задавал балы, а в Штаты широким потоком шли сведения, касающиеся и Франции, и Италии, и всей Центральной Европы. Чарльзу пришлось за это время задушить в машине француза-шофера; прирезать служанку, нашедшую во время уборки кабинета в ящике письменного стола чертежи нового французского танка. И все же «курортную» деятельность Беннет считал лучшим периодом своей жизни.

Именно тогда он и открыл счет в солиднейшем из нью-йоркских банков.

Потом его отозвали в Штаты, заставили зубрить немецкий язык и прыгать с парашютом.

В 1938 году Беннет уже находился в Германии и осуществлял связь концерна «И. Г. Фарбениндустри» со своими хозяевами.

Беннет посидел за три года работы, но нервы его не сдали.

Впервые нервы стали пошаливать у него здесь, в горах. Его хозяевам стало ясно, что русские все же выгонят нацистов со своей земли и двинутся дальше — освобождают другие народы. Русских нельзя было пускать в Европу. И Беннет проник к партизанам Адриатики. А теперь не знал — выберется ли отсюда? Самые трудные дни в жизни Беннета наступили именно тогда, когда он столкнулся с русскими.

Беннет стиснул зубы. Не время раскисать, Чарльз!.. Нужно взять себя в руки. Дела не так уж плохи, как кажется на первый взгляд; в штабе армии, в корпусах и бригадах немало своих людей; и, в конце концов, сталкиваться ему приходится пока лишь с таким молокососом, как Михайло; и он сумеет отсюда выбраться, а если выберется, то можно не сомневаться, что тогда уж он сам будет сидеть в Нью-Йорке и посылать в Европу других...

Карранти услышал шум во дворе и поморщился. Очевидно, возвратился полковник Сергей. Надо одеваться.

Он скинул одеяло, надел сапоги и протянул руку к куртке, висевшей на стене.

Рука его застыла в воздухе.

Он услышал знакомый, раздражающий скрип колес. Так могли скрипеть только колеса подводы Димы Крайнева: этот скрип Карранти узнал бы среди скрипа сотен других колес. Каждый раз, когда Крайнев возвращался из Саги, Карранти догадывался о его возвращении по скрипу.

Однако, выглянув в окно, Карранти не обнаружил среди возвратившихся с задания партизан ни подводы, ни Крайнева. «Что это, померещилось мне, что ли?» — подумал он. Но нет, скрип донесся до него очень явственно... Выходит, что Крайнев сейчас прячется... Но прятаться ему не к чему. Значит, Крайнева прячут партизаны, прячут для того, чтобы не выдать себя Карранти. Ишь, как они ликуют там, внизу! Как будто ничего особенного и не случилось. А потом они придут к нему, к Карранти, и начнется то страшное, от чего трудно будет уже уловить... Карранти видел перед собой гневные, пылающие

глаза Ферреро, который готов разорвать его на куски; спокойный, и тем более беспощадный, взгляд русского полковника... Конечно, Карранти мог и ошибиться... А если нет?.. Проверять свои догадки. все равно было поздно.

Карранти продолжал смотреть из окна вниз. В свете фонарей мелькали фигуры партизан. Вот простоволосая Лидия Планичка, лицо ее кажется сейчас отлитым из бронзы; вот полковник Сергей обнимается с Ферреро. Весь двор заполнен вооруженными партизанами. Все — как всегда... И все-таки чутье едва ли его обманывает: он пойман. Знаменитый разведчик Беннет попался, как мышь в мышеловку!..

Карранти мертвенно побледнел, у него похолодели руки. Нет, так легко он не сдастся... В следующее мгновение он уже накинул куртку, лихорадочно проверил пистолеты, схватил шапку.

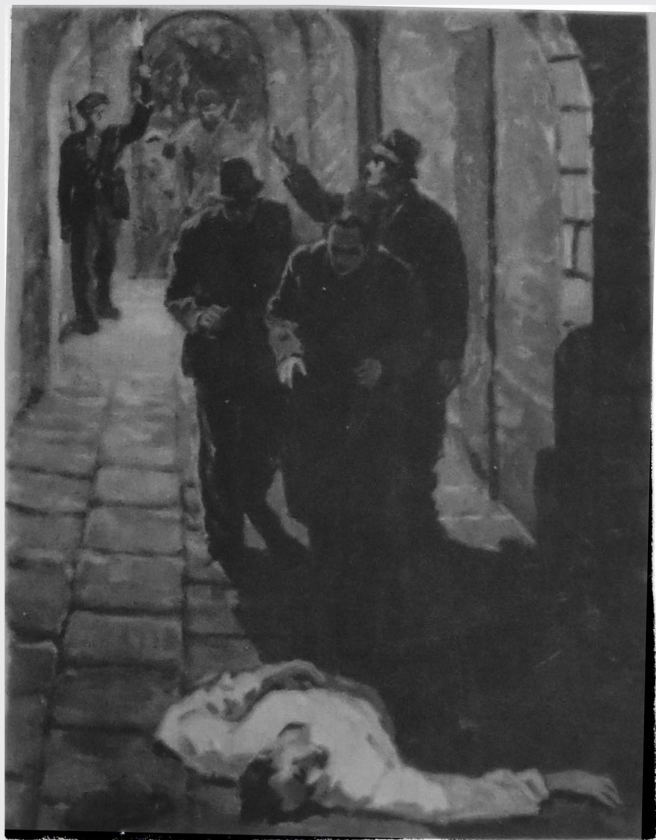
Итак, связной перехвачен; по всей вероятности, уже обыскан и все рассказал... Пусть им ничего не скажет пленка; достаточно и признаний Крайнева. Карранти чуть не застонал, словно от боли... Трижды проклятый Михайло с его улыбкой наивного юнца! «Наивность» не помешала ему проверить каждый шаг Беннета и околпачить его, как последнего мальчишку.

В чем же был просчет? В том, что он положился на Крайнева? Нет, при чем тут болван Крайнев. Ведь Крайнев попался из-за оплошности самого Беннета.. Какую же он совершил оплошность? Кажется, никакой... Он держался безукоризненно. И все-таки что-то было такое, что мог заметить Михайло. Вот, вот в чем его основная ошибка: он не учел силу Михайло! Признаться, Беннет до сих пор не понимал, в чем же его сила, в чем вообще сила русских? Размышлять, впрочем, некогда. Игра, кажется, проиграна, надо убираться...

Карранти вышел в коридор.

Из полуоткрытой, с противоположного конца коридора, вынырнул навстречу ему Мехти — оживленный, улыбающийся.

...Никогда не думал Мехти, что ему придется столкнуться лицом к лицу с таким, как Карранти. Ему казалось прежде (как давно это было), что вся жизнь его

протечет спокойно, мирно, что он вернется к живописи и будет посвящать свои картины труду и миру.

Началась война. Мехти, как и другие, пошел защищать свою землю. Ясность цели, чувство долга помогли ему стать стойким солдатом. Он не вздрагивал, когда впереди него рвался вражеский снаряд; шел на врага, стиснув зубы и словно ощущая на себе взгляды всех советских людей, во имя которых он и сражался. Это делало его сильным. Необоримая сила чувствовалась в нем и здесь, в Триесте, когда он шел выполнять сложные задания, и сейчас, когда он шагал навстречу Карранти. На далеком адриатическом берегу Мехти выполнял свой долг перед Родиной. Этого-то и не мог понять Карранти.

А Мехти знал: враг содержит людей, которые ради денег — готовы на все. И ему было легче понять Карранти. Он не знал одного: кто платит Карранти, кто помог ему проникнуть в бригаду?.. Очевидно, в штабе действовала вражеская рука. И она протягивалась к их бригаде, чтобы помешать ей достичь победы. Все это никак не укладывалось в сознании Мехти. Для него врагами были немецкие фашисты, напавшие на его землю. Но вряд ли в штабе засели немцы. Орудия с подобным размахом, они давно бы уж оказались разоблаченными. Кто же тогда стоит на пути Мехти и его товарищей? Враг, прикидывающийся другом?.. Да, не так-то все просто, Мехти. Не так все безоблачно, как в твоей картине! У тебя, кажется, есть, кого ненавидеть и кроме гитлеровцев.

Мехти шел навстречу Карранти; и ему стоило немалого труда сдержаться, ничем не выдать своих чувств. Он даже заставил себя улыбаться; и только глаза его были недобрыми и темнее, чем всегда.

Карранти и Мехти поравнялись.

— Будет совещание? — звонко спросил Мехти.

— А полковник вернулся? — вопросом на вопрос ответил Карранти. Ему пришлось сейчас призвать на помощь все свое самообладание.

— Говорят, вернулся. Я шел как раз вниз, чтобы увидеться с ним.

Карранти посмотрел в лицо Мехти.

На губах Мехти играла улыбка, а взгляд был испугующим, чуть брезгливым, и в глубине его таилась такая ненависть, что Карранти стало до конца ясно: он не ошибся, они все знают. Он улыбнулся через силу и каким-то напряженным голосом предложил:

— Пойдем вместе?

— Пошли, — сказал Мехти, и Карранти почувствовал облегчение.

Они пошли рядом. В коридоре никого не было.

Карранти незаметно опустил руку в карман. И вдруг он с силой толкнул Мехти в бок. Мехти удержался на ногах, но Карранти успел взмахнуть правой рукой и всадил ему нож между лопаток. Мехти беззвучно отвалился к стене, стал сползать на пол...

Карранти наклонился над ним. Не дышит... Тогда он круто повернулся, пробежал коридор, чуть ли не скатился вниз по боковой лестнице и толкнул дверь, ведущую к задним пристройкам виллы. В это время тишину прорезал резкий свист. Свист доносился из коридора...

Перед Карранти вырос часовой, шагавший обычно у сарая. Еще секунда — и он не смог бы уже уйти. Каким-то чудом он успел выхватить пистолет, не глядя, выстрелил в часового и бросился бежать по тропинке, ведущей в горы. Ему помогли на этот раз сметка и ярость зверя, попавшего в капкан; сила его — была силой, которую придает только отчаяние.

...Сергей Николаевич, Ферреро и еще несколько партизан поднимались по лестнице вверх. Услышав свист, они кинулись в коридор. Полковник первым увидел Мехти, лежавшего в коридоре у стены, — ослабшего, обесиленного. Теперь ему совсем уж легко было бы притвориться мертвым...

— Проверить все выходы! — приказал Ферреро. — Искать!

Голос его был громовым, а Сергею Николаевичу он показался тихим и далеким.

В коридоре зажгли свет. Полковник поднял с пола и прижал к себе безжизненное тело Мехти. Подбежали врач в белоснежном халате, сестры.

Они остановились перед Сергеем Николаевичем. Лицо полковника не было искажено ни болью, ни страданием.

но он держал Мехти так, как отец сраженного сына, как брат держит брата своего.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Мехти — обнаженный по пояс — лежал спиной вверх на узком столе, покрытом белой, хрустящей от крахмала простыней.

Над столом висела круглая керосиновая лампа, прикрытая картонным щитком. На стоящей рядом высокой табуретке лежал раскрытый чемоданчик из крокодиловой кожи, наполненный холодно поблескивающими хирургическими инструментами; к табуретке были прислонены две холщевые сумки с вышитыми на них крестами, — когда-то кресты были красными, а теперь вылинялы, и цвет их почти сливался с цветом холста, из которого сделаны были сумки.

В углу комнаты на изящном круглом столике с затейливо выгнутыми ножками — очевидно, предназначенном для интимных чаепитий хозяев виллы — горели голубоватым пламенем несколько спиртовок, в никелированных стерилизаторах булькала вода.

К стене была прибита обыкновенная кухонная полка, уставленная в несколько рядов всевозможными банками, склянками, пакетами с бинтами, шприцами.

Партизанский врач был вполне доволен предоставленными ему удобствами; не часто они у него бывали: бригада вела беспокойную кочевую жизнь.

Обычно ему приходилось обставлять свой докторский кабинет в глубокой сырой землянке или дощатой сторожке лесника, а то и просто под деревьями в лесу... Не раз расчищал он осколочную рану на черепе, ампутировал конечности или извлекал осколки разрывных пуль из живота в таких фантастических, невероятных условиях, что, попади в них доктор в довоенные годы, он не осмелился бы вскрыть и самый обыкновенный чирий. Доктор, к счастью, относился к тем несправимым оптимистам, которые всегда считают, что нет худа без добра: он ни на что не жаловался и невозмутимо записывал в толстую конторскую книгу наиболее интересные случаи из своей бурной медицинской практики последних лет, втайне на-

деяс, что, когда будет покончено с фашизмом, ему удастся прочесть не одну интереснейшую лекцию перед собратями по профессии или студентами.

Он не жаловался бы и сегодня, если бы ему так не мешали. Медсестра придвинула кресло Сергею Николаевичу, и с той минуты, как Мехти положили на стол, полковник не покидал комнаты.

На подоконнике, обхватив руками колени, примостился Вася.

За дубовой дверью, ведущей в соседний зал, и за окнами, выходящими во двор, толпились партизаны.

Сергей Николаевич, правда, сидит тихо, безмолвно, но доктор все время чувствует на себе его тревожный, ожидающий взгляд. Вася молчит. Но он тоже столько раз дергался на месте, пока доктор зашивал рану Мехти, а сейчас у него такой убитый вид, что хочется прикрикнуть на него. Двери — дубовые, окна плотно занавешены, но до слуха все же доносится звук шагов, приглушенные возгласы, отрывистый шопот... Все это мешает: доктору словно стараются напомнить, что перед ним лежит общий любимец — Михайло. Что ж они думают, доктор меньше любит этого юношу с крепкими мускулами и с душой чистой и нежной, как горный хрусталь? Знали бы, как нелегко сейчас доктору. Плох Мехти. Очень плох. Он, видно, был насторожен, когда шел с Карранти, и успел-таки вывернуться, удар получился ослабленный, но нож все же глубоко вошел в тело между шестым и седьмым ребром. За все время Мехти пришел в себя лишь один раз. Открыл глаза, прошептал: «больно... очень больно» и снова впал в забытие...

— Поддерживайте сердце, — хмуро произнес доктор.

Обе сестры засуетились вокруг раненого. Доктор прошел к столу с гнутыми ножками — возле него на полу лежали свитер, нижняя рубашка, шаровары Мехти, насквозь пропитанные кровью. Сестра уже успела выгащить из карманов потертый бумажник с торчащим наружу краем небольшой фотокарточки, покрытой пятнами крови, самопишущую ручку, сигареты, и сложила эти вещи на подоконнике, рядом с поясом и пистолетом Мехти.

Доктор достал платок и вытер бумажник и фотокарточку. С нее глядел смеющийся Мехти — он стоял, об-

нявшись с двумя юношами, у трамплина зимнего плавательного бассейна. «Великолепное, тренированное, закаленное тело», — с восхищением подумал доктор.

Он отложил бумажник и подошел к раненому. Мехти сделали укол кофеина и камфоры, но он оставался недвижим, — еле-еле прощупывался пульс, на лбу выступил мелкий холодный пот.

Тренированному и закаленному телу Мехти не хватало главного — крови.

Сергей Николаевич грузно поднялся со стула, медленно подошел к доктору.

— Худо? — шопотом спросил он.

Доктор неопределенно покачал головой.

— Еще укол, — сказал он сестрам и взял полковника под руку: — Пойдем.

Они вышли.

Среди партизан, заполнивших зал, наступила тишина.

Все напряженно, вопросительно смотрели на доктора и полковника.

— Удивительная вещь! — громко воскликнул доктор. — Сколько лет практикую, а никак не могу привыкнуть к запаху лекарств, полковник. Если часто не выхожу на свежий воздух, ночью обязательно болит голова.

Партизаны недоуменно переглянулись друг с другом, не зная, видимо, как понять столь прозаические рассуждения доктора. И это в то время, когда там, за дубовой дверью, Михайло борется со смертью! А что он в опасности, они знали, — иначе не пронесли бы его, бесчувственного, в комнату врача, не оставался бы там полковник, а присоединился б к Ферреро и сотне партизан, прощесывающих каждый куст вокруг в поисках начальника штаба, не отмахнулась бы от них сестра, выбежавшая во время операции. Она даже утерла на ходу предательскую слезу. Спросить? Но как спросить, когда доктор и полковник не хотят даже взглянуть в их сторону.

— Ему худо? — настойчиво повторил полковник.

— А командир не вернулся? — в свою очередь громко спросил доктор.

— Нет, иначе он направился бы прямо к нам, — нетерпеливо сказал полковник и опять тихо добавил: — Плохо ему, я спрашиваю?

Они вошли в пустой будуар.

Доктор остановился. Здесь никого не было, и он четко произнес:

— Ему плохо. Потеря крови... Я бы сделал вливание, но вчера мы израсходовали последний грамм из запаса консервированной крови.

— Перелейте мою,— не задумываясь, предложил полковник.

— А вы помните свою группу?

— Н-нет...

— Тогда нельзя. Группу Михайло я знаю, первая. И мне нужно быть уверенным, что я вливаю ему тоже первую. А лаборатории под рукой нет. И нет консервированной крови.

— Донор найдется,— сказал полковник после паузы.

Он решительно двинулся в зал.

Доктор хотел было идти за ним, но заметил в полу-тьме забывшуюся в угол девушку.

— Анжелика!— удивленно окликнул он ее.— Что ты здесь делаешь?

— Я...— Анжелика вздрогнула.— Я... я ничего... Просто сижу здесь. Да... просто сижу.

Она, сама этого не замечая, ломала пальцы рук, кудри ее растрепались, губы дрожали...

— Я могу уйти, если здесь нельзя...— торопливо произнесла она.

— Сиди, сиди,— сказал доктор.

Но Анжелика прошла вслед за ними в зал.

В зале полковник объяснял собравшимся партизанам: — Михайло нужно влить кровь. Кто хочет отдать свою? Но только, если у него, точно, первая группа.

— У меня первая!— обрадованно подался вперед крепш-болгарин в модном пальто с меховым воротником, непомно для него узком и подпоясанном солдатским ремнем.

— Почему это у тебя?— возмутился Сильвно. Он поправил съезжавшую на бок кобурку своего маузера.— У меня кровь сразу свертывается. Первый сорт!..

— Ну, знаете,— перебил смуглый Анри Дюэз,— если уж на то пошло, то кровь надо брать у меня. Мы оба южане.

Но он тут же спохватился и умолк: глупо предлагать кровь, когда знаешь, что тебя подкашивает туберкулез.

— Кровь бывает разная и на юге,— сварливо огрызнулся худой старик-повар.— Я стар, кожа да кости остались, зато кровь у меня горячая, только ею и живу...

Сергей Николаевич, подняв руку, потребовал прекратить начавшийся спор.

— Тише, товарищи,— сказал доктор.— Полковник правильно сказал: надо твердо знать свою группу. Вы, например, откуда знаете?— обратился он к болгарину.

— Года за два до войны я лежал в больнице, и мне делали анализ.

— Значит, вы болели? А чем?

Но не успел болгарин ответить, как вперед выдвинулся Вася — он только что вышел из комнаты и, услышав, о чем идет речь, мигом пробрался к полковнику.

— Сергей Николаевич!— умоляюще воскликнул он и тут же принялся закатывать рукав.— У меня брали кровь немцы. Консервировали. Перед самым... ну, перед тем, как нас забрал сюда Мехти. Я точно знаю: первая у меня.

— Идем!— приказал доктор и чуть подтолкнул его вперед.

Они направились в сопровождении полковника в комнату, где лежал Мехти.

Притихшие партизаны расступились. Волей-неволей пришлось примириться с тем, что удача выпала на долю этого юноши.

— Спасибо вам, товарищи,— тепло поблагодарил Сергей Николаевич партизан.

Вася ничего не слышал. Он почувствовал вдруг странное успокоение. До этого он волновался, терзал себя догадками... А теперь знал: он войдет в комнату, его кровь вольют Мехти, и Мехти станет лучше; он заснет, потом — поднимется с постели, и они снова будут вместе.

Вася даже ободряюще кивнул Анжелике, когда проходил мимо нее.

А Анжелика все продолжала находиться в том состоянии, когда кажется, что смутно все видишь, плохо слышишь, а на самом деле — остро чувствуешь, схватываешь любую мелочь, и нет только сил связать эти ме-

лочи в целое, воспринять их так, как воспринимаешь обычно.

Анжелика медленно прошла через зал, присела на узкую длинную скамью, стоявшую у стены... Мысли ее были обрывочны... В то время, когда она шла к скамейке, доктор, наверно, уже начал переливать Мехти кровь Васи. Она хорошо знала доктора еще по Триесту, он работал в амбулатории в порту, был нетороплив и все-таки успевал делать все очень быстро. Теперь дело должно пойти на поправку. А вдруг Мехти станет еще хуже... Анжелике показалось, будто она проваливается в мутную, холодную бездну; и от этого стремительного падения у нее перехватило дыхание. Прошло еще несколько минут, и ей удалось взять себя в руки. Она всем существом своим восставала против мысли, что может случиться что-нибудь плохое. Мехти должен жить, он не может не жить!.. Он будет смотреть на нее лучистым, смеющимся взглядом из-под своих припухлых век; обнимет ее сильной, уверенной рукой; прижмется щекой к ее щеке. Но почему она представляет себе выздоровевшего Мехти — обязательно рядом с собой, дарящим ей ласковый взгляд, обнимающим ее?

Анжелика не задавала себе этого вопроса, а если бы задавала, то испугалась бы бурно нахлынувшего на нее неведомого, властного чувства.

Она сидела на скамейке долго, согнувшись, опустив голову на руки.

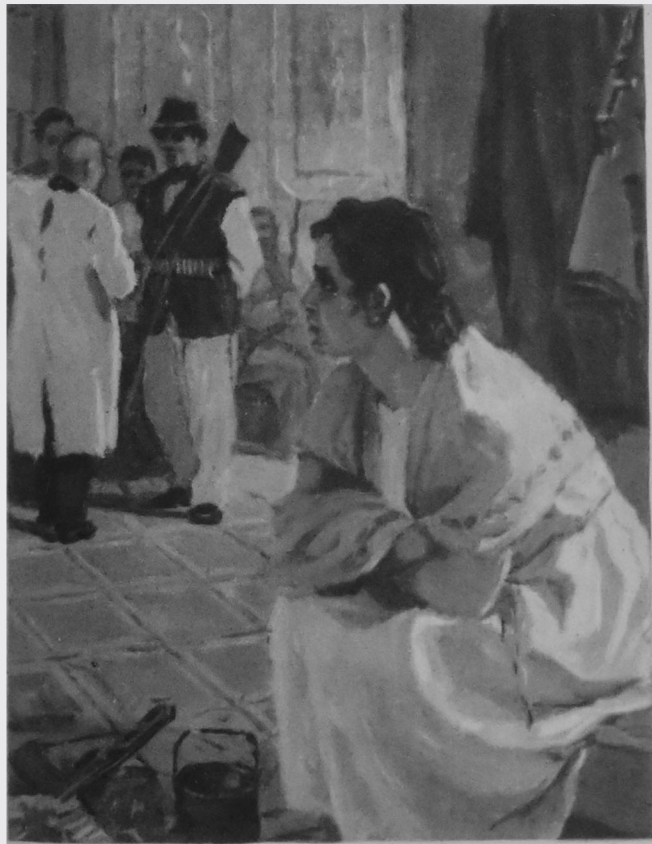
Вдруг кто-то сел рядом с ней. Это был Вася, — она и не заметила, как он подошел к скамейке.

— Ему уже лучше! — улыбаясь, сказал Вася.

— Он пришел в себя? — встрепелась Анжелика.

— Пока нет, но пульс хороший, дышит тоже хорошо; доктор говорит, что все будет в порядке...

Васе было сейчас необыкновенно легко; тело стало невесомым; он вовсе не ощущал ног, обутых в тяжелые башмаки, а когда двигал руками, то ему казалось, будто он взмахивает крыльями. Но подлинное ощущение полета пришло к нему потом, через минуту, когда Анжелика обхватила лицо Васи жаркими ладонями и крепко поцеловала.

Вася положил руку на плечо девушки, но не смог ответно поцеловать ее. Он зажмурил глаза и прижал белобрысую голову к груди Анжелики.

Голова у Васи кружилась — то ли от счастья, то ли от слабости: он отдал много крови... Сладкая, непреодолимая истома охватила Васю. Голова его медленно сползла на колени Анжелики, и он заснул.

На паркетном полу появились и стали постепенно увеличиваться две тени. Вот они исчезли, и спустя минуту выросли снова...

По опустевшему залу размеренно ходили взад-вперед два человека, и по их искаженным теням Анжелика, конечно, не могла определить, что это командир бригады Ферреро и Сергей Николаевич.

Оба — и Ферреро, и его заместитель — были озабочены и мрачны.

— Я разбил людей на десять групп, но ни одна из них не обнаружила и следа Карранти. Как сквозь землю провалился! — развел руками Ферреро.

— Он, наверно, спустился вниз по обрыву, — предположил Сергей Николаевич.

— Наверно. Но там мы тоже не обнаружили никаких следов. В общем, так или иначе, но этот мерзавец улизнул, — сердито заключил Ферреро.

Одежда его была мокрой, грязь облепила брюки, сапоги, овчинный полушубок. Пышный левый ус Ферреро закрутился, в углу рта торчала неизменная трубка.

На добром и мягком лице Сергея Николаевича под скулами обозначились желваки.

— Мехти в безопасности. Теперь надо обезопасить бригаду, — многозначительно сказал он.

— Надо это сделать сегодня же. Завтра Карранти появится в Триесте, и фашисты будут знать о нас многие подробности, известные только трем: мне, тебе и начальнику штаба. Ох, негодяй, попался бы он мне в руки!

Ферреро никак не мог успокоиться.

— Ничего не поделаешь, надо уходить, — произнес Сергей Николаевич.

— Пошли к карте, полковник, — вздохнул Ферреро. — Надо уходить в дальние леса, менять связь, линии снаб-

жения. Карранти еще даст о себе знать. Верь моему слову, полковник!

— Верю. Пошли,— сказал полковник. Он продолжал оставаться в глубоком раздумьи.

К ночи следующего же дня доктору пришлось приступить к оборудованию своего «медицинского кабинета» в жалком шалаше, наскоро сооруженном из сосновых ветвей и широких полостей прорезиненной палаточной ткани, на краю небольшой поляны в дремучем суровом лесу.

Работы у него было по горло: после снегопада, мороза, дождя неожиданно наступила оттепель, ледяная корка, покрывавшая землю, обратилась в слякоть, и среди партизан, проделавших три многокилометровых марша с короткими привалами прямо на земле, было много простуженных. Большинство из заболевших, привыкшее ко всякого рода невзгодам и лишениям, держалось на ногах. Однако несколько человек занемогли настолько серьезно, что передвигаться самостоятельно были уже не в силах. Вместе с больными и ранеными, еще раньше вверенными заботам медицинских работников бригады, новые больные составили целый походный госпиталь. Госпиталь передвигался вначале на грузовиках, повозках и даже на специальной санитарной машине, отбитой у немцев в один из рейдов. Но Ферреро завел людей в такие непроходимые дебри, что грузовики и санитарную машину пришлось вскоре замаскировать и бросить в лесной чаще, а больных уложить на самодельные носилки и нести на плечах. Лишь Мехти и еще двух-трех партизан, находившихся в тяжелом состоянии, поместили в медленно передвигавшиеся скрипучие повозки, запряженные мулами.

На поляне стояла лишь приземистая охотничья хижина; ее могло хватить человек на десять; и Ферреро приказал немедленно соорудить несколько шалашей для больных.

Сергей Николаевич дивился неиссякаемой командирской энергии,— громоздкий и шумный, он все успевал: разведать местность и подбодрить отставших, проверить посты и выслушать жалобы повара, изучить карту, распределить патроны и подумать о больных.

Полковник решил все-таки хоть немного отдохнуть. Он улегся под деревом и завернулся в бурку.

А командир накинулся на Сильвно и распек его за то, что он сидит вместе с Васей у повозки и болтает с Мехти, в то время как тому нужно спокойно спать. Потом Ферреро подозвал к себе ординарца и куда-то побежал вместе с ним.

Проснувшись, Сергей Николаевич присоединился к партизанам, устанавливавшим вокруг охотничьей хижины брезентовые палатки.

Ни дуновения ветерка. Воздух — неподвижный, теплый, влажный. С ветвей сосен падали тяжелые капли; под ногами хлюпала грязь. Незаметно, но упрямо опускался туман — вблизи он был слабым, редким, еле ощутимым; а взглянешь подальше — и начинает казаться, что вокруг лагеря висит огромное ватное одеяло, края которого — прямо перед тобой.

В предвечерней тишине слышались гулкие удары топоров по стволам сосен, мычание коров, ностропливый говор людей.

Партизанам предстояло стать лагерем в лесу, они наполняли ямы хворостом, и ставили на костры треноги с чайниками, еще вчера покончившимися в мраморных каминных виллы; прижимали к земле игольчатые ветви и накидывали на них одеяла, рыли землянки, прокладывали сквозь чащу тропу к склону соседней горы, откуда хорошо просматривалась местность и где надо было организовать посты охранения.

В одну из палаток, устланную хвоей, собирали продукты — кули с мукой и крупой, ящики с солью, табаком.

Неподалеку дымила походная кухня, и возле котлов хлопотал сварливый повар, опять чертыхающийся по адресу сырых дров, и здесь не желавших разгораться.

Вместе с бойцами рыла землянку потная и разгоряченная Планичка.

— Как себя чувствуете?— спросил ее Сергей Николаевич.

Планичка вздрогнула:

— Очень хорошо... очень,— пробормотала она.

Больше всего на свете она боялась, что, обнаружив ее беременность, у нее отберут ружье и отправят ее в

глухое дальнее село. Она мысленно наказала себе перепоясываться еще туже и облегченно вздохнула, когда полковник ушел.

Мимо пошла Анжелика с термосом; она попросила у повара кипятку, чтобы заварить чай для Мехти.

Заварив чай, Анжелика подошла к повозке и дала Мехти сделать несколько глотков из черного пластмассового стаканчика.

— Спасибо, Анжелика, — поблагодарил Мехти. Голос его был очень слабым.

Он лежал на боку, на мягком матраце, брошенном на дно повозки, и через кривые перекладки, словно из-за решетки, смотрел на Васю. Вася, подчинившись требованию Ферреро, перестал разговаривать с Мехти, но далеко не ушел. Он стреножил распряженного мула и стал кормить его сеном, вытасненным из-под сиденья возницы.

Анжелика сказала Васе, что будет ночевать с медсестрами и Планичкой, и ушла по направлению к шаламам.

Мехти проводил ее долгим рассеянным взглядом.

«Красивое, звучное у нее имя — Анжелика! — подумал он. — И сама она красивая, яркая. Таких итальянок писал Брюллов, и казалось тогда, что в жизни их не бывает...»

Впрочем, они, действительно, другие... Анжелика стреляет почище любого снайпера, почти не целясь; когда надо, носит мужские штаны, будто и родилась в них, а пройти может больше полусотни километров в сутки... Вот тебе и хрупкое создание.

Он в задумчивости потер подбородок, заросший редкой колючей щетиной. Почему-то ему вспомнилось, как однажды в Триесте Анжелика вцепилась фашистскому унтеру звонкую пощечину, когда тот, преградив ей путь, попытался поцеловать ее. Да какую пощечину! Унтер не удержался на ногах, упал на мостовую. Поднявшись, он собрался снова броситься на нее, а Анжелика стояла против него — гордая, гневная, готовая к новому отпору. Тут подоспел Мехти, одетый в форму немецкого майора; он приказал прибежавшим на шум патрульным взять унтера под арест, а Анжелику увел с собой. Так произошло его первое знакомство с Анжеликой.

Потом Мехти забрал ее к партизанам; но оказалось, что она давно связана с товарищем П., которому доставляла сведения о положении в Триесте. Она стала напарником Мехти. Разведка была ее стихией. Анжелика сумела заслужить уважение Мехти, и между ними возникла крепкая солдатская дружба, какая бывает обычно между мужчинами. Скупую нежность, которую проявляла порой Анжелика, Мехти относил за счет именно этой боевой дружбы. Когда она уходила с ним на задание, он держал себя по отношению к ней строго и не баловал похвалами. Мехти считал, что так — «педагогичней». Он разговаривал с Анжеликой на «ты», как привык разговаривать с бойками, когда сражался в Сталинграде. Анжелка с ним — на «вы». Командир, отечески любящий своего подчиненного и чувствующий себя с ним свободно и просто, и подчиненный, боготворящий командира, все время подчеркивающий свое уважение к нему, — так, примерно, выглядели их отношения, и Мехти не думал менять их. Он, вообще, не задумывался над ними. Мысли его были заняты сейчас одним: достойней выполнить свой долг... Все, что он делал, он делал во славу своей далекой Родины. И это заставляло Анжелику проникаться к нему еще большим уважением. Она училась у Мехти твердости, последовательности, целеустремленности. Правда, Мехти порой, как говорил полковник, «зарывался», подвергал себя сторяча ненужному риску. Но и его безрассудная отвага была по сердцу Анжелике.

Обычно они ходили вместе по ночам, и Мехти видел, как мерцают в темноте большие черные глаза Анжелики. А в руках у девушки был пистолет, и, если бы Мехти и Анжелику задержали, она стала бы отстреливаться вместе с ним. Это был хороший, верный, смелый товарищ.

А позднее в бригаду пришел Вася. Веселый, жизнерадостный, Вася быстро завоевал симпатии партизан, и в особенности Мехти. Они подружились — так, что и часу не могли быть в разлуке. Их связывали воспоминания о Родине; они мечтали о возвращении домой, строили планы на будущее.

Часто появляясь в Триесте с Анжеликой, красота которой делала ее слишком заметной, становилось опасным. А Вася, надев немецкий мундир, делался совер-

шенно неузнаваемым. Мехти взял себе в напарники Васю, а Анжелике пришлось ограничиться ролью связанного — не менее опасной и ответственной.

От Мехти не укрылось, что Вася, с присущей ему непосредственностью, ухаживает за Анжеликой. Вася часто обнимал ее за плечи, что-то шептал ей на ухо, а она жмурила глаза: ей, видно, щекотно было от близости его губ. Сначала они объяснялись жестами, потом она стала учить Васю итальянскому, а он ее — русскому языку. Дружили они как-то красиво и нежно и в то же время забавно, немного по школьному. Трогательной была их забота друг о друге, их детская доверчивость...

Анжелика и Вася часами просиживали на опушке леса, оживленно о чем-то болтая... Иногда Мехти казалось, что Анжелика смотрит на него чуть растерянно, словно спрашивает: «А можно ли так? А правильно ли я делаю?». Мехти только улыбался: он откровенно любовался их счастьем.

Мехти отошел от себя воспоминания и попытался уснуть. Но сон не приходил. Мехти лежал с открытыми глазами. Рана на спине ныла, и он боялся пошевелиться. Скорей бы наступило утро! По утрам он чувствовал себя лучше.

К Мехти подошел Сергей Николаевич:

— Ну, как, Мехти? — тихо и участливо спросил он.

— Все в порядке, Сергей Николаевич. Могу уже совершать небольшие прогулки...

Сергей Николаевич протянул руку к его голове, растрепал ему волосы:

— Как же это ты умудрился подставить свою спину под нож?

— Да черт его знает. В чем-то мы, видно, проявили неосторожность: он все понял. Только вот — в чем?..

— Ты сам-то себя ничем не выдал?

— Я?.. Я старался сдерживаться... А может, все-таки не сумел.

— Ну, ладно, ладно; не растравляй себя. Пусть это всем нам послужит хорошим уроком... Спокойной ночи, Мехти.

— Спокойной ночи, Сергей Николаевич. Желаю вам увидеть во сне вашу Таню с Петром.

— Спасибо, — полковник улыбнулся. — Спи, Мехти.

Полковник ушел, а Мехти все не мог уснуть. Тогда он решил слезть с повозки и попробовать — может ли он ходить. Сейчас, к счастью, темно, все спят; и никто не увидит, как он будет корчиться от боли.

Было около двух часов ночи. Далеко, у обрыва, маячил силуэт часового, прохаживавшегося взад и вперед.

Пересиливая боль, Мехти поднялся на ноги. С минуту он постоял на месте. Ноги были слабыми и какими-то чужими. Мехти двинулся вперед маленькими, осторожными шажками. «Живуч», — подумал он про себя. Чем дальше, тем тверже ставил он ноги. Вокруг шумел лес, слышался слабый треск веток, где-то устраивалась на ночлег лесная птица. Мехти показалось, что кто-то пристально глядит на него. Не оборачиваясь, он зашагал дальше среди низкорослых сосен. Однако ощущение, что на него направлен чей-то взгляд, не проходило. Мехти не выдержал, оглянулся. Возле дикой раскидистой яблони стояла Анжелика. С секунду они молча смотрели друг на друга.

— Почему ты не спишь, Анжелика? — глухо спросил Мехти.

— Я встала проведать вас... Думала — может быть вам что-нибудь нужно. Ну, воды... И перепугалась, не застав вас в повозке. Разве можно вам было вставать, Михайло? — укоризненно сказала она.

— Тсс, — Мехти приложил палец к губам, — тихо! — и шопотом приказал: — А ну-ка, сейчас же спать!

— Я не маленькая, — вскинув голову, тихо ответила Анжелика, — я могу лечь и позже. А вот вам — нельзя этого делать.

Впервые за все время Анжелика, в разговоре с ним, проявила непокорность... И он почувствовал, что не может сейчас ни приказывать ей, ни заставить ее подчиниться приказу.

— Хорошо, — согласился он. — Иду... иду спать...

И он повернул к повозке.

— Может быть, помочь вам? — спросила она.

— Нет, — ответил он, — я сам... Я чувствую себя хорошо.

Она долго смотрела ему вслед.

А он думал о ее словах. «Я не маленькая». Вот так Анжелика! «Я не маленькая»... Почему она так сказала? Прежде она во всем подчинялась Мехти. И чувствовала себя перед ним маленькой. А теперь?.. Мехти не понимал, что произошло с Анжеликой. А она стала непокорной потому, что любила и не знала, любят ли ее...

Утром к повозке подошел Вася.

— Тебе не холодно? — спросил он, заботливо поправив край стеганого сатинового одеяла.

— Жарко, — недовольно ответил Мехти, — я завтра или послезавтра, вообще встану.

Вася поспешил согласиться с ним. Он знал, что есть вещи, спорить о которых с Мехти все равно, что рыть иголкой колодец, и решил переменить тему.

— Куда это Сильвио запропастился?

— Иду, иду, — отозвался Сильвио.

Он тащил охапку сосновых веток, ему помогали Янко и еще два молоденьких партизана.

— Янко?! — удивился Вася. — Как ты сюда попал?

— Я давно уж здесь, весь переход шел в строю! — гордо произнес Янко.

— В строю?

— Да, — подтвердил Янко. — Я пробрался к штабу, на старое место, когда все уже двинулись в путь. Меня увидел полковник и попросил стать в строй.

— Даже попросил? Он что же, по-твоему, решил здесь детский сад открыть? — язвительно спросил Вася.

— Ей богу, попросил! — поклялся Янко.

Вид у него был гордый и независимый. Очевидно, полковник, не зная, куда его деть, действительно разрешил ему присоединиться к партизанам.

Партизанская жизнь представлялась Янко захватывающей книгой, полной интереснейших сказок, и ему дозарезу нужно было вписать в эту книгу главу о себе.

— Не сладко тебе тут придется, ох, не сладко! В трудное время ты к нам попал, — сурово и важно сказал Сильвио, раскладывая ветви возле повозки. — Ну-ка, сбегай за кипятком. Быстренько, — он подал свою кружку Янко, и тот побежал к кухне, а Сильвио пошел за новыми ветвями.

По дороге Янко увидел, что на пне сидит связанный по рукам и ногам Димо Крайнев. Его охранял партизан с автоматом на груди.

Воспользовавшись тем, что часовой отвернулся, Янко размахнулся и на ходу крепко стукнул Крайнева по затылку кружкой.

— У, гад, — с ненавистью прошептал он.

Сильвио, идущий следом, заметил это.

Когда они возвращались, — Янко с наполненной кружкой, а Сильвио с новой охапкой ветвей, — Сильвио строго сказал:

— Лежачего не бьют.

Янко и сам понимал, что поступил дурно, да разве тут удержаться?

Они шли мимо пня, на котором сидел Крайнев. Сильвио наткнулся на его вытянутые ноги, обозлился и больно пнул предателя сапогом.

— Расселся тут, сволочь! — выругался он.

Янко улыбнулся про себя непоследовательности своего покровителя, но не подал и вида.

Что касается Димо Крайнева, то он только оскалил в подобострастной улыбке редкие зубы. Трусливая, мелкая душонка, — он был согласен на то, чтобы ему плевали в лицо, лили на голову помой, вывалили всего в дегте и перьях, — но только бы оставили в живых! Втайне он надеялся на прощение партизан: ведь если бы его хотели отправить в другой мир, то не стали бы таскать за собой, а прихлопнули в ту же ночь, когда удрали Каранты.

Сильвио и Янко, приняв ветви на земле возле повозки, обеспечили себя роскошными постелями.

Сильвио взял кружку у Янко, отхлебнул, потом отставил ее в сторону и принялся разжигать костер.

— Садись, ребята! Вот и новый наш дом, — с бесечностью бывшего солдата воскликнул он.

Два молодых партизана и Янко расположились на хвое.

— Только тихо, — предупредил Вася. — Михайло уснул, наверно.

— Да нет, я не сплю, — отозвался из повозки Мехти, — можете разговаривать.

Янко заворочался на хвое.

— Вася,— тихо позвал он.— Я хотел спросить, Вася, а что такое детский сад?

— А ты разве не знаешь?

— Нет, не слышал.

— Ну, как тебе сказать... Детский сад — это дом для детей. Прежде чем пойти в школу, ребята ходят в детский сад — играют там, учат стихи... Гуляют с воспитательницей. Кушают... В общем, развиваются.

— Не слышал,— повторил Янко, почесывая затылок.

— Вы здесь, брат, о многом не слышали,— сказал Вася,— а у нас в каждом селе сады есть: в городах — сотни, а в Москве... В Москве, знаешь, две тыщи таких садов. Две тыщи пятнадцать.

Мехти невольно улыбнулся. Вася, конечно, назвал число московских детских садов наобум, но почти не ошибся.

— Две тысячи пятнадцать?— присвистнул Сильвио.

— А ты думал?! На то она и Москва.

Янко приподнялся на локте.

— Москву я знаю. Там Сталин живет. У моего отца есть его карточка, он всегда ее с собой носит, в кармане, на груди. Рассказывал мне отец про Москву. Бо-ольшая она!

— Большая?!— насмешливо произнес Вася.— Там у нас улицы есть, как двадцать Виа Гегга, вместе взятых. Из одного конца в другой часами на автомобиле ехать будешь. Метро у нас — ни в одной сказке таких дворцов нет. Войдешь — мрамор, украшения, лестницы полированные. Встанешь на лестницу, а лестница сама тебя вниз несет; подойдет поезд: садись и кати себе, куда хочешь.

Мехти неподвижно лежал в повозке, с трудом сдерживая смех. Он знал, что Вася ни разу не был в Москве.

— А Сталина там можно увидеть?— спросил Янко.

— Конечно, можно. Ну, понятно, не каждый день... Занят он, по улицам ему некогда прогуливаться, а на праздник — Октябрьский или Первомайский — пожалуй-ста... Иди на Красную площадь, он завсегда там. Рукой всем машет, смеется.

— Вот бы попасть туда, а?— мечтательно проговорил один из молодых партизан.

— А ты был, Вася?— задал коварный вопрос Сильвио.

Вася замаялся.

— Нет, не был,— со вздохом выговорил он.— Не успел, ребята. Но еще буду... Вот отвоюемся, поеду туда учиться. На агронома.

— Обязательно, Вася! Теперь уж скоро,— тепло сказал Мехти.

Один из молодых партизан — горбоносый юноша итальянец — грустно покачал головой.

— А мне не удастся учиться... Грамоте я обучился, а дальше — никак... Пришлось работать в кузнице, брату помогать, а потом брат умер, надо было кормить сестренку и мать. Мать — больная, сестренки совсем малые...

Вася шагнул к итальянцу и присел перед ним на корточки.

— Ты думаешь, тебе одному не придется учиться? И Янко, и Сильвио, и тысячи таких, как они, тоже останутся ни с чем.

— Это почему?— удивился Сильвио.

— И детских садов тут не будет,— продолжал Вася,— и вообще никакой жизни.

Он выдержал паузу и сердито сказал:

— Никакой жизни не будет, пока вы не поумнеете да не сбросите со своей шеи богатеев, вроде тех, у кого мы стояли в вилле. Ведь и деревня ваша, и земля у помещика, кузница, мельница, лавка — у кулака... А у вас ничего нет!..

Сзади неслышно подошел Сергей Николаевич.

— Что это здесь происходит?— тихо спросил он, наклонясь над Мехти.

— Вася проводит у костра беседу с местной молодежью,— улыбаясь, шепнул Мехти.

— Вон оно что,— полковник усмехнулся и обратился к притихшим ребятам:— Вы командира не видели?

— Поискать?— вскочил Сильвио.

— Нет, поесть — ужин готов — и на боковую,— приказал Сергей Николаевич.— А командира я сам найду... К повозке подошел Анри Дюэз.

— Здравствуй, Михайло,— смущенно проговорил он и неловко протянул Мехти плоский ящичек.— Мы узнали, что ты задумал писать картину; вот — достали краски.

Мехти раскрыл ящик — там были уложены в ряд тюбики, кисти, ванночки. Мехти даже зажмурился от удовольствия, так великолепен был этот подарок!

— Где же это вы достали?— спросил он, забыв даже поблагодарить Дюэза.

Дюэз прислонил свой автомат к стволу дерева и присел на край повозки.

— А шел я как-то со своим отрядом; вижу — шагает по дороге человек. Такой, знаешь, смуглый и одет, как местные: потрепанное полупальто, изодранные ботинки, цветные гетры. Ну, думаю, наш. Но — держу его под наблюдением. Мы как раз должны были взорвать мост, затаились в кустах. Человек идет, значит, прямо к мосту, я ему шопотом: «Стой!» Остановился, оглядывается. Я вышел с ребятами из кустов, подошел к нему... Всмотриваюсь,— нет, не наш. «Кто такой будешь?»— спрашиваю. А он спокойненько так: «Я немец». И имя свое назвал. Потом сообщил, что где-то в Монфольконе имеются у него старые родственники, что он ищет тихое местечко, чтобы дожидаться там конца войны. Рассказал, как удрали с фронта. Плохо сейчас приходится гитлеровцам: многие умирают! За спиной у немца был рюкзак. Мы, на всякий случай, обыскали его; и обнаружили в рюкзаке этот вот ящик. Смотрю— краски. Я и подумал: а ведь наш Михайло — художник, к тому ж, он сейчас лежит больной, скучает. Хотел я было, отнять краски, но тут этот немец сказал, что позади нас находится карательный отряд гитлеровцев и что ему пришлось обогнуть из-за них гору. Ровно через минуту приходит Сильвио и тоже говорит, что в тылу у нас гитлеровцы. Ну, тут уж решил я не отбирать, а попросить у немца эти краски. Он сначала ни в какую... Начали мы торговаться. Видно было, что не хотелось ему продавать их, но позарез нужны были деньги. Мы, с грехом пополам, наскребли по карманам денег и отдали немцу. Я объяснил ему, как лучше добираться до Монфольконе. Немец поблагодарил нас. На прощанье сказал: «Эти краски принадлежали знаменитому французскому живописцу». Он и фамилию какую-то

назвал, только я не запомнил,— Дюэз бросил на Мехти извиняющийся взгляд.— Перешел немец через мост, спустился по склону горы, а через двадцать три минуты взорвался на мосту поезд. Ну, это уж неинтересно! Вот и всё.

Дюэз сел на хвою, поближе к костру, снял мокрые башмаки и вытащил из кармана сухие шерстяные чулки, чтобы надеть их. Когда он оголил левую ногу, Мехти увидел при свете костра, что у Дюэза вырезана на ноге вся икра.

— Вы были ранены?— спросил Вася.

— Вы ногу увидели?— застеснявшись, сказал Дюэз и спустил штанину.— Нет, не ранен. Это меня змея укусила. Есть такая небольшая желтая змейка у нас на Корсике. Укус ее — смертелен, надо сразу же вырезать мясо вокруг укушенного места. Так я взял нож да и вырезал себе икру.

Мехти откинулся на подушку... Хорошо, когда вокруг — такие сильные люди! И стыдно, что самому приходится лежать...

Полковник нашел командира у начала тропы, ведущей к дальним постам. Несколько партизан, ловко орудуя лопатами, рыли вблизи тропы землянку. Другие влезли на высокую сосну и прилаживали к ее верхушке провода: сосна должна была служить антенной для радиции.

«Работайте, работайте, друзья!— мысленно обратился к ним Сергей Николаевич.— Ох, если б всё было в порядке и удалось поймать Москву!»

Рация бригады работала неважно — радист был неопытен; то и дело выходили из строя аккумуляторы, аппаратура была повреждена из-за бесчисленных встрясок во время переездов. Местную связь еще удавалось кое-как наладить, но поймать в эфире голос Москвы, заглушаемый вражескими станциями, можно было очень редко. А полковнику и другим партизанам хотелось слушать и слушать этот спокойный голос! Пусть даже вести плохие,— все равно, с каждым словом, доносящимся из Москвы, становишься сильнее, уверенней!.. Как-то они

услышали позывные Москвы, и Мехти, чувствующий себя утомленным, сказал, что с него враз слетела усталость.

— Голос Москвы, друг мой, в весь мир бодрость вливает, — ответил ему Ферреро.

Сейчас Ферреро задумчиво сидел на круглом валуне. Возле него одиноко стояла корова, привязанная веревкой к стволу раскидистой ели.

— Размышляешь, товарищ Ферреро? — подсев к нему, спросил Сергей Николаевич.

— Размышляй, не размышляй, легче не становится, — угрожающе проговорил командир. На лбу его залегли глубокие морщины.

Он встал, шагнул к корове, погладил рукой ее теплую, гладкую шею. Корова стояла смирно, изредка помахивая хвостом.

— Связной был, от товарища П., — негромко сообщил Ферреро.

Полковник придвинулся к нему ближе.

— Я говорил, что Карранти еще даст о себе знать? Так оно и вышло. Вчера же немцы разгромили нашу явку в Опчине, повесили Марту Кобыль, нагрянули в рабочий квартал в Триесте — в дом металлиста Иона Луки. Гестаповцы схватили трех верных людей — самого Иона, Игрежа, Вилли Скипа. В Плаву и Сагу отправили по батальону гитлеровцев...

— Понятно, — кивнул полковник, — Карранти знает, что эти села нас кормят.

— Он и больше знает. Если даже эти села изолированы от нас, то нам еще можно кое-что перебросить из Терново. Поэтому он и постарался, чтобы туда отправили итальянский фашистский взвод.

— Тоже понятно. Поскольку не удалось свалить нас ударом в спину, пытаются взять измором. Не мытьем, так катаньем, как говорят в моей стране.

• Ферреро продолжал гладить шею коровы.

— Я выделил запас для больных и раненых и подсчитал, что для всех нас еды хватит на два дня. — мрачно сообщил он. — Сократим рацион втрое. Хватит на шесть дней. На седьмой день можно съесть коровенку и курить высушенный мох. Восьмой день и дальше — только курить мох.

— Перспектива не из радужных.

— Может, еще двух мулов съест? — не то в шутку, не то всерьез сказал Ферреро. — Ох, попался бы мне этот Карранти в руки!

— Выше голову, командир, может случиться, что и попадется, — подбодрил его полковник.

К Ферреро подскочил с фонарем Анри Дюзз, хотел что-то сказать, но приступ хриплого кашля не дал ему произнести ни слова. Кашляя, он показал рукой на тропу и направил туда луч фонаря.

К валуну длинной цепочкой направлялись вышедшие из тумана девушки — все, как на подбор, рослые и стройные, в темных и светлых одеждах, с корзинами и свертками в руках, с кувшинами на плечах. Крестьянки несли продукты для партизан.

Первая из девушек, с родимым пятном возле губ, сняла с головы корзину.

— Откуда вы? — спросил Ферреро.

— Из Граника, — ответила девушка. — Уж мы кружили-кружили, пока вышли к вам!.. Далеко ж вы теперь забрались!

Граник было маленькое бедное селение, затерявшееся высоко в горах.

Девушка смущенно добавила:

— Вы уж не взыщите, собирали, что у кого есть.

— Что ж, говорят, чем богаты, тем и рады, — приветливо отозвался полковник.

У Ферреро резко обозначились морщины на лбу.

Он знал, что селянам в Гранике приходится круто — прирезан весь скот, укрытый от фашистских интендантов, и крестьяне перебиваются с хлеба на воду, чтобы хоть дотянуть до лета.

Ферреро заглянул в корзину: в ней были кукурузные початки. Подозвал к себе другую девушку, с кувшином:

— Эту корзину с кукурузой да еще кувшин с вином мы возьмем для раненых. А остальное вам придется унести обратно.

— Как обратно? Почему? — зашумели девушки.

— У нас много продуктов, — мягко сказал Ферреро, — очень много...

— А мы кружили, кружили,— растерянно пролепетала девушка с родинкой.

— Ну, ничего... Хорошо еще, что не угодили в фашистские лапы! Немцы вокруг кишмя кишат!— Ферреро улыбнулся доброй улыбкой.— А молодцы все же! Большое вам спасибо.

— Как же нам теперь нести все это назад?— в голове девушки слышалось недоумение.

— А вот попьете чайку, отдохнете; кто-нибудь из наших пойдет с вами, выведет вас к безопасным местам,— сказал Ферреро.— Вообще, не советовал бы вам выходить из селения: вражьи заслоны только больше будут.

И Ферреро, давая понять, что разговор окончен, поклонился девушкам и ушел вместе с полковником.

— Правильно я сделал, полковник?— спросил он Сергея Николаевича, когда они были уже у лагерных палаток.

— Правильно, командир,— твердо сказал полковник.

Ферреро увидел Димо Крайнева: ему развязали руки, он сидел на пне и уминал ложкой содержимое алюминиевого котелка.

— А этого прохвоста я больше кормить не буду. Хватит!— неожиданно вскипел Ферреро.

— До суда надо кормить,— строго сказал полковник.

— А я и хотел сказать, что нужно скорей его судить,— уточнил Ферреро.

— Будем судить,— кивнул Сергей Николаевич.

Мехти и Вася шли по лесной тропе.

День был ясный, поднявшийся с утра туман рассеялся. Можно было даже невооруженным глазом различить каждое деревцо на далеких горных склонах... Справа начиналась роща из железного дерева; редкие мелкие багровые листья сохранились на деревьях еще с осени. И рядом с прошлогодними листьями набухали на ветвях почки: скоро, совсем скоро появится первая весенняя листва. С прошлого года осталось много листьев и на древовидном можжевельнике.

Чем ниже спускалась дорога, тем гуще становился лес. Между лиственными деревьями высились кипарисы.

благородный лавр и дикая вишня чередовались с огромными ореховыми деревьями; словно гигантские птицы, раскинули они большие неуклюжие ветви, под которые, как под крылья, жались маленькие зеленые маслиновые деревья. Скоро все здесь оживет, покроется зеленью, зацветет...

Вася бережно поддерживал товарища, помогал ему продвигаться вперед. Мехти не отказывался от помощи; он понимал, что встал на ноги слишком рано, и врач был прав, когда со скандалом требовал от него лежать.

Тем не менее, Мехти поднялся, и в доказательство того, что он окончательно выздоровел, пытался даже прогуливаться по лесу, вокруг поляны. Надо сказать, что не из упрямого желания поскорее покончить с тоскливым «постельным режимом» и не из озорной бравады Мехти торопился встать в общий строй. После недавних событий он особенно глубоко осознал значение дисциплины. Другие, более серьезные соображения руководили Мехти, когда он задумал распрощаться с повозкой: в бригаде было голодно (в день несколько ложек мучной похлебки и неограниченное количество кипятка на душу); а так как Мехти находился на положении больного, ему выписывалась и, хотел он этого или не хотел, подавалась обильная еда из остатков неприкосновенного запаса продуктов. С этим Мехти мириться не мог и сегодня утром покинул повозку.

— А ведь уже настоящая весна, Мехти! — весь порозовев от возбуждения, воскликнул Вася.

У Мехти жадно шевельнулись ноздри.

— Да, весной пахнет.

— Ну и погода здесь, — засмеялся Вася. — Зима в разгаре, и вдруг — бац, наступает весна!

— Ну, до весны еще далеко, — протянул Мехти. — Это, знаешь, партизанский рейд, неожиданный налет, наскок весны. А потом снова власть перейдет в руки зимы. Весна с ней напрасно пока тягается.

— Ну да, напрасно, — усомнился Вася. — Еще пара-другая таких наскоков — и зимы как не было!

— Тоже верно, — усмехнулся Мехти.

А вокруг и вправду бушевала весна; щедро омытые недавними дождями сосны весело задрали вверх свои

темнозеленые головы. Пробившись сквозь густые ветви, на ржавых, мохнатых стволах прыгали желтые пятна — солнечные зайчики. Снег совсем стоял, и на темной, мокрой земле изумрудными островками зазеленела молоденькая трава. Тропу пересекал прозрачный и быстрый, немолчно журчащий ручей. Лес был полон терпкими запахами — свежими и какими-то тревожными...

Мехти и Вася свернули в сторону и вышли на узкую просеку, образовавшуюся после того, как партизаны вырубili здесь для лагерных нужд деревья.

На просеке было людно. Больше ста партизан сидело, лежало или стояло, опершись на ружья, вокруг пня, на котором, съевшись, весь перекосившись, с развязанными руками, ждал своей участи Димо Крайнев.

Рядом с ним на расстеленной по земле шинели приоткрылся ординарец Ферреро с клеенчатой папкой и карандашом в руках.

Сам Ферреро стоял поодаль и разговаривал с Сергеем Николаевичем, накинувшим на плечи войлочную бурку.

Увидя Мехти и Васю, Ферреро сделал знак, чтобы они сели поближе.

Партизаны расступились, пропуская их вперед. Несколько человек поднялись, чтобы уступить им место возле самого пня, на котором сидел Крайнев.

Заметив движение среди собравшихся, Крайнев поднял голову и исподлобья взглянул на Мехти. Вид у Крайнева был помятый, пришибленный; однако предатель попытался жалостливо улыбнуться Мехти, и улыбка эта еще больше изуродовала, искривила его лицо.

Мехти отвернулся, а Вася, строго насупив брови, сжал пальцы и, не поднимая руки, незаметно показал Крайневу кулак.

Вдруг Крайнев встрепенулся. Ферреро вышел на середину полукруга, образованного собравшимися партизанами, и без всякого предисловия сказал:

— Председателем трибунала был у нас Лоренцо. Его, как вы знаете, убили позавчера, во время вылазки у Комена. Пока нового председателя нет — я за него, как командир. Секретарь имеется, так что всё в порядке. Может, у кого-нибудь есть другие предложения?

Но все были согласны с командиром.

Солнце поднялось уже высоко. Сергей Николаевич вышел из-под сосны, которая не давала уже тени, и, откинув полы бурки, сел на грубо сколоченный табурет, стоявший неподалеку от подсудимого. Он с наслаждением подставил лицо теплым солнечным лучам — оно было у него сейчас добрым, мягким, и Крайнев обрадовался, увидев его таким. Ферреро спрятал в карман трубку и вытер губы и усы фуляровым носовым платком в крупную синюю клетку.

— Дело вам известно, — проговорил он без напряжения, но так громко, что голос его прокатился по всей просеке. — Начальником штаба бригады был у нас фашистский молодчик. А вот это — его прихвостень. Он сам признался, что продался врагу, доставлял тайные сведения вражеским связным в села. Начштаба исчез. Свяznego захватить тоже не удалось — в Саге стоит немецкий батальон. В руках у нас пока одна эта гадина. Решайте сами товарищи, что с ним делать.

Ферреро снова вытер платком усы. Разговаривать долго он не любил.

— Я скажу! — раздельно выговорил Дюзэ. Прозрачными, словно восковыми, пальцами он поправил на голове берет. — Я скажу... Его надо уничтожить: все равно как, — расстрелять или повесить. Таким, как он, мы объявили вендетту. Вендетта не знает пощады, а у нас большая вендетта!

Многие не знали, что такое вендетта; и соседи объяснили им, что это кровная родовая месть, но, говоря о большой вендетте, Дюзэ имеет в виду возмездие народа своим врагам. Ординарец быстро строчил карандашом в клеенчатой тетради.

Крайнев сидел все с тем же покорным видом. Сергей Николаевич смотрел на солнце. Мехти чертил на земле тупым носком ботинка замысловатые фигуры.

— Кончил, товарищ? Тогда я скажу, — произнес пожилой, бородатый крестьянин-словен. Он передал ружье соседу, вышел на середину полукруга. — Расстрелять недолго. Нажал курок, и нет человека. А надо сперва все-таки разобраться, что это за человек. Я — крестьянский сын; может, я чего не понимаю — где уж мне, я всю жизнь ходил согнутым, только сейчас распрямился да

ружье взял в руки. И когда я взял ружье, то встретился с Крайневым. И рассказал он мне о своей жизни: тоже — крестьянский сын; били его, ломали, гнули, а уму-разуму не учили. Вот он, по дурасти, и поддался врагу...

— Короче! — недовольно крикнул молодой горбоносый партизан.

— Могу и короче, — с достоинством, неторопливо ответил бородастый крестьянин. — Признался он — значит, половину вины искупил. Теперь надо послать его на самое трудное дело, пусть загладит свою вину в бою.

Крестьянин хотел еще что-то добавить, но увидел, что руку поднял крепыш-болгарин в меховом пальто, и отошел в сторону.

— По-моему, это будет справедливо, — скороговоркой выпалил болгарин. — Недаром нас и созвал сюда командир. Мы называем себя воинами справедливости. Так выкажем же свою справедливость на этом суде. Крайнев виноват, пусть искупит вину собственной кровью.

— Он искупит... Только не своей кровью, а твоей!

— Конечно, снова предаст... Пожалеет тогда о нашем милосердии!..

— Что там долго разговаривать — кусок свинца в лоб, и конец делу!..

— Разрешите, товарищ командир, — поднялся рыжий Маркос Даби, командир роты венгров. За поясом у него поблескивали два пистолета с перламутровыми рукоятками. — Мы не раз расстреливали в бригаде изменников и предателей... Покажем себя на этот раз милосердными. Поможем ему найти путь, ведущий к истине.

— Его не к истине, а к черной свастике тянет!..

Сергей Николаевич поднялся с табурета, поправил на плечах съехавшую бурку.

— Тише! Будет говорить полковник! — прогромычал Ферреро.

Вася подтолкнул в бок Мехти.

Крайнев беспокойно заерзал на пне: сейчас все решится... На просеке воцарилась томительная, мертвая тишина. Болгарин кашлянул; его тут же одернул сосед: полковника уважали и слушали, боясь пропустить хотя бы одно слово.

— Здесь призывали к гуманности, — тихо начал полковник. — Я расскажу вам один случай, имевший место в моей стране. Многие из вас слышали о Горьком, многие видели его — он подолгу жил на Капри, в Сорренто. Это был великий человеколюб. Когда у нас произошла революция и к власти пришел народ, Горький услышал, что в Москве собираются расстрелять большую группу саботажников и спекулянтов. Горький счел это не гуманным и пошел ходатаем за них к Ленину, которого знал, как самого великого человеколюбца на свете. Ленин отказался их помиловать. И Горький был в отчаянии. А потом он увидел изможденных от голода москвичей, увидел людей, падающих от истощения в обморок, но относящих последние кульки с мукой в детские дома; увидел не евших по трое суток рабочих, доставлявших в столицу эшелоны зерна, увидел, что и сам Ленин питался ломтиком хлеба в день. Люди проявляли подлинный героизм, ликвидируя ущерб, нанесенный столице «невинными» саботажниками и спекулянтами. И Горькому стало ясно, что Ленин, подписывая приказ о расстреле горстки мерзавцев, наживавшихся на горе народном, больше любил людей, чем он, Горький. У Ленина и нужно учиться нам гуманизму...

Была та же томительная тишина, как и тогда, когда Сергей Николаевич только начинал говорить, но Крайнев понял, что судьба его решена.

Если идти все время по тропе, ведущей от лагеря на восток, то, пройдя шагов пятьсот, можно обнаружить, что лес начинает редеть. Все реже и реже становятся сосновые заросли, деревья растут уже группами, одиночками, все дальше и дальше друг от друга... Тропа извивается среди диких, неприступных скал и вскоре вливается в узкую каменистую дорогу, пробитую в горах, в направлении высокого перевала.

На перевале дорога раздваивается. Здесь, на развилке дороги, и был повешен Крайнев.

Всклокоченный, грязный, с босой левой ногой — ботинок он потерял, когда его волокли к месту казни — он покачивался на толстом суку, вбитом в расщелину скалы.

Огромный желтый шар солнца скатывался за дальние горы.

Партизаны уже разошлись.

День угасал, становилось темно.

Это был один из дней того времени, когда советский солдат, подоткнув полы серой шинели, под грохот «ка-тюш», гнал гитлеровцев все дальше на запад.

Гитлер кричал, топал ногами, смешил главнокомандующих, грозил пустить в ход новые, неизвестные доселе виды оружия, но даже самые тупые фанатики из его окружения видели уже призрак приближающегося конца.

Советское командование настаивало, чтобы американцы и англичане усилили помощь партизанским соединениям, действующим в Центральной Европе, в тылу врага, и союзники в изобилии сбрасывали с самолетов оружие, боеприпасы и пищу... но в тех местах, где партизан не было... Мало того, союзники и их разведка принимали все меры, чтобы не дать партизанскому движению в Европе развернуться в полную силу.

Ни Ферреро, ни Сергей Николаевич, ни Мехти, ни сотни и тысячи других партизан не знали об этом предательстве. Но они чувствовали, что для них наступают тяжелые дни...

Все чаще задумывался Мехти над положением, в которое попала бригада. С тревогой смотрел он на осунувшиеся лица своих товарищей. Ведь в ответе за них и он, Мехти,— воин, на которого возложена высокая миссия разведчика.

Мехти посерьезнел за эти последние дни. Ему всё казалось, что он многого не понимал до сих пор. Может, потому, что он, как говорил полковник, видел только врага, который стоял перед ним? Или оттого, что он слишком горяч, пылок, и это мешает ему трезво разобратся в событиях?! Но разве так уж плохо — верить в добро и счастье, в себя и в людей?.. Этой верой Мехти зажжет и взгляд своего солдата, ликующего, счастливого: ведь он возвращается домой! Скоро вернется домой и Мехти. Не вечно же ему быть разведчиком. Он — художник. Его призвание — писать картины, а не подрывать мосты...

Сегодня Мехти с особенной силой затосковал по дому, по любимому делу... Когда он, возвращаясь к своей повозке, проходил мимо землянки радиста, до слуха его донеслась музыка, услышав которую Мехти даже побледнел. Из Москвы передавали азербайджанские песни... Мехти застыл на месте, крепко сжал Васин локоть... Взгляд его стал рассеянным. Он видел сейчас перед собой родной Баку, залитый солнцем, притихшее море. Словно из тумана, всплыли перед его взором лица сестер, Биби...

— «Скажи, скажи, кого же ты любишь?» — спрашивал хор девушек.

Вася с удивлением взглянул на взволнованное лицо друга:

— Что с тобой, Мехти?

— Тише, Вася! Слышишь? Это наша песня... Подожди — как же она называется?

Мелодия была очень знакомой, но Мехти никак не мог вспомнить: где он уже слышал эту песню? Но вот он уловил слово «Нергиз» и успокоенно улыбнулся, словно нашел, наконец, то, что чуть было не потерял. Исполнялись хор девушек и ария Нергиз из оперы «Нергиз».

После перерыва московский диктор стал зачитывать письма с фронта. Солдатские письма дышали верой в близкую победу, и Мехти снова вспомнил о своей картине. Пожалуй, время приниматься за работу.

На следующий же день Мехти начал мастерить подрамник для холста. Ему помогал Анжелика и Вася. Анжелика отрезала большой кусок палаточной подоссти и тщательно заштопала дырки, пробитые когда-то шальной пулей. Вася распиливал доску и украдкой следил за Анжеликой.

— Скажи, Мехти... что ты думаешь об Анжелике? — тихо спросил он у Мехти.

Мехти, строгавший доску для рамы, взглянул на девушку и так же тихо ответил:

— Есть у нас поговорка, Вася: «И у льва, и у лвынь — повадки львиные».

— Хорошая поговорка. — задумчиво сказал Вася.

Наконец, все было готово. Осталось только натянуть холст на подрамник и загрунтовать его. Мехти с удовольствием думал о том времени, когда он положит на холст первый мазок. Знакомое нетерпение овладело им.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Солнце давно скрылось за грядями Опчины. Небо было светлоголубым; кое-где, похожие на расчесанную шерсть, стили желтовато-фиолетовые облачка. На землю опускались тяжелые сумерки.

Виа Фортуна казалась вечером особенно уродливой.

Когда совсем стемнело, с приморской стороны на Виа Фортуна — улицу Счастья, улицу публичных домов — свернул коренастый человек. Он медленно, как бы ошупью, добрался до темного подъезда углового дома, остановился, с опаской оглянулся в темноте, и рука его потянулась к звонку. За дверью послышались торопливые шаги. Дверь открылась, из-за нее выглянула молоденькая горничная. Она приветливо улыбнулась.

— Входите, синьор. Вы без синьорины?

— Да, я один.

— Пригласить кого-нибудь? Или — наркотики?..

— Нет, мне ничего не надо. Я по делу. Где хозяин?

— Сейчас выйдет.

По лестнице, полукругом ведущей на второй этаж, уже спускался дряхлеющий мужчина, в узорчатом, изрядно поношенном халате из дорогой парчи.

Прищуриив близорукие глаза, он еще издали попытался определить: кто к нему пришел... Подойдя ближе, хозяин дома Мазелли, славивший здесь меблированные комнаты, принялся рассматривать гостя еще бесцеремоннее.

— Чем могу быть полезен синьору? — осведомился Мазелли.

— Меня интересует, найдется ли в этом доме человек, умеющий управлять яхтой? — небрежно спросил Карранти. Это был пароль.

Мазелли не ответил. Продолжая взглядом изучать гостя, он кивнул головой, учтиво пожал ему руку.

— Кто это вас так разукрасил? — показал он на лоб гостя.

— Я сам.

— Вот как.

— Да. Но я устал. Можно мне сначала отдохнуть? — сказал Карранти.

— Идите, я покажу вам вашу комнату.

Мазелли мягко взял его под руку и вызвал горничную. Та не заставила себя ждать:

— Да, синьор?

— Кофе или коньяк? Не поскуплюсь на Мартель, — предложил Мазелли.

Карранти вспомнилось, как хотелось ему коньяку — тогда, в вилле...

— Кофе, — коротко сказал Карранти.

— Кофе! — Мазелли отпустил горничную и обратился к Карранти: — Меня уже предупредили о вашем приходе. Если я правильно понял — вы хотите встретиться с ним завтра?

— Да. И перед такими встречами лучше не пить.

Они поднялись на второй этаж, и Мазелли ввел Карранти в комнату, находившуюся в конце коридора. Это была обыкновенная меблированная комната, обставленная во французском стиле. На стене висела копия с картины Буше «Венера и Вулкан». Но только в оригинале над Вулканом, объясняющим в любви Венере, витают купидоны, благословляя их любовь. А в копии исчезли и купидоны, и серебристость цветной гаммы, и тонкие оттенки... Копировщик наложил на полотно грубые, слащавые краски, и сцена любви превратилась под его кистью в сцену разврата.

За кофе Мазелли рассказал Карранти пару смешных анекдотов, но они не развеселили Карранти. Тогда Мазелли понял, что гостю не терпится поговорить о неотложных делах. Мазелли сразу стал серьезным. Они беседовали недолго: Карранти хотелось хорошенько выспаться перед предстоящей утренней встречей.

Как только Мазелли ушел, Карранти плотно закрыл за ним дверь и тщательно проверил замок. «А впрочем, чего я боюсь? — разозлился он на себя. — Неужели они меня здесь разыщут? Все нервы, нервы... А ловко полу-

чилось с Михайло! После такого удара не выживает и самая живучая кошка. Когда я ушел, Михайло уже не дышал. Но остались другие, остался проклятый русский полковник, чорт бы его побрал. Кто это, кстати, свистел тогда в коридоре? А, нервы все это!.. Напрасно я отказался от коньяка...»

Карранти хотел было лечь в постель, но в коридоре послышался шум. Он прислушался... Все было тихо, но и это тревожило Карранти. Он подошел к двери, снова пощупал замок... Ему показалось, что замок непрочен. Кто его знает, на что способен этот Мазелли. Возьмет — да и выдаст его партизанам... «Нет, я совсем развинтился...» — подумал Карранти.

Он все же взял стул и вдел его ножкой в ручку двери, чтобы дверь труднее было открыть. Потом вынул из кармана пистолет и спрятал его под подушку...

Утром к Карранти вернулась обычная бодрость; он почувствовал себя готовым к любой деятельности: дипломатической и шпионской, уголовной и коммерческой... Да, и коммерческой, ибо у него возник уже план — сыграть на смерти Михайло. Он решил скрыть пока эту смерть... Прежде всего, Карранти боялся, что немцы, когда он расскажет им об убийстве Михайло, могут просто не поверить ему: доказательств у Карранти пока не имелось. К тому же, выжидать — было и выгоднее: Карранти был уверен, что сумма, предложенная за голову Михайло, будет все увеличиваться и увеличиваться; все крупные диверсионные акты, совершаемые партизанами в Триесте, немцы попрежнему связывали с его именем. Надо выбрать момент поудобнее, когда можно будет предъявить немцам более крупный счет.

В дверь постучали. Карранти подошел, вытащил из нее ручки стул, поставил его на место и открыл дверь. Это была горничная.

Когда она убрала комнату и собиралась уже уходить, в дверях появился Мазелли.

— Быстренько, — приказал он горничной. — Накрой-ка стол на трюх.

— Нет, — остановил его Карранти, — на двоих.

— Я не буду мешать вам. А советы мои могут и пригодиться.

— Я очень ценю ваши советы, но, тем не менее, мне не хотелось бы впутывать вас в это дело.

— Так как же прикажут сеньоры? — спросила горничная, — на двоих или трюх?

— На двоих, — мрачно сказал Мазелли.

Горничная ушла.

Через некоторое время из вестибюля донесся растерянный женский голос. Рука Карранти машинально опустилась в карман. «Партизаны!» — мелькнула у него догадка. Заметив, что Мазелли спокоен, он насторожился еще больше.

— Что за шум? — спросил он.

Мазелли невозмутимо разглядывал потертую обивку на стуле. Шум внизу все нарастал.

— Что это значит? — закричал вдруг Карранти высоким, каким-то чужим голосом.

Мазелли исподлобья взглянул на побледневшее лицо Карранти и усмехнулся:

— Вы плохо спали эту ночь, — заметил он. — Возьмите себя в руки. Вот вам мой первый совет.

— Я не нуждаюсь в ваших советах. Мне нужно знать, что это за шум?

Мазелли не ответил и ушел, оставив Карранти в полном смятении. Карранти было известно о многих темных делах Мазелли. Он, конечно, был страшнее тех головорезов, с которыми Карранти встречался в марсельском порту и в Ницце, получая от них те или иные сведения. Однако Мазелли был мерзавцем американской выучки. Он продавался всем, кто хорошо платил. Кто же сейчас платит больше, чем Америка?

Мазелли вышел на площадку и увидел сверху, что двое эсэсовцев обшаривают каждый угол вестибюля.

— Все в порядке, господа! — крикнул Мазелли вниз. — Прошу осмотреть еще комнаты первого этажа, а потом подняться на второй, там тоже есть комнаты.

Эсэсовцы недоверчиво взглянули на Мазелли и, повиновшись еще немного в нижнем этаже, последовали за Мазелли наверх.

Когда, наконец, было установлено, что место для встречи вполне подходящее, один из немцев отправился с рапортом к своему начальнику.

Буквально через несколько минут к подъезду мягко подкатила машина. В вестибюль, в сопровождении адъютанта, вошел майор фон Шульц. Мазелли молча проводил майора к Карранти.

Карранти стоял посредине комнаты, попрежнему держа руку в кармане.

Немец вошел в комнату. Следом за ним — Мазелли. Секунду Карранти и майор стояли молча, внимательно изучая друг друга. Карранти — плотнее, шире в плечах. Майор худ, и все в его лице выдавало характер раздражительный и запальчивый. Ему можно было дать лет сорок. Держался он с достоинством, но, тем не менее, Карранти сразу же почувствовал, что преимущество не на стороне немца. Они стояли, как два ошетилившиеся пса, которые приглядываются друг к другу перед тем, как или отчаянно схватиться, или равнодушно разойтись.

— Знакомьтесь, господа! — предложил Мазелли.

Они молча пожали друг другу руки. Имен своих не назвали.

Карранти многозначительно взглянул на Мазелли. Тот с явной неохотой повернулся и медленно вышел из комнаты.

— Прошу садиться, — пригласил Карранти.

— Что вы собираетесь предложить мне, господин Карранти? — спросил Шульц, первым нарушив молчание.

Шульц был сильно взволнован этой встречей, которую искал уже давно. Однако он старался держаться так, будто эта встреча интересует больше американца, а не его, Шульца. Карранти без труда догадался о том, что Шульц многого ждет от их свидания и что напыщенность его напускная. Нужно было выждать удобный момент, чтобы заставить нациста капитулировать полностью. Пока же Карранти как бы вел разведку, нащупывая слабые стороны противника.

— Мне известно, какие важные события заставили командование перевести вас в Триест, — заметил Карранти.

Это не удивило майора: такой, как Карранти (Шульцу сообщили, что это один из известных агентов Федерального бюро) мог знать о многом.

— Что вы можете мне предложить? — повторил Шульц.

— Кое-какие услуги.

— И что вы потребуете от нас за эти услуги?

— Ничего.

«Идиот», — усмехнулся про себя Мазелли. Он сидел возле камина, внутри которого был установлен аппарат, и все было слышно ему так хорошо, как будто он находился рядом с говорящими. «Даже для себя ничего не потребовал. Даровые услуги, и когда, в какой момент!.. Когда немцы готовы на любые условия...» Мазелли так и не удалось еще докопаться, что представляет из себя американец. Несмотря на опытность («старый волк» — звали его приятели), ему трудно было за один день раскусить Карранти. Пока что у него создалось впечатление, что это самонадеянный пустомеля. Янки, который старается обычно выжать деньги даже из хорошей погоды, — и вдруг ничего не требует за свои услуги!

Сам Мазелли вел в Триесте двойную игру: он занимался мелким шпионажем и в одинаковой степени обслуживал и немцев, и союзников. Более сложные интриги были ему не по плечу.

Разговор наверху продолжался.

— А не кажется ли вам, что вы стали слишком добры к Германии?

— Да, — подтвердил Карранти, — нам есть, на кого злиться и кроме вас. У нас с вами — общий враг. Русские уже рвутся в Европу.

Шульц резко поднялся с места и раздраженно выкрикнул:

— Поздно вы все это поняли, господин!.. простите, я не знаю вашего настоящего имени.

— Карранти, — многозначительно произнес тот. — Однако имя мое сейчас не при чем. И давайте говорить спокойно. Еще не все потеряно.

— Для кого?

— Ну, хотя бы лично для вас.

— Меня интересует судьба Германии!

Карранти пожал плечами и усмехнулся:

— Разве судьба Германии не решена?

— Вы не смеете! — зашипел майор и шагнул к Карранти.

Карранти поднял на него насмешливый взгляд и с прежним хладнокровием произнес:

— Мы могли бы подружиться с вами, если бы даже Германия и проиграла войну.

— Довольно издеваться! — с холодной яростью сказал Шульц. — Вы забыли, что находитесь в моих руках. Я вас арестую и буду пытаться, пока не вышибу из вас всю вашу... всю вашу капитулянтскую дурь!

И в это время два человека громко засмеялись: Карранти здесь, в комнате, а Мазелли внизу, около камина.

Лицо Шульца перекопилось от гнева. Его бесила наглость американца. Он молча направился к двери. Нет, им не договориться! Но не успел он взяться за ручку, как сзади него прозвучал властный голос Карранти:

— Стойте!

Это было приказанием. Приказанием сильного. Шульц вспомнил о наступающих на востоке русских, о деревянных крестах над могилами гитлеровских солдат и офицеров, о взрывах в Триесте... Он остановился.

— Вы не умеете вести себя, — сказал Карранти. — Садитесь!

Шульц помедлил, а потом молча сел за стол.

— Послушайте, Шульц, пора кончить с этой игрой в жмурки. Откройте глаза и взгляните вокруг. Мы свидетели страшного нашествия коммунистов. Они — повсюду, во всех партизанских отрядах. И они могут вскоре прийти к власти... Задумывались ли вы когда-нибудь о своем будущем?..

Шульц в нерешительности взглянул на Карранти:

— Прежде чем приступить к делу, я хотел бы убедиться в вашей искренности.

— Вы молодчина, Шульц, — похвалил его Карранти. — Не верите на слово? Ну что ж. Тогда вам полезно будет узнать, что это я посоветовал вам отменить отправку карательного отряда в квадрат 11. Это по моим данным, переданным вам, вы ликвидировали связанные пункты партизан в Плаве и Саге, по моему списку были уничтожены явочные пункты партизан в Триесте и взяты Вилли Скипа, Александр Николитч, Марта Кобыль и еще трое из

рабочих кварталов. Наконец, вам должны быть знакомы буквы, которыми я подписывался «А—А». Ну, убедились вы, что мы не враги, а союзники?..

— Так... Что ж, тогда — ближе к делу...

— Слушайте же.

И между Карранти и Шульцем завязалась деловая беседа. Два сообщника договаривались, два шакала делили добычу...

...Чорт возьми, этот Карранти загребает большие деньги, — думал в это время Мазелли, прислушиваясь к беседе немца и американца. — С ним — ухо держи востро. И на секунду Мазелли представил себе Карранти с перерезанной глоткой... Убить его мог и сам Мазелли, и кто-нибудь из многочисленной шайки, находившейся в его подчинении. Но что это даст? Сможет ли он, Мазелли, один справиться с делами, которыми ворочает этот изворотливый, прожженный авантюрист? Мазелли мог убивать, грабить, перевозить контрабандные товары, продавать тайны, даже командовать пиратскими шхунами, но вершить судьбами стран... Нет, это не для него!..

Услышав в коридоре шаги, Мазелли быстро выключил аппарат. На пороге стоял немец — из тех, что пришли с Шульцем.

— Мне показалось, что вы с кем-то беседуете? — подозрительно оглядывая комнату, спросил эсэсовец.

— Я люблю читать вслух «Фауста», — ответил Мазелли, указывая на открытую книгу, лежавшую на маленьком столике. Эсэсовец заглянул в книгу, прочел: «Остановись, мгновенье, ты прекрасно!».

— Бросьте этот хлам в камин, — посоветовал он. — Кстати, почему вы сидите в холоде?

— Я здесь бываю только тогда, когда хочется немного почитать. Тут тише... А остальное время я провожу в другой комнате, — охотно объяснил Мазелли.

Эсэсовец, сердито буркнув что-то, ушел. Когда шаги его совсем стихли, Мазелли снова включил диктофон.

Под конец беседы Карранти попросил Шульца выдать ему пропуск.

— Пропуск? — удивился Шульц.

— Ну, да, ту оранжевую карточку, которая служит у вас пропуском.

Шульц испытующе взглянул на Карранти. Откуда он знает об этом пропуске? Но не выдавать ему гестаповского документа — не было оснований. Шульц вынул из бокового кармана оранжевый бланк и, помедлив, вписал туда имя: Карранти.

— Кстати,— спросил он у американца,— что вы думаете насчет Михайло? Можно ли, наконец, избавиться от его визитов в Триест?

— Михайло слишком опасный враг. Это умный и страшный разведчик,— после паузы ответил Карранти,— и мне кажется, вы слишком мало обещаете за его голову... Следует хотя бы удвоить сумму.

— Да, пожалуй, вы правы. Денег тут жалеть не приходится.

Они спустились в вестибюль, где адъютант отработал своему начальнику, что за истекшее время в доме ничего не случилось, если не считать того, что хозяин читал вслух «Фауста».

Шульц не придал этому особенного значения и, попровавшись с Карранти, ушел. Но Карранти показалось, что дело тут нечисто... Вряд ли Мазелли питал особую любовь к литературе. Повидимому, за этим чтением, как и за всем, что делал Мазелли, скрывается какой-то подвох. Еще в Штатах Карранти ознакомили с характеристикой этого пройдохи: его излюбленным занятием была торговля секретами. Продавал он их без разбора, кому угодно, лишь бы платили. С ним нужно быть осторожней... А лучше всего — вообще не быть с ним.

В это утро в городе дул норд-ост, которого так боятся в Триесте. Женщины, укутавшись в шали, выбегали на улицу и затаскивали своих детей в дома: ветер мог бы сдуть их в море... Страшный этот ветер валил с ног и взрослых. И поэтому горожане старались поскорей добраться домой. Раньше всех опустели улицы северо-восточной, портовой части города. Убежищем для людей служили здесь плохонькие, дешевые трактиры; они не вмещали всех, стремившихся сюда; люди садились на полу, тесно прижимаясь друг к другу, и ждали, пока стихнет ветер... В торговой части города все чаще раз-

давался звон оконных стекол. Патрульные прятались в подворотнях. По безлюдным улицам изредка проезжали грузовики, покрытые тентами. Город, казалось, стонал под ударами ветра. В домах хлопали и скрипели двери. Выли телеграфные провода. Ветер крепчал с каждой минутой.

Он носился и над прибрежной равниной, вздымая над морем водяную пыль, и слабел лишь у подножья гор, а еще дальше, среди хребтов, стихал вовсе...

В горах скрывались партизаны, лишенные еды, питьевой воды, тепла, постоянной связи. Начавшаяся оттепель сделала горные тропы скользкими, опасные кручи — непреодолимыми.

Иссяк последний мешок муки, была съедена единственная корова, люди курили мох. Курили даже некурящие. Как-то, три дня тому назад, Сильвио принес убитого фазана. Стрелять партизанам не разрешалось. Юноша убил птицу, бросив в нее камень. Крохотные куски фазана были розданы только больным; но и среди них каждый старался уступить свою долю товарищам, маловразумительно рассказывая при этом длинные истории о своей странной привычке ничего не есть дней по десять, а то и больше. Сильвио теперь часто стал уходить с Васей на охоту, забирая с собой наспех смастеренные рогатки. А партизаны при малейшем шорохе вздрагивали и устремляли взгляд на ветви деревьев. Но удача с фазаном не повторилась. Зато в бригаде любили шутить.

— Эй, Анри, торопись, упустишь! — кричали товарищи.

— Этого?.. Нет, мне его перья не нравятся, — отвечал Дюзз, отворачиваясь от высокого дерева, — я люблю фазанов с пурпурным хвостом и хохлом на макушке.

— Ох, какой разборчивый!

— Такой уродился... Не люблю изменять своему вкусу.

— Вкус у тебя недурной.

— То же самое сказала мне красотка Розита, когда я поцеловал ее в субботу вечером, возвращаясь в деревню, и предложил ей стать моей женой. Она мне не ответила «да». Она шепнула: «Знаешь, Анри, у тебя недурной вкус».

И все дружно смеялись, забыв и о голоде, и о жажде. Шутники же не унимались.

— Знаешь, Анри, а я как раз только что видел фазана — такого, понимаешь, с пурпурным хвостом и красивым хохолком на макушке.

— Ну-у-у?

— Клянусь богами Олимпа!.. Кстати, я по собственному опыту чувствую, что на Олимпе им жилось не очень-то сытно.

— Ну, и что же фазан?

— Он сидел на ветке и тихо шептал: «Анри, где ты?» И опять — хохот... Нет, не умели партизаны унывать.

В середине дня часовые заметили крохотную фигуру человека, карабкающегося в гору. Человек не пошел по обычной тропе, а исчез в лесу. Вскоре он показался на узкой, мало кому известной, горной тропинке, вытащил большой белый платок, вытер им лицо. Это был условный знак; он убедил часовых, что человек — свой. Пришедший оказался старым священником. Дозорные окружили его, но старик, не отвечая на расспросы, молча прошел в палатку, где помещался командир.

Ферреро и Сергею Николаевичу старик рассказал, что ему удалось пробраться к триестинскому промышленнику — итальянцу Эрнесто Росселини. Старик попросил его выделить для партизан, среди которых были и тяжело раненые, несколько обозов продовольствия и наемкнул, что в противном случае партизаны заинтересуются Росселини больше, чем ему бы того хотелось. Росселини перепугался, он не рискнул тронуть священника и отпустил его восвояси, но помочь партизанам все-таки отказался. Старик сообщил также, что в Триесте дует северный ветер, и улицы опустели. Ему пришлось проделывать тяжелый путь; он видел сожженные дотла села, повешенных крестьян. Всюду голод. Когда старик показал на карте местности, где сейчас находятся карательные отряды немцев, Ферреро вскочил на ноги и решительно произнес:

— Они в наших руках.

Сергей Николаевич склонился над картой. Он не знал местность так хорошо, как знал ее Ферреро.

— Объясните, — попросил он Ферреро.

Ферреро назвал четыре высоты и котловину среди этих высот: в ней-то и засели немцы. Правда, они были

вооружены до зубов и сумели притащить сюда шесть бронемашин, и все же Ферреро уверенно сказал:

— Они сами лезут в пасть льва.

Тогда Сергей Николаевич предложил не медля, сосредоточив силы, напасть на немцев с четырех сторон. Успех должна была решить неожиданность налета. В результате этой операции партизаны снова могли взять под свой контроль окрестные села и, к тому же, отбили бы у врага боеприпасы. Подробности операции нужно было обсудить совместно с начальниками отрядов. Решено было также совершить взрыв в городе и любыми средствами добыть и доставить к партизанам заводчика Эрнесто Росселини.

Ферреро разыскал Мехти.

— Вот что, Мехти, — сказал Ферреро, 'отозвав его в сторону, — необходимо нанести визит в Триест... Есть важные поручения.

— Слушаю, товарищ командир.

— Помнишь, ты рассказывал, что на Виа Фортуна создан фашистами огромный дом терпимости?

— Да, это целый комбинат. Дело там поставлено на широкую ногу.

— Так вот, надо уничтожить этот «комбинат». Взорвать его. Это предложение товарища П.

Мехти обычно с энтузиазмом принимал поручения, исходящие от товарища П. Но сейчас он с сомнением покачал головой:

— Там же женщины, товарищ командир. И потом — это не военный объект.

Ферреро пососал пустую трубку:

— Знаю. Все знаю. И понимаю тебя. Но у нас имеются точные сведения об этом доме. Все женщины, живущие там, работают на гестапо, — это, в основном, агенты нацистов... По утрам, переодевшись, они ходят по рабочему кварталу, прислушиваются к тому, что говорят простые жители города, прикидываются «сочувствующими». Иные из них сумели даже проникнуть на заводы. А вечером они обслуживают в «комбинате» фашистов, и никто в городе не знает, что там происходит, так как вход в этот дом разрешен только гитлеровцам. Обслуживают — в двух планах. Понимаешь? Попутно они следят за сво-

ими же, за немцами. И если выясняется, что какой-либо солдат утратил боевой дух и не желает больше воевать, он неожиданно исчезает. В этом доме каждый вечер бывает около четырехсот — пятисот гитлеровцев. Это тоже надо учесть. Теперь тебе понятно, почему мы решили уничтожить «комбинат»?

— Понятно, товарищ командир, — твердо сказал Мехти. — Задание будет выполнено.

— Вот и отлично!..

С какой радостью и готовностью встретили партизаны известие о предстоящей боевой операции! И как счастлив был Сильвио, когда Мехти подозвал его и предложил сопровождать его, Мехти, в город.

Сильвио был прежде мойщиком в гараже одного из богачей Триеста: он протирал, мыл машины, заправлял их бензином. Лишь изредка разрешали ему, после небольшого ремонта, испытать машину. Тогда он садился за руль и кружил по ближней площади... Как ни рвался он на шоферскую работу, его к ней не допускали. Лишь в партизанском отряде ему довелось однажды продемонстрировать свое водительское искусство перед товарищами; и те восхищались ловкостью Сильвио, промчавшегося по опасным горным кручам. А теперь Сильвио должен был везти в город Мехти, участвовать вместе с ним в боевом деле! Сильвио позабыл о мучившем его голоде, обо всех трудностях и невзгодах, которые выпали на его долю за короткую жизнь. Стоя на скале, он смотрел на высокие горы, на глубокое небо, и ему чудилось, что он выше и крепче этих гор. Во Франции его называли бы Гаврошем... Здесь он — Сильвио.

Группа, возглавляемая Мехти, состояла из четырех человек: его самого, Васи, Анжелики и Сильвио. Они должны были явиться к связным товарища П., получить необходимые документы и инструкции и отправиться в Триест.

Мехти тепло попрощался с товарищами и пожелал им удачи. То же самое пожелали ему и партизаны.

До подножья Желтой горы группа шла с отрядом полковника, потом свернула в сторону. Сергей Николаевич долго провожал Мехти глазами. Потом поторопил свой

отряд. Он перепрыгивал через скользкие камни, и ему казалось, что он прыгает через бревна, стремительно плывущие по реке. А по берегу, где-то позади него, бежит Таня, он слышит ее прерывистое дыхание; она тревожно кричит ему вслед: «Сережа! Сережа!» А ему легко, хорошо, нестрашно...

✱

Уже в который раз шел Мехти в Триест — в город, где на каждом углу подстерегала его смерть.

Много раз пришлось ему называть пароли, много они оставили позади себя постов, пока добрались до нового явочного пункта товарища П. Здесь им выдали документы и одежду.

Васю поразила перемена в Анжелике. Она предстала перед ним в темном, дорогом, длинном платье, в накиннутой на плечи пелерине из чернотурых лис, в белых перчатках. Голову ее украшала модная прическа. В своем новом наряде она казалась Васе чужой, далекой, холодной. Ах, какой близкой и родной делало Анжелику ее обычное платье в зеленую клетку, штопанное и перештопанное, поблекшее от частых стирок.

Мехти, как всегда, взял с собой две офицерских сумки с взрывчаткой. Товарищ П. вернул Сильвио машину, «фазтон» с открывающимся верхом и маломощным двухцилиндровым мотором.

Когда все было тщательно проверено и обговорено, Мехти решил, что можно продолжать путь.

Дорога была ухабистой, колеса буксовали, но Сильвио уверенно вел машину. Рядом с ним, в форме майора, сидел Мехти, на заднем сидении — Вася и Анжелика. В машине было темно. Вася молчал... Он не знал, о чем ему говорить с новой Анжеликой. А она чувствовала это и улыбалась при одном воспоминании о том, сколько ей пришлось примерить платьев и украшений, как усердно подыскивали ей цвета для маникюра ногтей, как учила ее старая женщина подавать руку для поцелуя. А эта прическа! Нет, она ни за что в жизни не стала бы носить таких причесок. Ох, трудная это профессия — быть «светской дамой»!

Когда машина выехала на равнину, седоков обдало запахом моря. Чем ближе они подъезжали к Триесту, тем

сильнее становился крепкий свежий ветер. Вот, наконец, и Триест. Сильвио знал все ходы и выходы в этом городе, где он родился и вырос. Мехти велел ему обогнуть Сан Джусто. Они въехали в один из дворов и выбрались оттуда через пробойну в стене.

Особняк, в котором жил Эрнесто Росселини, в темноте трудно было отличить от окружающих его громоздких домов. У входа в особняк стояли итальянские солдаты.

Сильвио вел машину на предельной скорости и резко затормозил у подъезда. Солдаты осветили машину. Из нее выпрыгнул на мостовую молодой немец, обошел машину и открыл дверцу со стороны тротуара. На этот раз перед солдатами появилась красивая молодая дама в роскошном платье. Словно не замечая солдат, она решительно направилась к парадной двери. Солдаты преградили ей путь.

Откинув красивую голову, Анжелика в недоумении остановилась перед ними. Солдаты потребовали у нее документы. Анжелика достала из муфты удостоверение и небрежно протянула его солдатам.

— «Синьора Фраскини...» — прочел один из солдат.

— Из Венеции, — не глядя на него, бросила Анжелика.

Солдат недоверчиво покосился на Анжелику:

— Вы родня синьору Фраскини?

— Да.

— Но половине Италии известно, — вмешался второй солдат, — что у старого Фраскини нет ни детей, ни племянниц.

Лицо у первого вдруг просветлело:

— Постойте-ка! Может, вы новая жена синьора Фраскини?

Анжелика только щурилась презрительно: не солдатам же объяснять ей, кто она такая. И это убедило их, что опасаться, кажется, нечего: перед ними одна из тех представительниц «высшей касты», которых им часто доводилось видеть, но которые никогда с ними не разговаривали.

— Простите, синьора, — сказал солдат, проверявший у нее документы, — но мы выполняем свой долг. В Триесте очень беспокойно.

Второй солдат был, видимо, менее доверчив.

— А кто в машине? — спросил он.

Налетевший ветер рванул с плеч Анжелики пелерину, она поправила ее, небрежно сказала:

— Они сопровождают меня.

Солдаты подошли к машине и, приоткрыв дверцу (плотно прижатая ветром, она поддавалась им с трудом), заглянули внутрь.

— Хайль, — небрежно и чуть устало сказал Мехти.

— Хайль! — выкрикнули итальянцы, вытягиваясь перед немецким майором.

Майор зевнул, потер рукой подбородок. Солдаты вернулись к Анжелике и позвонили. Дверь открыл сухощавый старик. Он пропустил Анжелику в прихожую.

— Проведите меня к синьору Росселини, — сказала Анжелика.

— Синьора Росселини нет дома. Я его секретарь. Что передать синьору?..

То, что ее мог встретить только престарелый секретарь Росселини, для Анжелики не было новостью. У товарища П. ей рассказали, что заводчик, в каждом подозреваемый партизана, уволил недавно всех своих слуг, оставив при себе лишь горничную да старого, преданного, много лет прослужившего ему секретаря, на которого возложил все заботы по охране дома.

— Жаль, жаль, — разочарованно протянула Анжелика. — А позднее я смогу повидаться с синьором Росселини?

Секретарь замялся.

— Видите ли, — объяснила Анжелика, — мой муж заболел...

— Ваш муж?

— Да, синьор Фраскини.

Секретарь удивленно поднял брови; подобострастная улыбка появилась на его лице.

— О, поздравляю вас, синьора! Вы — счастливейшая женщина Венеции.

— Поздравляете?.. С тем, что мой муж заболел?

— Простите, синьора... я не то хотел сказать... Но быть женой такого человека...

— Ах, я так боюсь за него,— печально вздохнула Анжелика.

Секретаря, однако, трудно было обмануть: он уловил в ее голосе не столько тревогу за мужа, сколько гордость тем, что она — жена самого Фраскини.

— Через час,— пообещал, наконец, секретарь,— вы сможете увидеться с синьором Росселини. А пока, может быть, синьора поднимется наверх и отдохнет с дороги?

— О нет...— покачала головой Анжелика («интересно, как у них тут принято? нужно ли благодарить секретаря?»),— я лучше проедем пока по городу; может быть, это меня развлечет. Я ведь здесь впервые. А через час я вернусь и тогда передам синьору Росселини, что у него очень любезный секретарь. Я, кстати, слышала о вас от мужа.

Когда машина отъехала от дома Росселини, Анжелика устало откинулась на спинку сиденья и облегченно вздохнула:

— Ох, как это трудно! Как трудно с ними разговаривать.

— Ничего,— подбодрил ее Мехти,— я слышал, как ты вела со стариком светскую беседу.

— Ну, и как?

— Умница,— похвалил Мехти.

И Анжелика почувствовала себя счастливой.

— А знаете,— спросила она вдруг,— почему я так смело держусь с ними?

— Почему?

— Потому что... потому что рядом со мной Михайло. А это ко многому обязывает, правда?

Мехти не ответил. Тогда Анжелика повернулась к Васе, который молча прислушивался к их беседе:

— Вася, идет мне этот наряд?

— Не знаю,— покачал головой Вася,— Росселини, во всяком случае, будет от тебя в восторге. Так что води себя увереннее.

Сильвио вопросительно взглянул на Мехти:

— Куда мы теперь едем?

— Тут есть какая-нибудь дорога на Опчину?

— Надо подняться с той стороны...

— А сможет твоя кляча взять такой крутой подъем?— спросил Вася.

— Боюсь, что нет.

— Все равно, едем!— решил Мехти.— Нам нельзя четвером оставаться в городе.

Сильвио круто повернул руль.

Они ехали, не включая фар. Сильвио помнил здесь каждый камень, каждую впадину. Ветер подталкивал машину назад.

— Ух, как разбушевался,— воскликнул Сильвио,— наверное, баллов десять, не меньше.

— Меньше,— твердо произнес Мехти.

— Я еще не помню, чтобы в Триесте дул такой ветер.

— У нас в Баку бывает сильнее.

— Наверное, дышать невозможно, да?

— Нет, почему же, люди даже работают. И иные в море, среди громадных волн.

— А что они там делают?— удивилась Анжелика.

— Нефть добывают. Когда я уезжал, на море уже стояли первые вышки.

Если бы все это рассказывал кто-нибудь другой, а не Мехти, ни Сильвио, ни Анжелика никогда бы ему не поверили. Но тем, кто знал Мехти, легко было представить, что народ, воспитавший такого сына, способен на подвиги, в которые сразу и не верилось.

Дорога шла в гору. Она была прямой, но крутой, и Сильвио приходилось вести машину зигзагами. Где-то у самой Опчины мотор заглох, но Сильвио успел поставить машину поперек дороги.

— Надо подтолкнуть ее,— сказал он,— а то сползет.

Все вылезли из машины.

— Ты отойди в сторону, Анжелика,— сказал Мехти,— перепачкаешься.

Машина была легкая, и трое мужчин без особого труда столкнули ее в сторону, на пологую площадку.

— Может, пройдем к дому Марты Кобыль?— предложил Мехти.— Он тут недалеко.

Сильвио с Васей остались около машины и принялись возиться в моторе, а Мехти и Анжелика направились к дому, в котором они часто бывали, всегда встречая там теплый, радушный прием. Каждому по-своему

был дорог этот дом. Мехти связался отсюда с Ферреро, Анжелика ближе познакомилась с Мехти, Вася понял, что он на свободе. Хозяйка дома, веселая, приветливая женщина, жила здесь с двумя дочерьми, беззаветно преданным делу, которому посвятила себя их мать. Их было только трое, но всегда казалось, что в доме полным-полно людей; и Марта, и ее дочери вечно шумели, хлопотали, носились взад-вперед. Где-то обе девушки сейчас?

Мехти вошел внутрь и остановился, споткнувшись обо что-то твердое. Было очень темно. Он нагнулся; рука его нащупала сломанный стул...

— Что с вами?— спросила Анжелика.

— Будь осторожна.

— Я ничего не вижу.

— Дай мне руку.

Анжелика протянула руку, Мехти нашел ее в темноте и почувствовал, что рука девушки дрожит. Анжелика очень любила Марту Кобыль... Сильный порыв ветра рванул дверь дома, она жалобно скрипнула и распахнулась. Анжелика испуганно прижалась к Мехти. Они подождали: может, кто-нибудь выйдет? Нет, тихо... Только ветер вздыхал шумно.

К воротам подъехала машина. Сильвио включил фары, и при их синеватом свете стало видно, какой разгром учинили здесь фашисты. Мехти невольно вспомнились детские годы, бакинские дачи. До того, как под Баку построили дома отдыха, пионерские лагеря, детские сады и ясли, там можно было встретить дома, утопавшие в песках, нанесенных ветрами. Пески напоминали застывшую морскую зыбь. Мехти и тогда, глядя на опустевшие дома, испытывал тоску, но он знал, что люди сами покинули их; а тут... Все это сделали фашисты, и не тоска, а ненависть кипела в его сердце...

Мехти уже рассказали, что Марта Кобыль была повешена гитлеровцами на площади в Опчине.

— Сильвио,— сказал он,— поставь машину здесь, во дворе.

— А не рискованно? Может, дом под наблюдением?

— От дома почти ничего не осталось. Немцам и в голову не придет, что мы можем здесь укрыться. Они уверены, что мы теперь за версту будем обходить этот дом!

Вася,— обратился Мехти к своему другу,— возьми сумки. А ты, Анжелика, останешься здесь, с Сильвио. Мы скоро вернемся.

— Куда вы идете?— встревожилась Анжелика.

— На Виа Фортуна.

Виа Фортуна была безлюдна, только ряды цветных фонарей свидетельствовали о том, что она живет бурной жизнью. Улица молчала, но за дверями ее домов совершались сотни измен и предательств, составлялись сотни заговоров...

Пройдя три дома, друзья вошли в четвертый, самый большой. Это и был «комбинат».

В прихожей сидела высокая подслеповатая женщина. Она вручила им «прейскурант». Выбор был большой. Мехти и Вася прошли в зал. Оркестр играл медленный блюз «Как грёзы». Веяло приторным запахом духов, губной помады.

В зале уже собралось немало народа. Многие из солдат успели облюбовать себе женщин и куда-то скрылись вместе с ними. Посетители всё продолжали и продолжали прибывать.

Через зал прошел хозяин дома. Он вел с собой девочку лет тринадцати-четырнадцати. Девочка испуганно ежилась и не знала, куда девать голые руки.

Мехти не мог оторвать от нее взгляда. Он мучительно припоминал,— где он видел ее до этого. А припомнив, еле сдержался, чтобы не вскрикнуть. Мехти встречал девочку у металлста Александра Николича. Они сидели в маленькой темной комнатке, и Николич рассказывал о внутренней планировке немецкой казармы. Через стекло двери, соединяющей комнаты, Мехти заметил профиль незнакомой девочки. «Кто такая?»— настороженно спросил он у металлста. «Это моя дочь!»— с гордостью сказал Николич. Металлист умир под пытками, а дочь его попала сюда. «Хорошо, что девочка не знает нас»,— подумалось Мехти. Когда хозяин, с которым Мехти успел познакомиться, как только вошел в дом, приблизился к партизанам, Мехти остановил его.

— Послушайте-ка, любезнейший. Уступите мне эту девочку.

— Как?— удивился хозяин.— Насовсем?

— Да, насовсем.

— Видите ли,— замылся хозяин.— Мы не практикуем таких вещей. К тому же, мы сами только что ее получили. Ее нужно еще воспитывать...

— Я думаю, что сумею ее воспитать и без вас,— сказал Мехти,— а вас могу заверить, что в обиде вы не останетесь. Ну, как?..

Хозяин опасливо оглянулся, отвел майора в сторону и шопотом сообщил ему, что готов уступить девочку,— но пусть только майор не скупится.

— Ладно, я заплачу, сколько надо.

— Ведь я многим рискую...

— Ладно, ладно.

Хозяин повеселел.

— Если синьору угодно, девочка оденет собственное платье,— прибавил он, решив выгадать и на платье, которое было выдано девочке в доме.

— Хорошо, пусть переоденется,— согласился майор.— И поторопитесь.

— Подождите нас в соседней комнате. Там вас никто не будет тревожить.

Мехти и Вася перешли в пустую комнату, смежную с залом.

— Пора,— сказал Мехти.

— Время?— коротко спросил Вася.

— Час.

Они вынули палочки из каналов в толовой массе и раздавили капсулы детонаторов. В коридоре слышались уже шаги идущих к ним хозяина и девочки. Вася быстро сунул содержимое сумок под большой диван.

Хозяин ввел в комнату девочку. Она смотрела на офицера глазами, полными испуга. Девочка словно не знала, что для нее лучше: оставаться ли здесь или следовать за военными? Она и понятия не имела, зачем ее держали в доме до сих пор. Вася взял ее за руку и потянул за собой.

Когда они прошли через прихожую, полную новых посетителей, все удивленно уставились на них. Однако ни-

кто не посмел вмешаться,— офицер был в высоком чине.

На улице Мехти шепнул девочке:

— Только не пытайся кричать. И, пожалуйста, успокойся, мы не собираемся тебя обидеть.

— Отпустите меня!— взмолилась девочка.— Я не буду кричать, я буду совсем тихая...

— Милая, хорошая моя девочка,— ласково произнес Мехти. Он обнял девочку и прижал ее голову к своей груди.— Куда же я тебя отпущу? Ведь они снова найдут тебя.

— Я спрячусь,— уговаривала девочка, цепляясь за рукав Мехти,— отпустите меня!..

Мехти почувствовал, что девочка дрожит, как в лихорадке.

— Идем быстрее,— произнес он прерывающимся голосом, повернувшись к Васе.

И Вася понял, как тяжело и больно Мехти за девочку. Он вспомнил, как первый раз Мехти сказал ему: «Вася, я советский».

Ветер неистовствовал попрежнему. Улицы были пусты. Только изредка с гулом проносились патрульные машины, и тогда Мехти и Вася прятались в воротах домов.

Около одного из домов рабочего квартала девочка вырвалась от них и бросилась к дверям, крест-накрест забитым досками.

— Папа!— закричала девочка, отчаянно стуча кулаками в дверь.— Папа!

Это был их дом.

Мехти подошел к ней и тихо сказал:

— Идем, девочка... Его нет дома...

Девочка, недоверчиво отстранив его руку, выпрыгнула через разбитое окно в комнату. и исчезла в темноте.

— Папа!— все звала она.

— Вася,— тихо попросил Мехти,— вытащи ее оттуда.

Вася полез в комнату и с трудом увел девочку из дома.

— Отпустите, отпустите!— просила девочка.— Это наш дом, я подожду папу, он придет. Вот его трубка, он забыл ее дома, отпустите!..

— Поторапливайся,— приказал Васе Мехти. И, схватив девочку с обеих сторон за руки, они вышли на окраину города и завернули в сторону Опчины.

Как ни успокаивал ее по дороге Мехти, как ни старался уверить, что он друг ее отца, перепуганная девочка плакала и вырывалась из его рук. И только в Опчине, в доме Марты Кобыль она немного успокоилась, увидев Анжелику, которой часто приходилось бывать в доме Николыча.

Анжелика усадила ее рядом с собой в машину, и они снова поехали в город. Девочка перестала плакать. Она тихо спросила у Анжелики, кто этот майор.

— Это Михайло.

— Михайло?— недоверчиво переспросила девочка.

— Да, это он.

— Михайло!— повторила девочка. Она произнесла это слово так мягко, как произносила слово «папа».— А меня зовут Вера.

— Тихо, Вера,— прошептала Анжелика,— молчи.

— Хорошо,— покорно согласилась девочка и опять заплакала, на этот раз от счастья.

Машина остановилась у особняка Эрнесто Росселини.

— Синьор Росселини ждет вас наверху,— любезно сообщил Анжелике секретарь.

Анжелика была заранее осведомлена о расположении комнат, о всех ходах и выходах в этом особняке; но, конечно, не подала виду и попросила секретаря проводить ее.

«Это — главная лестница,— отмечала про себя Анжелика, как бы проверяя достоверность сведений, которые передали ей от товарища П.— Сейчас нужно повернуть влево, потом прямо, пройти через площадку, тут должны быть позолоченные бра. Вот они. Теперь нужно направо. Но почему он завернул налево? Значит, Росселини примет меня в гостиной. Там тоже имеется телефон. Вот резная дверь, сейчас я войду в угловую комнату и увижу Росселини, подтянутого старика, среднего роста, с выкрашенными усами. В очках он сейчас или без очков? Если секретарь сообщил ему, что жена Фраскини молодая, то, наверно, без очков. Так он выглядит намного мо-

ложе. Кажется, окна этой комнаты выходят прямо на улицу».

Старик открыл дверь и пропустил Анжелику вперед. Она увидела Росселини. Он был в очках и пылливо смотрел на гостью. Это не понравилось Анжелике. Но она сделала вид, что не замечает скрытого подозрения во взгляде Росселини, и воскликнула укоризненно:

— Ах, синьор Росселини, как долго вы заставляете себя ждать!

Росселини поцеловал Анжелику руку. Сохраняя некоторую настороженность, он улыбнулся ей и пригласил к маленькому круглому столу, на котором стояла ваза с печеньем и графин с вином.

— Что с Пьетро?— пристально смотря на Анжелику, спросил Росселини, когда они сели за стол.

— О, я так расстроена!.. Не прошло и пятнадцати дней после нашей свадьбы, как бедный Пьетро слег.

— Неудивительно,— спокойно произнес Росселини.

— Как вы сказали?

— Я говорю: неудивительно, что ваш муж заболел, возраст, гм... Сколько ж это ему стукнуло в прошлую весну?

Анжелике, конечно, было известно, сколько старику лет, но поняв, что Росселини устраивает ей нечто вроде допроса, она решила не отвечать,— ответив, она могла бы себя выдать.

— А я как-то не интересовалась его возрастом,— она покраснела: жену Фраскини должно было смутить напоминание о разнице в их годах.

— Вот как?— сдержанно улыбнулся Росселини, разливая вино.— Ну, что ж, выпьем за здоровье моего друга,— он поднял свой бокал и, помедлив, добавил:— и вашего супруга... Конечно, раньше всего я должен был бы поднять бокал за ваше здоровье, синьора, но болезнь Пьетро заставляет меня нарушить обычай.

Он глотнул вина. Гостья произвела на него приятное впечатление: она была и изящна, и как-то мило наивна. Молодость...

— Кстати, что у него за болезнь?— снова спросил Росселини, хотя прекрасно помнил, что старик все время жаловался ему на печень.

— Пьетро говорит — вы с ним друзья по несчастью. У него что-то с печенью. — Анжелика улыбнулась. — Он даже пошутил как-то: «Каждый раз, когда меня мучает печень, я вспоминаю об Эрнесто».

Эрнесто Росселини снял очки. Кажется, он начинал верить, что перед ним настоящая жена Фраскини. Он даже вздохнул облегченно. И тут же спохватился: надо не медля исправить свою прежнюю неловкость; он вел себя так, что жена Фраскини могла обидеться. А этого нельзя было допустить. Фраскини все-таки финансовый король, магнат, миллионер, «персона грата», а Росселини — живет всего парой заводиков на побережье да небольшими поставками продовольствия. Правда, Фраскини иногда искренно удивлялся изворотливости и прозорливости Росселини, но все равно — разве их можно сравнить?

— Поздравляю вас, синьора, с таким мужем, как Пьетро! — горячо воскликнул он, поднимая свой бокал. — А его — мне хотелось бы поздравить с такой женой!

— Благодарю вас... У Пьетро, кстати, есть к вам одно дело. Он никому не хочет довериться, кроме вас. Дело, как он говорил, выгодное; но только я ничего не поняла. Ваши дела для нас, женщин, всегда останутся непостижимыми! — Анжелика весело рассмеялась. А потом вдруг встrepенулась: — Святая Мария! Я, кажется, окончательно потеряла голову.

— Что случилось? — встревожился Росселини.

— Я совсем забыла познакомить вас с моим братом. Он в машине. Вы знаете, он служит теперь в немецкой армии и получил довольно солидный чин — майора.

— О, непростительно с вашей стороны, синьора, держать на улице майора немецкой армии, — Росселини протянул руку и позвонил.

— Вы и не представляете, как он красив в немецкой форме!

— Мы, итальянцы, должны гордиться вашим братом, синьора Фраскини, — Росселини прижал руки к груди. — Великая честь для итальянца — служить в немецкой армии.

— И знаете, — доверительно, не без хвастовства, сообщила Анжелика, — адъютант у брата хоть и простой солдат, но настоящий немец, чистокровный ариец.

В комнату вошел секретарь.

— Пригласите сюда синьора... — Росселини повернулся к Анжелике.

— Антонио. Он еще очень молод. Просто Антонио... синьора Антонио и его адъютанта.

— Да, вот еще что. Передайте шоферу, чтобы он поставил машину во дворе, — попросила Анжелика секретаря. — На улице сильный ветер.

Секретарь вопросительно взглянул на хозяина.

— Откройте ворота, — коротко приказал Росселини.

Все шло как нельзя лучше. Сильвио с машиной укрывался во дворе особняка; Мехти и Вася были приглашены в дом. Майор не пожелал взять с собой адъютанта и оставил его внизу.

Когда майор вошел в комнату, Росселини встал и направился ему навстречу.

— Хайль! — неожиданно воскликнул Мехти вместо обычного итальянского приветствия.

Но Росселини это не смутило. Он bravо выкинул вперед руку. Не смутило его и то, что майор пренебрег своим родным языком и заговорил с ним по-немецки (Мехти же в совершенстве знал итальянский язык). Желая выказать перед онемечившимся майором свою преданность третьей империи, Росселини в разговоре намекал, что все поставки он выполняет своевременно, и сообщил также, что сумел навести порядок на двух заводах. Потом он выразил уверенность, что в ближайшее время начнется новое наступление немецкой армии по всему фронту, особенно в России.

— И я надеюсь, что синьор Антонио в предстоящих боях докажет фюреру, насколько преданы ему итальянцы! — пылко заявил Росселини.

— Разумеется, — сухо ответил майор.

А внизу в это время происходило следующее. Вася вел себя как заправский эсэсовец и проявлял дотошную бдительность, заботясь о безопасности своего начальника. Он всюду совал свой нос; велел секретарю впустить в дом Сильвио, чтобы тот немного согрелся. Вася с тру-

дом объяснял старику, чего он от него хочет, немилосердно коверкал итальянские слова; при этом щека его дергалась, а сам он заикался и выводил этим из терпения раздражительного, желчного старика.

После появления Сильвио старику стало легче: Сильвио оказался прекрасным переводчиком, и старик был рад хотя бы тому, что теперь ему все понятно. Он не смог понять только одного: почему молодой немец приставил вдруг к его затылку дуло своего браунинга. Не смея оглянуться, старик бросил умоляющий взгляд на Сильвио. Сильвио посоветовал ему вести себя тихо и доходчиво объяснил, что немец требует ключи от черного хода и ворот. Секретарь медленно полез в карман, но не успел он вытащить руку, как Сильвио, подскокив, схватил его за кисть. Секретарь оказался вооруженным. Минниатюрный пистолет, который Сильвио извлек из его кармана, пришелся юному партизану по душе.

— Ключи,— приказал он старику.

Старик понимал, что с такими желторотыми птенцами шутки плохи. Налетчик постарше и поопытней, может быть, и не решился бы пустить ему в затылок пулю и поднять шум, а мальчишки этих тонкостей не понимают. Они по любому случаю рады нажать на курок. Спротивляться было бессмысленно.

Как и остальным его спутникам, Сильвио хорошо было известно расположение комнат. Он без труда отыскал комнату горничной и, показав женщине пистолет, попросил ее не шуметь. Однако та оставила его просьбу без внимания.

— Ах ты, бандюга,— негодуя и как-то удивленно сказала горничная.— Да как ты сюда попал? Вон отсюда!

Сильвио сжал губы и медленно поднял свой пистолет.

— Боже правый!— вскрикнула женщина и хотела выбежать из комнаты, но споткнулась о подставленную Сильвио ногу и грохнулась на пол.

В одно мгновение Сильвио воткнул ей в рот промасленную паклю и крепко связал руки и ноги. Потом с усилием поднял и уложил в углу комнаты. Уходя, Сильвио сказал:

— Да не бойся ты, ничего я у вас не украду. И вовсе я не бандит.

И он поспешил вниз, помогать Васе.

Когда секретарь увидел в руках Сильвио веревку, он понял, что ничего ему не угрожает и начал вести себя помирней. Вручив «бандитам» нужные им ключи, старик преспокойно дал себя связать.

Все обошлось хорошо, и Сильвио чувствовал себя героем дня. Он готов был сейчас на любой подвиг. Признаться, ему даже хотелось, чтоб они столкнулись с опасностью,— вот тогда он показал бы Мехти, на что он способен.

А в комнате, где сидел Росселини с гостями, раздался в это время телефонный звонок. Майор резко изменился в лице. Не успел Росселини подойти к телефону, как майор дал отбой, и тут же выключил телефон. Синьора Фраскини встала.

— Все!— напряженно сказал Мехти.

— Простите,— растерянно обратился к нему Росселини,— но мне могут позвонить по очень важным делам.

Огромной силы взрыв сотряс дом, заглушая слова Росселини. Он увидел в окне огромное зарево, поднявшееся в районе Виа Фортунa.

Росселини повернул голову, и лицо его залила бледность. Майор в упор глядел на итальянца; в руке он сжимал пистолет. Росселини быстро перевел взгляд на Анжелику. Сейчас она уже не была похожа на молодую светскую даму. Так, как она, смотрели на него работники в каждом цехе его завода,— взглядом, полным ненависти.

— Сколько?— спросил Росселини.

Не получив ответа, он сам назвал сумму. Майор молчал. Тогда Росселини поднял сумму с тысячи лир до полумиллиона, а потом и до миллиона.

В ответ ему было предложено поднять трубку и позвонить управляющему. Он должен был сообщить о своем срочном отъезде в Венецию.

Мехти включил телефон и протянул Росселини трубку.

— Но мне не нужно в Венецию...— запротестовал Росселини.

Мехти поднял пистолет.

Росселини сел, взял трубку и, помедлив, начал набирать номер.

— Стоп!— остановил его Мехти.— Вы не то набираете. Отобрав у него трубку, Мехти сам набрал нужный номер.

— Говорите.

И Росселини, не сводя испуганных глаз с дула пистолета, сообщил управляющему о своем срочном отъезде. Повинуясь новому приказанию, он добавил, что им подписаны кое-какие документы, по которым надлежит отпустить продовольствие в первую очередь.

Когда телефонный разговор был закончен, Росселини, позеленевший от страха, повернулся к Мехти.

— Я выполнил ваш приказ. Что вы теперь собираетесь со мной делать?

— Это зависит от того, как вы будете себя вести.

Росселини покорно поднялся.

— Что от меня требуется?

— Прежде всего, открыть сейф.

— Сейф у меня в кабинете.

— Я провожу вас туда.

В коридоре Росселини повернул к комнате горничной.

— Назад!— властно окликнул его Мехти. Он начинал терять терпение.— Перестаньте валять дурака. Вот ваш кабинет.

Анжелика не оставила в сейфе ни клочка бумаги: все забрала с собой.

— Что еще?— упавшим голосом спросил Росселини. Он совсем раскис.

— А теперь позвольте связать вас,— мягко сказал Мехти.

Росселини бессильно опустился на диван. Они подняли его, сошли вниз и вышли через черный ход во двор, заперев изнутри на замки все двери, чтобы в дом невозможно было проникнуть. Машина была не очень вместительной и пришлось уложить связанного Росселини между передним и задним сиденьем.

Мехти сам открыл ворота. За ними никого не было. Привлеченные взрывом, солдаты ушли за угол.

Сильвио вывел машину со двора и завернул влево, на шоссе. Позади, над городом, стояло зловещее зарево.

Вскоре город потонул в темноте. Впереди угадывались очертания горных вершин.

Секретные документы Росселини Мехти вручил связанному товарищу П., а самого Росселини решено было отвести к партизанам, предварительно получив от него подписанные наряды на несколько машин продовольствия из дальних ферм. Наряды были выписаны на имя начальника немецкой карательной части. От связанного Мехти и его спутники узнали, что часть эта разгромлена и теперь дороги опять находятся под контролем партизан. Давно уж друзья не радовались так, как в эту ночь.

Дочь Александра Николича захотела отправиться с ними к партизанам. Она с жаром рассказывала о том, что умеет делать:

— Я буду стирать, готовить... я все могу!

Ей разрешили жить в горах, среди партизан.

Первым, кто встретил Мехти в бригаде, был Сергей Николаевич. И, как обычно, по всему отряду стала передаваться радостная весть: Михайло вернулся!

«Так вот он какой!— мрачно думал Росселини, глядя на Мехти, совершенно не похожего на того, каким он был всего несколько часов назад.— Совсем мальчишка! Ишь, как краснеет, когда его хвалят! А я-то так дрожал перед ним... Сдаться этакому простаку — вот болван! А теперь — все кончено. Живым мне отсюда не выбраться...»

Росселини не ошибся. После суда, на котором его обвинили в прислужничестве немцам и в измене родине, Росселини повесили.

На следующий день в условленное село прибыл целый караван машин с продовольствием. По освобожденным дорогам к партизанам потянулись вереницы крестьянок, несущих на головах корзины, кувшины, большие свертки.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Полость, прикрывающая вход в палатку, была отдернута и туда проникал свет.

Ферреро и Сергей Николаевич сидели друг против друга за изысканным письменным столиком, крытым тончайшим малиновым сукном. Стол был раскладной; партизаны, ведавшие хозяйством бригады, ухитрились втиснуть

его в одну из повозок, прежде чем покинуть виллу триестинского фабриканта, в которой прежде располагался штаб.

Узнай об этом командир, он заставил бы немедленно выкинуть стол из повозки. Но все обошлось благополучно, стол собрали и водворили в штабную палатку. Ферреро был тронут этим вниманием. Сейчас он работал за столом вместе со своим заместителем. Оба низко склонились над листом бумаги, испещренным цифрами.

Ферреро, у которого в последнее время начало портиться зрение, писал в очках, нацепленных на самый кончик носа. Стекла очков были подобраны наспех, и он вынужден был надевать их при работе так, чтобы, нагибаясь к бумагам, смотреть через стекла, а поднимая голову, глядеть поверх очков.

Трижды подчеркнув одну из цифр, Ферреро сумрачно взглянул на полковника, ожидая, пока тот закончит свои подсчеты.

Если бы кто-нибудь увидел Ферреро в эту минуту, то, пожалуй, решил бы, что перед ним мирный, уже стареющий бухгалтер, всю жизнь просидевший за конторскими книгами, а не один из самых смелых и решительных руководителей народа, возглавляющий наиболее опасное для фашистов партизанское соединение.

— Кончил, полковник?— нетерпеливо спросил Ферреро.

— Сейчас заканчиваю... А ты?

— У меня уже все. Не пропустил ни одного рапорта, ни одной сводки.

— И что получается?

— Получается следующее,— Ферреро наклонил голову, чтобы видеть цифры на бумаге через стекла очков.— Сто пять убитых в боях, пятьдесят семь раненых, тридцать два больных, семь пропавших без вести; двое расстреляны за трусость, один— повешен за измену, один удрал, трое посажены под арест. Итого: потеряно двести восемь человек, не считая захваченных фашистами связных и разведчиков.

Голос у Ферреро был совсем расстроенный.

— А у меня так,— сказал Сергей Николаевич,— примерно, конечно. Шестьсот тридцать фашистов погибло

при взрыве зольдатенхайма, триста в казармах, шестьсот пятьдесят на железных дорогах, триста восемьдесят при разных других обстоятельствах... Получается тысяча девятьсот с лишним... В общем — две тысячи... Итак, за последний месяц мы уничтожили десять нацистов на одного нашего человека.

— Неплохо,— мрачно буркнул Ферреро.

— Да, неплохо, если забыть о том, что нет с нами двухсот наших людей. Людей, командир!— тихо произнес Сергей Николаевич.

Ферреро снял очки, потер пальцем веки.

— Вот об этом я и думаю, полковник...— тоже необычно тихо сказал он.— Я не ребенок, видел в жизни многое... Но нет для меня ничего страшнее, чем подытоживать эти цифры. Двести человек за месяц, полковник!

— И у каждого из них мать, дети, или невеста...— сказал полковник.— Каждый унес с собой целый мир...

Наступило молчание, Сергей Николаевич поднялся, сделал несколько шагов по палатке.

— Есть и еще одна сторона у этой страшной бухгалтерии,— вдруг повернулся он к Ферреро.— Двести человек составляют пять процентов главных сил нашей бригады, а две тысячи фашистских солдат чуть ли не пятую долю процента одной только европейской армии Гитлера и его приспешников.

Ферреро тоже встал и подошел к полковнику.

— Я так понимаю, полковник, на крупные проценты уменьшает силы нацистов только Россия!

— Да, и вместо того, чтобы помочь ей довести этот разгром до конца, до ста процентов, пусть даже так, как помогаем мы —десятыми, сотыми долями процентов,— союзники топчутся на юге Италии, бездействуют во Франции.

— Вот уже этого я никак не понимаю.

В комнату вбежал ординарец Ферреро.

— Уходит группа венгров, человек двадцать,— с тревогой в голосе доложил он.

— Куда уходят?— скорее недоверчиво, чем удивленно спросил Ферреро.

— Домой.

— Как это домой?

— Домой, к себе, в Венгрию.

Ферреро, не оборачиваясь, махнул головой Сергею Николаевичу, чтобы он оставался, и размашистым шагом вышел из палатки.

За хижинкой лесника Ферреро увидел группу венгров с рюкзаками за плечами, с сумками и узелками в руках. Против венгров, спиной к хижине, стоял Мехти. Кулаки у него были сжаты, он в чем-то горячо убеждал венгров. У стены хижины, аккуратными пирамидками возвышались винтовки и автоматы; на земле лежали патронташи, пистолеты, гранаты.

— Что это за маскарад?— загремел Ферреро, подходя ближе.

Мехти вытянулся перед командиром:

— Венгерские товарищи решили покинуть бригаду и пробираться домой.

Чувствовалось, что Мехти прилагает все усилия, чтобы казаться собранным и спокойным.

— Бежать домой!— хрипло выговорил Ферреро.— Да вы понимаете, что каждому из вас за дезертирство грозит расстрел у этой вот стенки?

Разгневанный, со сверкающими глазами, он угрожающе надвигался на безмолвствующих венгров, пока не очутился лицом к лицу с командиром отряда Маркосом Даби.

У Даби, из-под еле державшейся на макушке шапки из черного лисьего меха, выбивались на лоб огненно-медные волосы.

В бригаде хорошо знали Маркоса — лучшего партизанского снайпера, горячего и своенравного, но беззаветно храброго. Потомственный батрак, он в начале войны гнул спину в имении одного из отпрысков фамилии Эстергази — богатейших венгерских феодалов. Чтобы не идти на фронт, Маркос отрубил себе топором два пальца на правой руке. Это избавило его от призыва в армию, но ему еще долго пришлось изнурять себя каторжным трудом в конюшнях и хлевах помещика, поставлявшего провиант для гитлеровских войск. Потом Маркос услышал о партизанах, действующих на берегах Адриатического моря. Вместе с другими батраками, Маркос, захватив фамильные охотничьи ружья и старинные писто-

леты помещика, ушел в лес, а позднее пробрался к партизанам. У него были меткий глаз и сердце, исполненное ненависти к врагу, и вскоре о Маркосе заговорили во всех отрядах бригады. За короткий срок он был дважды ранен в грудь навылет, но это не мешало ему добровольно вызываться на самые трудные, опасные дела.

Зная нрав Маркоса, Ферреро ждал горячего объяснения или запальчивого протеста. Спокойный тон венгра поразил его.

— Зачем вы кричите, командир?— глухим от печали голосом, укоризненно сказал Маркос.— Разве мы бежим? Мы уходим честно, сдаем оружие. Вот только эти штуки я оставляю при себе. Я их сам принес,— он показал на кремневые пистолеты, ручки которых, отделанные перламутром, торчали из-за его пояса.

— Что... что такое? Вы, значит, открыто заявляете, что труслили?— изумился Ферреро.

— Среди нас нет трусов. Но оставаться здесь нам больше нельзя.

Ферреро снова вскипел.

— Да вы что, рехнулись, чорт вас возьми?— крикнул он, обращаясь ко всем венграм.

— Мы уходим, чтобы не быть уничтоженными,— ответил за них Маркос.

— Товарищ командир,— вмешался Мехти,— они узнали, что в некоторых партизанских частях с прошлой недели начали тайно расстреливать венгров.

— И ничего более умного они не могли придумать?— перебил его Ферреро.

— Мы не придумали это,— возразил Маркос.— Нам принес эту весть Шандор Дьердь, он никогда не лгал, и может подтвердить свои слова, если еще не умер.

Еще утром дозорные подобрали на тропе тяжело раненного незнакомого партизана-венгра. Вспомнив об этом, Ферреро кинулся ко входу в хижину. В узких сенях доктор мыл руки в эмалированном тазу.

— Я хочу поговорить с раненым, которого доставили утром,— сказал Ферреро.

— Поздно, он уже при смерти,— покачал головой доктор. Он снял с гвоздя полотенце и вытер руки.

— Он больше не приходил в себя? — быстро спросил Ферреро.

— Приходил дважды. Поэтому я и собрался идти к вам...

— Что он говорил?

• Доктор наклонился к уху командира и вполголоса сообщил:

— Он говорил, что из штаба прибыл какой-то отряд, увез на грузовиках всех венгров из их части и расстрелял в глухом ущелье. Его зовут Шандор Дьердь. Он был ранен, отполз в сторону и слышал, что отряд, расстреливавший их, собирается идти дальше...

— Куда дальше?

— В другие части, выполнять приказ о расстреле венгров.

— Чей приказ? Из штаба корпуса?

Доктор еще ближе придвинулся к Ферреро:

— Нет, армии, — шепнул он.

Ферреро так сжал доктору руку, что тот тихо охнул от боли.

— Кто слышал об этом? — в упор смотря на доктора, проговорил Ферреро.

— Только я. Раненый с трудом произносил слова. Я больше угадывал их по движению губ.

— И вы забыли его слова! — повелительно и жестко сказал Ферреро.

Он опустил руку оторопевшего доктора и поспешил обратно к венграм.

Говорил он с ними теперь спокойно, даже ласково.

— Слушайте, ребята, ведь у нас же один враг, одна цель...

Венгры слушали настороженно, недоверчиво.

— И разве не побратала нас кровь, пролитая нами? Тебя, Маркос, со мной, меня с Михайло, Михайло с тобой. — Ферреро замолчал, обвел венгров пытливым взглядом. — В штабе, друзья, действует вражеская рука. Та самая, что подослала мне начальника штаба, предателя, а теперь занеслась над нашим братством. На вражью руку я не в обиде — на то она и вражья...

Ферреро подозвал к себе Мехти и Маркоса, и когда они подошли к нему, неожиданно обнял их за плечи.

— А вот на то, что вы поверили, будто можно разбить кровью скрепленное братство Ферреро, Маркоса, Михайло, — на это я крепко обижен.

Венгры заволновались. А командир их бригады, простой, суровый, справедливый, стоял перед ними и ждал, что они ответят.

Мехти шагнул к венграм. Ему трудно было говорить, потому что приходилось говорить о себе...

— Вот что, ребята, — сказал он. — Что бы вы подумали обо мне, если бы я, оправившись от раны, которую нанес мне предатель, покинул своих товарищей? Подумали бы, что Михайло трус, что Михайло смалодушничал?

К Мехти подошел один из венгров, вихрастый молодой парень:

— А ты знаешь, что я однажды один отстреливался от пятидесяти фашистов? И держался до тех пор, пока не покончил со всеми?

— Все знают об этом, — сказал Мехти.

— Вот. И другие наши ребята не отсиживались по землянкам! — запальчиво продолжал венгр.

— И это верно, — согласился Мехти.

Ферреро внимательно слушал их разговор.

— Но что нам остается делать, если в партизанских бригадах расстреливают наших братьев?

— Командир, по-моему, сказал уже, что это враг хочет расстронить наше братство.

Молодой венгр задумался и спросил:

— А как бы ты поступил, если бы вдруг ни с того, ни с сего кто-то стал расстреливать русских?

Ферреро выжидаательно взглянул на Мехти.

— Во-первых, — ответил Мехти, — я не уверен что те, кто расстреливают венгров, не расстреливают сейчас и русских. А во-вторых... Вот послушай... Я был еще мальчишкой, когда у нас начали строить первые колхозы. Ты думаешь, это было легко?.. Кулаки поняли, что им крышка и совсем озверели. Они стреляли в тех, кто решил жить по-новому. Но советские люди не испугались: они стали только прозорливей и бесстрашней и сумели очистить страну от вражьей нечисти. Борьба, борьба до победного конца. До последней капли крови. Только так!..

Слова Мехти прозвучали как суровая клятва. К нему подошел изволнованный Ферреро; ему, видно, многое хотелось сказать Мехти, но он только молча обнял его.

Маркос Даби, прямо смотря в глаза командиру, сказал:

— Прости нас, командир. Мы погорячились. Прости. Ферреро улыбнулся.

Послышались глухие голоса:

— Не надо обижаться, командир.

— Тебе — верим.

— Не о тебе говорили...

Перекрыв голоса венгров, Ферреро резко командовал:

— Ну, раз так... Разобрать оружие!

Мехти подошел к стене, нагнулся, взял из пирамиды карабин и подал его Маркосу.

— Возьми, — мягко сказал он.

Маркос решительно протянул руку и, взяв карабин, поцеловал его локте.

Венгры пришли в движение. Мехти начал разбирать пирамиду, вручая каждому из венгров его оружие, патронник, сумку. Движения его были быстры, легки, веселы.

— Вот так... — удовлетворенно крикнул Ферреро. — И чтобы я видел это в последний раз!

Когда он вернулся в палатку, Сергей Николаевич все еще сидел над листами бумаги.

Ферреро уперся руками в стол и нагнулся к самому лицу полковника.

— В соседних частях расстреляли венгров, — почти шопотом сказал он.

Полковник невольно подался вперед:

— Кто расстрелял?

— Указания неходили из штаба армии. Завелась там, видно, какая-то нечисть. Мы воюем, а они...

Полковник сидел неподвижно, не слышно было даже его дыхания.

После долгого раздумья он сказал:

— Надо выяснить, чьих рук это дело.

— А как?..

— М-да... — полковник поднялся с места. — Ну, что ж, будем воевать дальше.

Тяжелой, недоброй была весть, что принес под конец своей жизни венгерский юноша по имени Шандор Дьердь... Однако новых подтверждений этой вести, к счастью, не было. Вскоре радисты приняли из штаба по радиоприказу произвести налет на дальнюю железнодорожную ветку. Потом последовало требование передать обычные сведения о потерях и наличии боеприпасов.

Ничего особенно тревожного эфир не приносил, а связи с другими частями не существовало: бригада уже долгое время действовала изолированно и самостоятельно.

У Мехти теперь часто выпадали минуты отдыха, и он начал работать над эскизом к картине.

Для работы Мехти выбрал укромный уголок на краю утеса, с которого хорошо были видны и поляны со светлеющими на ней палатками, и убегающие в лесную чащу тропы. Он приходил сюда обычно утром, садился на камень, делал в альбоме быстрые зарисовки, всерьез перечеркивал их, снова брался за карандаш или уголь, а потом откладывал в сторону и думал, думал...

Детали картины вырисовывались еще смутно. То Мехти представлялась весна — тает снег, рыхлые облака скользят в небе; то осень — золотая, прозрачная; то лето — с холста должно повеять солнечным теплом, запахом полевых цветов... По-разному виделся ему и солдат. Вот он идет прямо на зрителя, усталый, счастливым, с вещевым мешком через плечо... Вот — присел отдохнуть на пенек. Вот — лежит в высокой траве, бросив возле себя мешок, закинув за голову руки... А неподалеку — искаженный вражеский танк... В одном из вариантов девушки в ярких, цветастых платьях выносили солдату воды.

Неизменной оставалась лишь тема картины: солдат возвращается после войны домой.

Иногда на скалу прибегал Вася. Он смотрел через плечо Мехти на рисунок, весело ронял:

— Здорово!

А Мехти вырывал лист с рисунком из альбома, комкал его и отбрасывал прочь.

В конце концов, Вася, чтоб не расстраиваться, перестал интересоваться альбомом, а проходя мимо пустого холста, неодобрительно хмурился. Авторитет Мехти, как художника, явно начинал колебаться.

Приходила и Анжелика. Она редко заглядывала в альбом: ей все равно было, что рисует Мехти. Присев поодаль на поваленную сосенку, она следила за тем, с какой порывистостью движется рука Мехти, как меняется его лицо... Перед ней был Мехти, которого до сих пор Анжелика почти не знала. Глаза его, когда он поднимал их от альбома, были темными от неведомого ей смятаия. Взгляд Мехти из внимательного, ищущего становился рассеянным, задумчивым, а потом загорался вдруг вдохновенным блеском.

Мехти решил, наконец, что изобразит дорогу, уходящую в светлую, прозрачную даль... Недавно пронеслась гроза, но небо уже очистилось от туч: цвет у него мягкий, лазурный. На земле, словно камни-самоецты, блестят лужицы. Слева от дороги высится стройная чинара. Одна из ветвей, подшибленная осколком снаряда, свесилась вниз, но и на ней — весело распушились листья. Она дышит, живет!.. Вокруг — зеленые, бескрайние поля. Тут и там проглядывают в густой зелени яркоалые маки, белые ромашки.

А по дороге шагает советский солдат — высокий, плечистый, — шагает нестройным, свободным шагом. Солдат добыл победу и идет домой. Село его еще далеко: отсюда ему видны лишь красные черепичные крыши домов да зацветшие в садах деревья; солнце блестит на них, как на снежинках... Солдат счастливо жмурится... Он словно прислушивается к какой-то неповторимо прекрасной песне...

Мехти так ясно видел своего солдата, что ему, казалось, ничего не стоило перенести его образ на холст. Он приготовил краски, кисти. На холст легли первые мазки.

Вася был уже тут как тут, — словно он давно поджидал, когда Мехти возьмется, наконец, за кисть. Глядя, как Мехти выдавливает из тюбиков краски, Вася спросил:

— Что это за краска?

— Это?.. Белила. А это вот — ультрамарин.

— А эта как называется?

— «Берлинская лазурь». Не мешай, Вася.

— Гм... Берлинская?..

Вася отошел в сторону, а Мехти стал смешивать ультрамарин с белилами, чтобы на холсте заголубело небо. Но небо не дано было заголубеть. Мехти сделал еще несколько мазков, а потом, помрачнев, неожиданно бросил кисть в ящик и смыл краски с холста.

— Опять? — уныло вздохнул Вася.

Мехти не ответил...

Васе что?.. Ему кажется, что рисовать очень просто: помахал кистью, и картина готова. А Мехти не только пишет картину... Своей картиной он должен ответить на мучающие его вопросы. Вопросов же этих становилось все больше. Случай с венграми все не выходил у Мехти из головы. Кто-то расстреливает венгров... Кто-то заслал в их штаб врага — Карранги... Подозрительно часто начала ошибаться авиация союзников... Солдату Мехти мешают вернуться домой! Даже не верится: расстреляны венгры...

Мехти останавливал себя: причем здесь картина? Как будто бы не при чем. Но ведь его солдат — свидетель всех этих событий. И, значит, им место в картине. Вот только как все это передать?.. Отказываться от задуманной им темы и образов Мехти вовсе не хотелось.

И он снова уселся за альбом.

Над альбомом и застал своего друга Вася в одно теплое безоблачное утро.

Через плечо Васи было перекинута мохнатое полотенце, подмышкой он держал сверток, из которого торчал конец мочалки.

— Ты что это, опять в ручье вздумал мыться? — покосился на него Мехти. — Смотри, кончишь воспалением легких.

— Зачем же в ручье? — степенно ответил Вася. — Бания построили, сегодня торжественное открытие.

Бания была для партизан насущной «проблемой». Обычно им приходилось мыться походя, когда они, возвращаясь с задания, оказывались в каком-нибудь селе; чаще же всего, согрев ведро воды, они обливались возле землянки или же, как Вася, на свой страх и риск купались в ледяном ручье.

— Где построили? Уж не в Триесте ли?— насмешливо спросил Мехти.

— Почему в Триесте? В Триесте мы, конечно, устраиваем баню фашистской сволочи... Да навряд ли я сунул-ся бы туда с одним полотенцем...

Мехти отмахнулся от Васи:

— Ну, замолот! Не морочь голову; мешаешь работать.

— Да ей-богу же, баня!—взмолился Вася.—Пошли. Мехти положил кисть в ящик и вытер тряпкой руки.

— Идем, идем,— торопил Вася,— Сильвио уберет все, я ему уже сказал. Ох и попаримся!

— А ты не врешь, Вася?

— Да нет же! Вот спустимся вниз, минуем крутояр, а за ним этот... грот...

— И в гроте баня?

— Да еще какая! Выпросили у повара котел, вкатили его в грот, под ним очаг сложили, вытяжку сделали...

Вася оторвал от приземистой сосны несколько веток.

Мехти невольно прибавил шаг.

— Молодцы ребята!

— Вот вытяжка только плохая,— пожаловался Вася.— Дыму в бане больше, чем пара. Зато жарится.. Поп первым полез, а обратно его за ноги вытянули. Думали уж конец, а нет, отдышался на свежем воздухе.

Священник с мокрой, свалывшейся бородой все еще сидел у грота. Вокруг него толпились партизаны.

— Привет святому отцу,— подходя, крикнул Мехти,— не по вкусу пришла банька?

— Это не баня,— отрезал старик.

— А что же это такое?— запальчиво спросил Вася.

— Та самая геенна огненная, что уготовил нам Ватикан на том свете!— сокрушенно, под общий хохот, произнес священник.— И никому не советую ходить в этот ад, пока туда не поволокут силой.

— А мы — неверующие, товарищ священник,— озорно крикнул Мехти, стягивая с себя свитер. Они с Васей быстро разделись и в одних трусах вбежали в грот.

Грот — узкий, с низеньким сводом — и впрямь мог сойти за один из вариантов адского пекла.

В углу грота сложен был очаг, а на нем установлен огромный котел передвижной солдатской кухни. В счаге с треском и шипением горели еловые сучья, языки пламени лизали бока котла. Котел дрожал мелкой дрожью, грозя в любую минуту разорваться.

От жары, дыма и пара в гроте нечем было дышать.

Тем не менее картина преисподней показалась бы священнику куда более полной, если бы он рискнул заглянуть сюда еще раз. В «геенне огненной» налицо была теперь еще одна неотъемлемая ее деталь — скачущие и вопящие черти.

— Эх, люблю. Дух спирает!— кричал Вася, растирая мочалкой тело.— Давай прибавим.

— Давай.

Ножкой табуретки Мехти вытолкнул из очага раскаленный большой камень. Вася зачерпнул тазом из котла кипящую воду и вылил ее на камень. Столб горячего пара вымахнул вверх; расплзшись, пар заполнил весь грот.

— Хорошо!— одобрительно крикнул Мехти.

А Вася уже неистово хлестал себя сосновой ветвью, весь извиваясь после каждого удара.

— Осторожно,— всполошился Мехти,— это тебе не береза, в кровь обдерешься.

— А ты с березовым веником на полке сживаешь?— полюбопытствовал Вася.

— На самом верхнем, и не раз!

— А как потом насчет холодного кваску?

— И квас пивал.

Мехти облил себя горячей водой.

— Хорошо,— снова воскликнул он,— душа добрее...

Он еще раз окатился водой и, наконец разозорничавшись, торжественно продекламировал:

В ущелье, в корыте, в лохани,

В реке, в ручейке, в океане,

И в ванне, и в бане

Всегда и везде

Вечная слава воде!

— Конец «Мойдодыра»!— воскликнул Вася.— Ты еще помнишь?

— А разве это давно было?— вопросом на вопрос ответил Мехти.

И Вася не мог не согласиться, что, в сущности, совсем еще недавно Мехти, так же как и он, Вася, читал по складам и учил наизусть детские стихи.

— Как будто вчера это было, как я с соседом в баню ходил,— сказал Михайло.

— Почему с соседом?

— Я себя уже взрослым считал,— семь лет, с тетей ходить стеснялся, вот и водил меня в баню сосед.

— А у вас бани тоже с парной, с веником?

— Нет...

И хотя вряд ли можно было придумать менее подходящее место для рассказа, чем «геенна огненная», в которой они находились, Михайло, не забывая усиленно растирать себя мочалой, рассказал Васе о том, как ходил в маленькую баньку на улице Касум-Измайлова, совсем рядом с их домом.

Там был расписан масляной краской весь предбанник. Маленькому Мехти очень хотелось поближе посмотреть затейливые узоры и даже пощупать их руками, но он со вздохом подавлял это желание и, стараясь во всем подражать соседскому дяде, медленно раздевался, обворачивал вокруг бедер узкую красную простынку и шел внутрь. Тёрщик тёр «кисой»— шерстяной рукавицей, и Мехти было непонятно, почему он ухмыляется, когда катышки грязи из-под рукавицы особенно сильно появляются на коленках клиента. Потом тёрщик кидал кусок мыла в мокрый полотняный мешочек, дул в него, появлялось легкое пеннистое облако мыльной пены.

Сколько ни пробовал Мехти сам выдуть такую обильную и легкую пену— ничего не получалось, а мыться этой пеной было такое блаженство!

Красный, распаренный, шел он впереди соседа в предбанник и садился на скамеечке. Банщик плескал ему на ноги теплую воду, и только после этого он с ногами поднимался на скамью и начинал обтираться.

Отдохнув и съев яблоко, особенно вкусное и холодное после жаркой бани, они шли домой.

Дома Биби торжественно объявляла, что «мужчина вернулся из бани» и подавала ему чай.

И Мехти степенно, с сознанием своего достоинства, садился пить чай.

Было это совсем недавно, как вчера... Но вот Вася сильно прошелся по спине Михайло мочалой, и тот попросил быть осторожнее— рубец от раны на спине при резком прикосновении еще вызывал боль... И то, что рассказывал Михайло, вдруг сразу показалось обоим и бесконечно далеким и бесконечно дорогим. Между безмятежностью рассказчика и жестокой суровой действительностью сегодняшнего дня лежало слишком большое расстояние.

Мехти и Вася умолкли: пора было заканчивать затянувшееся купание.

Вдруг послышался сильный грохот.

— Котел?— оглянулся Вася.

— Это снаружи,— сказал Мехти.

Они смыли с себя мыло и бросились к выходу, возле которого лежала их одежда.

Выглянув из грота, Мехти увидел, что перед входом в грот не было уже ни священника, ни партизан. Откуда-то сверху доносился хриплый рев: он-то и воспринимался в гроте как оглушительный грохот.

Мехти задрал голову к небу.

Над лесом, покачивая крыльями, медленно кружил самолет. Самолет летел низко, почти касаясь верхушек деревьев.

— «Бостон»— американский бомбардировщик,— определил Вася.

Мехти кивнул:

— Вынужденная посадка. Ищет места.

Они торопливо одевались, продолжая следить за делающим круги бомбардировщиком. Самолет зашел еще на один круг, потом взмыл вверх, сделал разворот и с выключенным мотором пошел на посадку.

— Просеку заметил. Туда сесть хочет,— догадался Вася.

Они побежали по тропе, ведущей к просеке.

Это было то самое место, где судили Крайнева. Когда Мехти и Вася достигли просеки, самолет был уже на земле. Огромный и неуклюжий, он лежал на боку с поднятым крылом и задраным вверх тупым носом.

Около самолета суетились партизаны и среди них вездесущий Сильвио, наконец-то распрошавшийся с бо-лотными сапогами и обувшийся в легкие чулки — что-то среднее между сандалиями и спортивными бегунками.

— Амортизаторы слабые, — озабоченно повторял он с видом человека, всю жизнь имевшего дело с авиацион-ной техникой.

За стеклами кабины управления, помещавшейся на горбу самолета виднелась фигура летчика. Он отчаянно жестикулировал, показывая на задвижку гаргрота, но партизаны не понимая его жестов, отвечали такой же малопонятной жестикуляцией. Сильвио, цепляясь за перекладины сломанного шасси, подтянулся, взобрался на плоскость, подошел к гаргроту и кивнул летчику, чтобы тот вылезал наружу. Летчик опять показал на задвижку.

— Слезай, Сильвио, — сказал подошедший Сергей Николаевич.

Сильвио слез.

— Задвижку заело... И запасный выход тоже, — с профессиональной деловитостью пробормотал полковник. К просеке все подходили и подходили партизаны.

Сергей Николаевич поднялся на плоскость и легким движением руки поднял стальную крышку кабины уп-равления...

В распахнувшихся дверях показался приветливо ослепавшийся штурман. Он посторонился, пропустил вперед летчика и вслед за ним спустился на землю.

У летчика, высокого, костлявого детины с лысеющим лбом, пестрели на груди орденские ленты. Он присел дважды — видно, затекли ноги; взглянув на крыло, буркнул что-то штурману и невозмутимо направился к парти-занам.

— Хэлло! — он приложил два пальца к виску. — Ар-чибалд Милтон, кэптен.

— Полковник Любимов, заместитель командира партизанской бригады, — представился Сергей Николаевич. Мехти, понимающий английский язык, но плохо говорив-ший на нем, вызвался переводить. и, с трудом подбирая слова, повторил сказанное полковником по-английски.

— Иес, — не скрывая удивления, сказал летчик.

Он ткнул пальцем в сторону копошившегося возле самолета штурмана:

— Мак Джойс, штурман, черный.

Мехти перевел, что штурман — негр. Сергей Николае-вич успел в лагере хорошо изучить нравы американцев, и все-таки его покорило от слов летчика, который счит нужным сразу же подчеркнуть расовую принадлежность своего штурмана.

Вскоре к ним подошел Мак с сумкой в руках. Пол-ковник и Мехти тепло поздоровались с штурманом. У Мака была молочно-белая кожа, светлые глаза, тонкий, с горбинкой нос, и Сергей Николаевич даже усомнился, правильно ли перевел Мехти слова летчика. Лишь поз-днее он узнал, что прабабушка у Мака негритянка, дед наполовину негр, в отце была четвертая часть негритян-ской крови, а для Мака достаточно оказалось и «ось-мушки», чтобы полной чашей испить горя, выпавшего в его стране на долю негров. И в списках жителей Лос-Анжелоса, и в списках личного состава авиационных сил Соединенных Штатов к его фамилии непременно при-бавлялось короткое слово: «черный».

Черные, кстати, были сейчас нужны правителям Штатов, и ему, Маку, дали даже медаль, ленточка кото-рой светлела над его левым нагрудным карманом.

Милтон объяснил, что у них испортился маслопро-вод, и, если бы он не посадил самолет, тот сгорел бы в воздухе. Сергей Николаевич вежливо выразил радость по поводу того, что летчики остались живы и невредимы, и сожаление, что самолет сильно поврежден. После это-го он пригласил летчиков в командирскую палатку, на-ходившуюся на поляне, в четверти часа ходьбы отсюда.

На поляне в этот полуденный час было немногочис-ленно. Партизаны одного из отрядов, расположившись у входа в землянку, чистили оружие. Шла обычная хлопотливая возня у походных кухонь. Санитары развешивали на вет-вях деревьев выстиранные простыни и бинты.

Сергей Николаевич пропустил своих гостей в палат-ку и послал ординарца на один из дальних аванпостов, за Ферреро. Потом он присоединился к летчикам, и в па-

латке произошел разговор, неожиданно проливший свет на многие подозрения Сергея Николаевича.

Угощая гостей чаем, полковник осведомился, откуда и куда летел самолет. Мильтон сказал, что они базируются на юге Италии, а сейчас — возвращались домой после выполнения очередного задания.

— Какого же, если не секрет? — поинтересовался полковник.

— О, от вас у нас нет секретов! Мы сбросили боеприпасы партизанской бригаде Ферреро.

Полковник недоуменно поднял брови:

— Но мы не видели никаких боеприпасов.

— А разве они были предназначены вам? — возразил Мильтон. — Я же сказал: мы сбросили их бригаде Ферреро. Она находится в двухстах километрах на юго-восток от вас.

Он ткнул пальцем в карту, лежавшую на письменном столе Ферреро.

— Но бригада Ферреро — здесь. Это мы. А в двухстах километрах на юго-восток дислоцированы немецкие части, — жестко произнес Сергей Николаевич.

Мильтон флегматично пожал плечами:

— Очевидно, наше командование ошиблось. Оно и неумудрено — вы все время скачете с места на место.

— Что-то уж очень часты эти ошибки, — заметил полковник.

И разговор на этом, возможно, закончился бы, если бы в него не вмешался Мак Джойс.

— Это не ошибка! — побледнев от волнения, сказал он.

Мильтон метнул на него исподлобья угрожающий, злобный взгляд. Но удержать Джойса было уже невозможно.

Он рассказал обо всем, что знал и о чем задумывался в последнее время.

Штурмана многое удивляло, когда он летел на бомбежку промышленных объектов на территории нацистской Германии. Трижды его самолету приходилось опускаться довольно низко, и трижды он замечал, что бомбы падали не на завод или железный рудник, а на деревни, на жилые кварталы городов. Сначала он думал, что ему дают

неточные координаты. Но потом убедился, что здесь не неточность, а преднамеренность.

Майор Джеффри посмел сказать об этом открыто. В тот же день он таинственно исчез из их части. Потом часть перебазировали в Италию, и здесь стало повторяться то же самое. Мак полез в свою сумку и достал оттуда целлулоидный прямоугольник — карту маршрута.

— Тут указано, куда мы должны были сбросить груз.

Мильтон готов был удушить штурмана, но единственное, что оставалось ему делать, — это спокойно сидеть на стуле и ждать развязки. А Джойс, видно, принял для себя какое-то решение и не обращал внимания на предупреждающие знаки Мильтона. Бледный, взволнованный, Джойс говорил, взвешивая каждое слово:

— Я шел на войну бить нацистов. А у нас это кое-кого не устраивает. Мне с ними не по пути. Я останусь с вами.

Мехти переводил его слова уже машинально, не вдумываясь в их смысл. И никак не мог избавиться от ощущения, что ему снова всадили в спину нож.

Подобное ощущение было и у Сергея Николаевича, но он принял слова Мака спокойнее, потому что и раньше уже о многом догадывался...

Горячо поблагодарив штурмана, он пообещал поговорить с командиром о зачислении его в бригаду, а Мильтону вежливо предложил дожидаться в одном из сел, контролируемых партизанами, воздушной или наземной оказии: ему помогут добраться до его части.

Спокойно — даже Сергей Николаевич не ожидал от него такого спокойствия — отнесся к сообщению американского штурмана Ферреро, прибывший вскоре после того, как летчики проводили отдыхать.

Он вытер платком лоб, помолчал, пососал пустую трубку и спрятал ее в карман.

— Ничего не попишешь... империалисты, — развел он руками.

И фраза эта прозвучала у него как-то по-особенному просто и убедительно: ее произнес человек, отдавший борьбе с империалистами всю свою жизнь.

Больше всех был подавлен Мехти. Он стоял в углу палатки, скрестив на груди руки, хмуро опустив голову.

— Я был под Сталинградом, в Польше, в Австрии, здесь... — медленно, словно припоминая что-то, сказал Мехти. — Страшно было... Но в то же время и просто: на нас шли фашисты, и надо было их разбить, чтобы на земле засверкало утро, наступил мир... А над землей, оказывается, нависла новая тень... И все куда сложнее, чем я думал.

— Да, Мехти, нам пытаются помешать, — сказал Сергей Николаевич.

— Но ведь это ж союзники. Мы спасаем их страны от Гитлера!

— И народы будут нам благодарны за это. А их правители — никогда.

Входная полость палатки приоткрылась, вошел ординарец, четко отпортовал:

— Связной из Триеста.

Это была Анжелика, больше недели назад отправленная в Опчину. Она привезла письмо от группы товарища П.

Ферреро взял у нее маленький конверт и отпустил Анжелику, которую у входа в палатку нетерпеливо поджидал Вася.

Ферреро надел очки, вскрыл конверт, пробежал глазами письмо. Мифический брат Анжелики нудно рассказывал о том, как он работает на лесопилке; просил присмотреть за козой, прислать ему праздничную рубашку. Расшифровав и прочтя письмо, Ферреро бросил его на стол.

— Что пишет товарищ П.? — спросил Сергей Николаевич.

— Что Карранти и Чарльз Беннет, агент федерального бюро расследований, — одно и то же лицо.

Мехти сделал шаг вперед.

Сергей Николаевич усмехнулся.

— Одно к одному...

Он повертел в руках целлулоидный прямоугольник, оставленный штурманом Мак Джойсом.

— Интересно, что здесь, на карте, помечен, а потом зачеркнут как раз квадрат 11.

Вася и Анжелика нашли Мехти на утесе. Попрежнему перед ним стоял холст, рядом лежал ящик с красками и кистями. Вася был в приподнятом настроении: Анжелика снова с ним!

— Все пишешь? — улыбнулся Вася.

— И буду писать! — упрямо сказал Мехти.

— Когда же вы ее закончите? — спросила Анжелика.

— Наверно, после того, как начнет, — съязвил Вася.

— Скоро, Анжелика, — серьезно сказал Мехти. — Теперь уже скоро. Для меня многое стало ясно...

Да, замысел его принимал постепенно все более четкую, конкретную форму. Все, в общем, должно остаться так, как он задумал: солдат его счастлив тем, что, победив, возвращается домой. Но это счастье зрелого, окрепшего в боях, многое понявшего человека. Ведь он был все время рядом с Мехти. Вместе с ним бил гитлеровцев. Вместе с ним задумывался над совершившимися вокруг событиями. Вместе с ним мужал — и мыслью, и сердцем. Он, этот солдат, знал и о Чарльзе Беннете, и знал: те, кто подослал Беннета, будут и впредь мешать людям строить счастье. И надо быть готовым защищать это счастье, выстраданное, добытое трудом и кровью. Солдат у Мехти — уверен в себе. Уверен в будущем. Это благодаря ему на земле воцарился мир.

Он еще только в пути. Родное село не видно. На небе обрывки туч, свинцовых, черных. Дует ветер, развевая плащпалатку солдата. Трепещут листья чинары. Земля темная, твердая. Нивы колышутся, будто пенится море. Уверенно преодолевая сопротивление ветра, широко ступая, идет солдат. В глазах его суровая решимость. Он крепко прижал к груди свой автомат. Он шагает в сторону света — к солнцу, поднимающемуся на востоке. Он могуч и словно прислушивается к чему-то тревожному, готовый встретить грудью любые опасности на своем пути к солнцу...

Не должно быть никаких внешних эффектов. Пусть всё будет естественно, просто... Чтобы не пышность была, а мощь, сила. Да, только так...

На холсте рождалась жизнь, какой его знал и понимал советский солдат — Мехти.

Ферреро и Сергей Николаевич прохаживались по поляне, когда к ним подошел ординарец и сообщил, что радистом получена шифровка: командира срочно вызывают в штаб армии.

Полковник и Ферреро переглянулись. Что бы это могло значить? После последних событий вызов этот выглядит подозрительным.

— Надо готовиться, — произнес, наконец, Ферреро.

Сергей Николаевич знаком отослал ординарца и, взяв Ферреро под локоть, прошел с ним в палатку, где помещался штаб бригады.

— Ты останешься вместо меня, — мрачно сказал Ферреро.

Сергей Николаевич усмехнулся:

— Ты говоришь так, словно идешь на смерть.

Взгляд Ферреро был грустным и в то же время решительным.

— Вот что, Сергей. Если я не вернусь...

Полковник не дал ему закончить. Медленно, как бы размышляя вслух, он сказал:

— Все шло хорошо... Была бригада, были смелые, отважные люди в этой бригаде; они прославили свои имена в веках. И был у этих людей командир. Все считали, что он мудр, прозорлив и смел... И вдруг оказалось, что он наивен, как мальчишка.

— Я выполняю приказ, Сергей, — с обидой в голосе ответил Ферреро.

Сергей Николаевич в упор взглянул на него.

— Но ты же знаешь, что, может быть, не вернешься обратно.

— Я — не из трусов!

Он надел свой китель, переменял сапоги и направился к выходу. Полковник преградил ему дорогу:

— Послушай, Луиджи. Никто не сомневается в твоей храбрости. Но то, что ты собираешься делать, — бессмысленно! Мы ведь даже не знаем, кто тебя вызвал.

— Вот мне и представляется случай узнать, — упрямо сказал Ферреро. — Я хочу выяснить, кто прислал ко мне Карранти, кто расстреливает венгров и почему соседние бригады начинают терять с нами связь. И, кроме этого, мне не хочется, чтобы в штабе думали обо мне, о

Луиджи Ферреро, как о трусе. Прощай, Сергей. Береги себя...

Ферреро протянул полковнику руку. Но тот, казалось, не заметил ее. Он стоял, загородив выход; лохматые брови его сердито нависли над потемневшими глазами.

— Вот что, Луиджи, — решительно сказал полковник. — Делай, что хочешь, но я тебя не отпущу. Да, не отпущу! Во всяком случае, до тех пор, пока все не выяснится.

— А я не подчиняюсь тебе. Пока еще я командир. И я приказываю, товарищ Любимов, пропустить меня!

— А я говорю с тобой как коммунист с коммунистом, товарищ Ферреро, — в тон ему ответил Сергей Николаевич. — Ты никуда не уйдешь из бригады. Сотни людей вручили свою судьбу в твои руки. Ты их командир, тебя любят, тебе верят. И ты не имеешь права рисковать своей жизнью.

Ферреро усмехнулся и уже спокойно спросил:

— Драться, что ли, будем?

Сергей Николаевич взглянул на него с любовью и укоризной:

— Луиджи!.. Ты должен остаться, Луиджи. Понимаешь: должен. И мы вместе с тобой будем продолжать делать то, что делали до сих пор. Несмотря ни на чьи проiski.

Ферреро молчал. А потом вдруг запустил руку в волосы Сергея Николаевича, привлек его к себе и поцеловал. Глаза его были влажны.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

С тех пор как Карранти обосновался на Виа Фортуната, в доме Мазелли произошли некоторые изменения.

Во-первых, Мазелли из осторожности ликвидировал все слуховые аппараты, и уже ничего толком не знал о делах Карранти, если, конечно, сам Карранти не считал нужным его информировать. Во-вторых, хотя Мазелли и старался держаться независимо, ему все же приходилось отчитываться перед Карранти во всех своих делах.

В остальном же все шло попрежнему. Агенты, поступившие в распоряжение Карранти, доставляли ему самые

разнообразные сведения как о партизанах, так и о немцах. В доме Мазелли продолжали принимать вечерних посетителей и сдавать им меблированные комнаты.

Мазелли прекрасно понимал, почему Карранти до сих пор не предложил ему «прикрыть лавочку». Отказать в приеме клиентам — значило бы вызвать их живейшее любопытство. О неожиданном закрытии заведения могли прослышать и те, кому очень бы хотелось узнать, где поселился Карранти. Так или иначе, дом был бы поставлен под подозрение.

Мазелли решил сыграть на этом. Как-то раз, зайдя к Карранти поужинать, он со вздохом заявил ему, что хочет закрыть свое заведение.

Мазелли бил наверняка. Он был убежден: Карранти начнет доказывать ему — и будет совершенно прав, — что все должно остаться как есть. А он, Мазелли, поломается немного, а потом даст американцу «уговорить» себя, пойдет на уступки, лишний раз выказав преданность и услужливость; только с их помощью он и мог влезть к Карранти в доверие, а после — и в карман. Мазелли надеялся урвать хоть малую толику из тех денег, что достаются предприимчивому янки. Он непрочь был бы вообще избавиться от американца и заполучить все его деньги... Но это было опасно: прирежешь его, а потом не оберешься хлопот.

Выслушав Мазелли, Карранти глотнул виски и отставил рюмку в сторону.

— Закреть? А зачем, собственно, это вам понадобится?

— Сами знаете: по вечерам у нас шум, толкотня.

Карранти пристально посмотрел на Мазелли.

— Но ведь терпели же вы этот шум до сих пор? И толкотня вам, кажется, не мешала?

— Да, но тогда не было вас. Вы в городе человек новый. И я обязан оберегать вас от всяких случайностей.

— Ах, вот оно что, — протянул Карранти. — Вы, значит, заботитесь обо мне?.. Что ж, я вам очень признателен, сеньор Ма.

Карранти понимающе улыбнулся, глядя Мазелли прямо в глаза. А Мазелли при виде этой улыбки ощутил

острое желание швырнуть ему в голову стоявшую на столе бутылку.

— А это не ударит вас по карману? — с сочувствием осведомился Карранти.

— Может быть.

— И вы готовы пойти на жертву? Любопытно, чем же это я заслужил такую любовь?

— Да ведь оно и для меня хлопотно: держать эти комнаты. — Мазелли вздохнул. — А хлопот и без того много.

Карранти встал с места, прошелся по комнате.

— Ну, что ж, — повернувшись к Мазелли, решительно сказал он, — закрывайте свой «храм».

Мазелли опешил от неожиданности. Чего-чего, а этого он никак не ожидал! И чорт его дернул начинать этот разговор! Ведь он же знал, с кем имеет дело! А теперь вот выкручивайся, как хочешь. Отступить, пока не поздно? Но это значит — выдать себя американцу с головой. Закреть заведение? Еще того хуже. Сказать, что он «пошутил»?.. гм... Хороши шутки.

Американец, улыбаясь, смотрел на Мазелли. Тот поднялся с места, мрачно буркнул:

— М-да... Я еще подумаю, — и направился к двери.

Если бы Мазелли видел, каким взглядом проводил его Беннет, ему наверняка стало бы не по себе.

Мазелли казался Беннету человеком опасным и ненадежным. Первые неясные подозрения родились у Беннета еще тогда, когда Мазелли очень уж быстро и легко устроил ему встречу с Шульцем. Когда Беннет спросил у Мазелли, как тому удалось это сделать, Мазелли начал влиять. Беннет, конечно, не мог знать, что Мазелли — «слуга двух господ», но он догадывался, что дело тут нечисто. Не нравилось Беннету и то, что Мазелли всюду сует свой нос, старается «запасть секретам»... «Торговец секретам»... Нет, это, по меньшей мере, несолидно! Представитель крупнейшего разведывательного треста, Беннет считал, что Мазелли работает порой грубо, кустарно, по мелочам. Один этот последний разговор чего стоит! А кто знает, на какие еще фокусы способен Мазелли? От него в любую минуту жди подвоха. Нет, он явно не годился для серьезной и крупной игры и только путался в ногах у Беннета. Опасный, ненадежный компаньон.

Размышления Беннета прервал условный стук в дверь. И вскоре перед Беннетом предстал человек, приход которого решил очень многое, в том числе и судьбу Мазелли.

Это был рослый, широкоплечий мужчина; ему, наверно, не было и тридцати лет, но старомодное пенсне ставило его, и он выглядел на все сорок. Движения у него осторожные, вкрадчивые, но за этой вкрадчивостью угадывались и сила, и ловкость. А вот глаза были неприятные: они выражали хитрость, но не ум. Беннет даже подумал с сомнением: сможет ли он выполнить то поручение, которое на него возложили.

Человек снял шляпу, и черные непослушные волосы упали ему на лоб. Карранти пригласил гостя сесть и сам опустился в кресло.

— Меня предупредили, — начал Карранти, — что я должен сообщить вам кое-какие сведения. Какие же именно?

— Все, что вы знаете о партизанах.

— Ну, многое вы увидите на месте. Когда, кстати, вы собираетесь отправиться в бригаду?

— Чем скорее, тем лучше. Меня торопят. Вы же знаете: наших там не осталось.

— М-да... Простите, как мне называть вас?

— Зденеком. Просто Зденеком. Мне надо привыкать к этому имени.

— Вы хорошо проинструктированы?

— Я жду советов от вас.

— Так вот, господин Зденек...

Рассказывая Зденеку о том, где ему, например, нужно искать сейчас третью бригаду, ушедшую, по последним данным, в леса, и как держать себя с партизанами, Карранти в то же время внимательно разглядывал его лицо. Оно менялось на глазах Карранти, словно человек этот уже представлял себе, что находится не у Карранти, а среди партизан. «Неплохая выучка, — одобрительно подумал Карранти. — Ценный материал! Нечто вроде пластилина: лепи из него, что хочешь... Такой на все пойдёт, все сумеет. Не очень, правда, умен... Своего «я» у него нет. Но ничего. То, что ему поручают, он делает, видно, отлично».

Зденек вытащил из кармана аккуратно сложенный носовой платок и, сняв пенсне, стал вытирать вспотевшее стекло.

Карранти оторопело замолк...

Без пенсне у агента был совсем другой вид. Высокие брови, черные глаза, слегка припухшие веки... Если убрать с его лба шевелюру, то, с некоторой натяжкой, Зденека можно выдать за Михайло.

Выдать Зденека за Михайло! А ведь это блестящая мысль! К партизанам, в конце концов, можно будет послать и кого-нибудь другого. А Зденек пригодится самому Карранти.

— Послушайте-ка, господин Зденек. Я еще никому не говорил этого... А вам... вам, пожалуй, скажу. Только слушайте внимательно.

Зденек насторожился и надел пенсне.

— Снимите-ка эту штуку, — поморщился Карранти, словно пенсне мешало ему говорить. Ничего не понимающий Зденек снял пенсне. Карранти взял их из рук агента и отложил в сторону, определив опытным глазом, что стекла пенсне обыкновенные.

— Вам, конечно, поручили заняться и Михайло? — спросил Карранти.

— Да. Сами немцы никак не могут его поймать — приходится работать за них нам.

— Так вот, — Карранти слегка подался вперед в своем кресле, — Михайло нет в живых!

У Зденека удивленно поднялись брови:

— А мне говорили, что Михайло жив.

— Это устаревшие сведения. Дело в том, что я еще не сообщил нашим о смерти Михайло.

Зденек недоверчиво покачал головой:

— А взрыв на Виа Фортуната?.. А таинственное исчезновение Росселини?.. Говорят, его секретарь дал показания, подтверждающие, что Росселини похитил именно Михайло. Черты лица, повадка — всё его.

— Ну, мало ли людей могут походить на Михайло. Кстати, и вы на него похожи. А я сам, сам видел, как Михайло испустил дух! Вот этой рукой, — Карранти медленно, с напряжением сжал в кулак свою сильную ладонь, — я всадил ему нож между лопатками. После этого

я и удрал от партизан!.. — он откинулся на спинку кресла и в упор взглянул на Зденека. — Теперь — верите?..

— Но почему вы никому не сказали об этом?.. Ведь нацисты хорошо заплатят за его голову!

— А как я докажу, что Михайло мертв? Партизаны упорно скрывают его смерть и продолжают диверсии в Триесте. Видите, даже и вы усомнились в моих словах! — Карранти встал, подошел к Зденеку и положил ему руку на плечо. — А двести пятьдесят тысяч неплохие деньги... Если есть голова на плечах, с ними многое можно сделать.

— Почему двести пятьдесят тысяч, когда нацисты обещают вдвое больше? — с недоумением спросил Зденек.

Карранти дружески похлопал его по плечу:

— Я готов поделиться с вами, дорогой коллега.

Зденек взволнованно сжал ручку кресла:

— Что вы хотите этим сказать?

— Вы когда-нибудь играли в любительских спектаклях?

— Нет.

— Тем лучше, значит, у вас еще неспорченный вкус. Могли бы вы на один день стать Михайло? Честное слово, вы очень на него похожи! Мне-то ведь легко установить это сходство: я видел Михайло.

— А что я должен буду делать? — не сводя глаз с Карранти, выдавил Зденек.

— В основном все буду делать я. Вы должны будете только в точности исполнять все, что я вам скажу.

— Что же будете делать вы?

— Я выдам вас нацистам.

Зденек с трудом перевел дух, хотел запротестовать, но передумал и спросил:

— Каким же образом вы это сделаете?

— Очень просто. Вы будете итти... ну, предположим, по берегу моря. Я замечу вас и сообщу нацистам. Для лучшей убедительности вам нужно будет... да, вы кого-нибудь убьете. Потом вас схватят.

— Едва ли Михайло легко схватить, — усмехнулся Зденек. Он уже начал входить в роль.

— Я приведу с собой целый взвод. Вас это устраивает?

— Нужно стрелять по наци?

— Нет, они нападут на вас врасплох. Вы должны узнать меня. Ну... крикнуть что-нибудь.

— Предположим. Дальше?

— Дальше вас заберут в гестапо, я вытащу вас оттуда, и можете считать, что в кармане у вас целое состояние.

— Так... Но ведь еще один человек в этом городе видел меня и знает, что я не Михайло. Он не будет претендовать на свою долю в нашем деле?

— Будет, — твердо ответил Карранти, поняв, что агент намекает на Мазелли, с которым виделся перед тем, как подняться к Карранти.

— Как же быть с ним?

— Убрать, — улыбнулся Карранти, — его-то вы и убьете.

Он снова сел в кресло, побарабанил пальцами по столу:

— Вы, конечно, понимаете, что дело, которое мы затеваем, сопряжено с большим риском?

— Кроме голого риска, я пока ничего и не вижу.

— Постараюсь убедить вас в реальности своего плана. Но для того, чтобы осуществить его, нужно иметь крепкие нервы.

— Нервы у меня идеальные! — самодовольно улыбнулся Зденек.

— Верю. Итак, будем считать, что вы уже в гестапо. Зденек слушал, стараясь не пропустить ни слова.

— Вы уже знаете от меня кое-что о третьей бригаде. Я дам вам дополнительные сведения о каждом из партизан: кто и откуда пришел, у кого какой характер. Нацисты захотят вас пытать. Но вы сделаете вид, что считаете игру проигранной, и согласитесь обо всем рассказать им. Когда они передадут мне факты, сообщенные вами, на проверку, я подтвержу их достоверность.

— Пока все, вроде, гладко. Только вряд ли немцы поверят, что Михайло может смалодушничать.

— Я докажу им, что может. Во всяком случае, под пытки я вас не дам. Теперь дальше. После того как они убедятся, что в их руках Михайло, они вынесут вам смертный приговор... — Карранти пристально взглянул на Зде-

нека, но ни один мускул не дрогнул на лице агента. Это понравилось Карранти.— На одной из городских площадей установят виселицу; потом нацисты сгонят всех жителей, чтобы те своими глазами видели, как казнят их любимого Михайло. Но казни не будет. Как только прочтут приговор, подведет эсэсовский офицер и сообщит, что получен приказ отправить Михайло в Германию. Вас уведут обратно в гестапо... А там уж я заберу вас к себе.

— А потом? Мне же надо идти к партизанам.

— Все это я беру на себя.

В глазах у Зденека мелькнуло вдруг сомнение.

— А если ваш план не удастся, и нацисты все-таки вздернут меня?

— Это исключено, коллега,— улыбнулся Карранти.— Чувствую, что ваши идеальные нервы начинают сдавать...

— Это не нервы,— покачал головой Зденек,— это просто здравый рассудок.

— Ну, что ж, обратимся к голосу рассудка. Вы, конечно, понимаете, что я не смог бы долго продержаться в городе, не имея я основательных связей с нацистами?

— Пожалуй...

— Вам, наверно, известно также, что многие операции против партизан я осуществляю руками нацистов.

Зденек кивнул.

— А главное, начальник здешнего гестапо Шульц — у меня в руках. И он сделает все, что я от него потребую. Я могу сказать ему, например, что вы нужны нашей разведке. Уверен, что он пойдет на это.

Зденек все еще колебался, но Карранти видел, что ему удалось убедить агента.

— Еще один вопрос, последний,— Зденек испытующе посмотрел на Карранти.— Чем вы гарантируете, что не бросите меня на произвол судьбы? В конце концов, какое вам до меня дело: ну, повесят, и повесят!

Карранти засмеялся:

— Ей богу, вы наивный человек! Вас повесят, а меня спросят: «Где Зденек, которого мы вам послали?» Я же отвечаю за вас головой. Мы связаны с вами одной веревкой. Ну, как? По рукам?

Зденек, наконец, сдался, и Карранти предложил ему прорепетировать сцену допроса.

— Великолепно!— воскликнул он, когда «допрос» был закончен.— Так вот вы держите себя и в гестапо.

— Когда мы приступим к делу?— спросил Зденек.

— Сейчас же. Откладывать — значит рисковать. Вас может кто-нибудь увидеть.

Зденек встал. Весь вид его выражал готовность.

— С чего начнем?

— Во-первых, вам нужно будет изменить прическу. У вас плохие волосы, попробуйте смазать их вазелином... и зачешите назад; лоб должен быть открытым. Вы всё найдете в ванной комнате. Потом Мазелли подберет для вас подходящую немецкую форму. Михайло любил появляться в Триесте одетым под немца. Да, оружие у вас какой системы?

— Парабеллум.

— Сойдет... Ну, и в-третьих, я поручу синьору Мазелли немедленно проводить вас к порту, скажу ему, что вас интересуют военные корабли немцев. Он не знает, зачем вы ко мне присланы.

— А если мы наткнемся на фельджандармерию, и я не успею покончить со стариком?

— Около Мазелли вы можете считать себя в безопасности,— его никто не тронет.

— Когда нужно будет стрелять?

— Чтобы получше рассмотреть порт, вы выйдете за пределы города и подниметесь на возвышенность... Там мы вас и найдем. Стреляйте, как только слышите наши шаги.

— Я могу пройти в ванную комнату?— спросил Зденек.

— Да, пожалуйста. Я пойду за Мазелли.

Минут через тридцать Зденек, в форме немецкого офицера, шел вместе с Мазелли по захолустным улицам Триеста.

Старик едва попевал за Зденеком. Чтобы не отстать от агента, ему приходилось бежать за ним по-петушиному, вприпрыжку. Всю дорогу агент молчал. Мазелли для него словно и не существовал. С тех пор как у Мазелли поселился американец, с ним, Мазелли, совсем перестали считаться. Ах, с каким удовольствием убрал бы он Беннета со своего пути!

— Поторапливайтесь, синьор, поторапливайтесь,— на ходу бросил Зденек,— время не ждет.

— Прошло мое время!— прерывисто вздохнул Мазелли.— Не тот у меня возраст, чтобы бегать по улицам. Однако он ускорил шаги.

В портовой части города было безлюдно. Только у гранитного пирса, где в ряд стояли носами к берегу военные корабли, медленно, лениво прохаживались часовые. Береговая охрана. На площади показался человек в штатском. Он приблизился к часовым, фамильярно крикнул им:

— Как дела, ребята?

— Да, вроде, ничего,— ответил высокий немец.— Взрывов нет, погода хорошая...

С моря дул теплый, свежий ветерок.

Человек в штатском оглянулся и, посерьезнев, сказал:

— Вот что, ребята. Я заметил сейчас на берегу двух подозрительных людей. Надо их взять.

Высокий немец усмехнулся:

— Подозрительных тут полон город.

— Я знаю, что говорю,— жестко сказал человек в штатском.— Их надо взять. Кажется, это крупная добыча.

Немец с рябым лицом, возглавляющий, повидимому, охрану, спросил:

— А почему мы должны вам верить?

Карранти.— это был он — протянул рябому оранжевый пропуск, выданный ему Шульцем.

— Где они?— коротко спросил рябой.

— Я проведу вас...

...У Мазелли был жалкий вид, когда он карабкался на высокий холм, откуда просматривалась бухта. Он шел впереди, но то и дело терял равновесие, пятился назад, и тогда Зденек подталкивал его. Наконец, Мазелли, тяжело дыша, остановился:

— Может быть, вы подниметесь без меня, а я подожду вас внизу?

— Нет, синьор, мне нужны будут ваши разъяснения,— хмуро бросил агент.

Мазелли снова начал взбираться наверх. В это время снизу донеслись чьи-то шаги. Услышав их, Зденек

вынул из кармана парабеллум, неспеша поднял его, прицелился и выпустил в затылок Мазелли одну за другой две пули. Мазелли, по инерции, шагнул вперед, к вершине холма, на сотую долю секунды замер, словно раздумывая, стоит ли сделать еще один шаг, и ничком рухнул на землю.

Подбежав к нему, Зденек, для верности, выпустил в расprostертое тело еще несколько пуль. Но тут подоспела береговая охрана, и Зденек услышал резкий голос Карранти: «Взять!». Он оглянулся на голос, увидел Карранти. На лице его отразились гнев и изумление:

— Так вот ты где, предатель!

И Зденек плюнул Карранти в лицо. Все шло как по писанному. Вот только с плевком Зденек переборщил...

Зденек попытался было отстреливаться, но обнаружилось, что магазин его пистолета пуст. Тогда он, в отчаянии, швырнул пистолет в солдата, который первым бросился на него. Тяжелый парабеллум угодил нацисту в переносицу; он повалился со стоном. Но тут же кто-то оглушил Зденека прикладом автомата, и он, охнув, схватился за голову... «Что ж,— мелькнула мысль,— Карранти действует правильно... Однако нелегко играть роль Михайло!»

В гестапо Карранти опознал в задержанном Михайло и договорился с Шульцем, что тот принесет ему протокол допроса. Зденека быстро привели в сознание, и он стал вести себя так, как учил его Карранти.

Уставший от кровопролитной войны, безразличный ко всему на свете, поняв, что партизаны продержатся недолго, что дальнейшее сопротивление бессмысленно, мнимый Михайло раскрыл нацистам все, что знал о партизанах. При этом он держал себя мужественно, с достоинством, не как предатель, а как рыцарь, признавший себя побежденным.

Нацистов его поведение озадачило: не этого ждали они от Михайло. И Шульца, когда он пришел к Карранти, за все время их разговора не покидала настороженность.

Ознакомившись с показаниями арестованного, Карранти авторитетно заявил, что все они совпадают с истинной.

— А вы уверены, господин Карранти, что этот субъект и есть Михайло?— спросил Шульц.

— Вы думаете, что я вас обманываю?— с угрозой произнес Карранти.

— О, нет... Но вы могли ошибиться.

— Вы прекрасно понимаете, что ошибиться я не мог. Я хорошо знаю Михайло. Это он.

— Я что-то не таким его себе представлял,— с сомнением покачал головой Шульц.— Удивительней всего, что он считает игру партизан проигранной. И это в то время, когда русская армия одерживает на востоке победы!..— Шульц спохватился и прибавил:— Временные, конечно. Мы еще отбросим их далеко назад...

— А почему вы думаете, что Михайло этого не чувствует?

— Потому что все русские — фанатики. Они и дерутся, как фанатики. И Михайло не дался бы живым в наши руки!— Шульц помолчал.— Да вы посмотрите только ему в глаза... Это же глаза преступника, а не героя!

Карранти улыбнулся:

— А разве для вас он не преступник?

— Н-ну... преступник.

— Поэтому-то его глаза и не нравятся вам.

— Но я умею быть объективным...

— Нет, вы не хотите быть объективным,— возразил Карранти.— А с точки зрения городской черни, он — герой, и у него красивые черные глаза...

Разговор Шульца и Беннета напомнил своеобразный торг: Беннет пытался всучить свой подгнивший товар начальнику гестапо, а тот колебался: стоит ли ему платить за этот товар ту высокую цену, которая была установлена немцами, или разумней отказаться от него.

— Меня интересует еще один вопрос,— закуривая и предлагая сигарету Карранти, заговорил Шульц.— Каким образом Мазелли встретился с Михайло?

— Мазелли?..

— Да, Мазелли... Меня смущает все это потому, что Мазелли... гм... наш агент.

— А что на этот вопрос ответил вам арестованный?— ничем не выдав своего удивления, спросил Карранти.

— Странно как-то ответил... Будто бы партизаны получали от Мазелли необходимые им сведения...

— Что ж в этом странного?

— Как что? То, что покойный Мазелли работал на партизан!

— А вы уверены, что он на них не работал?

— Абсолютно уверен.

— Основания?

— Он лично выдавал нам агентов партизан.

— Об этом знали партизаны?

— О том, что их агенты схвачены гестапо?

— Нет, о том, что их агентов выдает в Триесте Мазелли?

— Н-не знаю...

— Так вот: если бы партизаны знали, что Мазелли выдает их агентов, то его давно не было бы в живых!.. Постойте-ка... Мы, кажется, напали на верный след... Ну, конечно! Партизаны могли узнать, что Мазелли ведет двойную игру и решили покончить с ним. Вы же знаете, как они поступают с изменниками.

— Да вы что, серьезно думаете, что Мазелли действовал заодно с партизанами под самым моим носом?

— А почему бы и нет?.. Старик, видимо, работал чисто...

Недоверие не исчезало с лица Шульца, и тогда Карранти, подавшись к нему, тихо сказал:

— Мне приходится открыть вам один секрет... Мазелли вел тройную игру.

— Какую еще?— выкрикнул Шульц. Он чувствовал себя совершенным идиотом.

— Вы, конечно, не могли знать, что Мазелли является резидентом американской разведки в Триесте.

— Этого не может быть!

— Может. А иначе как бы я очутился у него? Вы об этом не подумали?

— Чорт возьми! Подождите-ка: а он знал, что партизаны ищут вас?

— Наверное, знал.

— Но почему же, в таком случае, он не сообщил партизанам, что вы находитесь у него?

— Не знаю... Видимо, по той простой причине, что он лично отвечал за мою жизнь. Ведь он работал и на нас...

— А вы догадывались, что он связан с партизанами?

— Кое-какие догадки, конечно, были. Но старик умел заматывать следы.

Шульц задумался. Доводы у Карранти были веские. Да и не станет же он обманывать их! Разве не он выдал им Марту Кобыль, Николича и многих других агентов партизан? Это опытный разведчик, на него можно полагаться. Надо будет, кстати, попытаться у Михайло: почему он убил Мазелли? Пока он отвечал на этот вопрос путанно.

— М-да,— Шульц пожал плечами,— все подозрительно совпадает!

— А почему это вас так расстраивает?

— Почему?... Видите ли, мне в этом городе многих приходилось допрашивать. Но даже под пытками они не выдавали своих сообщников. Они подыхали молча. Самым бесстрашным считался у них Михайло. И вдруг он взял да и раскрыл нам все свои карты!

— Когда, незадолго до войны, мне пришлось встретиться с несколькими русскими,— неторопливо заговорил Карранти, спокойно похлопывая ладонью по ручке кресла,— то я услышала от них одну очень удачную русскую поговорку: «У страха глаза велики». И сейчас, слушая, как вы восхваляете Михайло, я вспомнил об этой поговорке... Объясните мне, господин Шульц, чем заворожил вас этот ничтожный диверсант? Почему вы его так боитесь? И даже возводите в ранг легендарных героев! Ведь он, в сущности, только и делал, что пробирался в здания, занятые немцами, оставлял там взрывчатку и безнаказанно удирал. Такие-то обычно и раскисают при первом провале. Удача сопутствовала ему не потому, что он смел и неуловим, а потому, что вы плохо работаете. Не он сам напугал вас, а грохот взрывов... Вы говорите, что русские — фанатики. Да. Но не все же! И почему бы Михайло не признать дальнейшую борьбу безнадежной? От русской армии они изолированы, а в партизанском соединении у них немало врагов. Им придется бороться на два фронта. А это изматывает.

— Но ведь он же знает, что его повесят.

— А ему теперь все равно. В общем, поступайте с ним, как вам будет угодно. Я больше уговаривать вас не стану.

Шульц поднялся с места. Что ж, Карранти по-своему прав. Не слишком ли они и впрямь раздули всю эту историю с Михайло?.. Ведь это же верно, что до сих пор гестапо работало из рук вон плохо. Сейчас же Шульцу представлялась возможность доказать, что гестаповцы не сидят сложа руки. В конце концов, кем бы ни был пойманный ими,— а Шульц все больше сомневается в том, что это Михайло,— повесив его, они ничего не теряют. Наоборот, казнь этой Шульц сломит дух городской черни. Пора, наконец, развеять миф о неуловимом партизане. Пора!

Казнь Михайло была назначена на следующий день, в двенадцать часов, на площади Гранде.

Еще с утра нацисты принялись сгонять на площадь жителей города. Вскоре вся площадь оказалась запруженной народом. Крыши домов были усеяны мальчишками, одетыми в живописные лохмотья.

Виселица, установленная на высокой площади, чтобы все видели, как произойдет казнь, была оцеплена двумя рядами эсэсовцев; они стояли лицом к толпе, держа наготове автоматы.

— Марио,— кричала бледная женщина, глядя вверх, на высокую крышу, облепленную мальчишками,— Марио, сейчас же спускайся вниз! Нечего тебе смотреть на это...

Марио, косягазый мальчик лет одиннадцати в ответ только скорчил рожу. Его приятели дружно расхохотались. Женщина пригрозила с досадой:

— Ну, Марио, можешь не приходить больше домой!

— Приду, мама! Посмотрю — и приду.

В этот день в городе были удвоены патрули. Триест, по выражению Шульца, «заперли на замок», чтобы партизанам не удалось помешать казни.

Без пяти двенадцать на площадь с грохотом въехали несколько машин, из которых высыпали вооруженные солдаты; расталкивая людей прикладами автоматов, они проложили в толпе длинный, узкий коридор, по которому прошли сначала гестаповцы, затем Шульц в сопровождении адъютанта и, наконец, арестованный. Он шел

медленно, гордо вскинув голову. При виде его толпа поддалась было, вперед, но, наткнувшись на эсэсовский за-
слон, снова отхлынула, взволнованно гудя.

«Скорее бы кончалась эта комедия», — брезгливо думал Зденек, оглядываясь на людей, прислушиваясь к их сочувственным голосам... Вдруг небо над площадью забелело листовками: они кружились в воздухе, плавно опускались на толпу. Один из гестаповцев, шедший рядом с «Михайло», схватил листовку, развернул ее. Зденек с любопытством заглянул краем глаза в листовку: «Не робей, Михайло!» — прочел он.

Несколько листовок передали Шульцу. Он пробежал надписи, придуманные ребятами. «Мы тебя не забудем, Михайло!», «Да здравствует Михайло!», «Мы будем такими, как ты!». Шульц позеленел от бешенства.

— Стреляйте! — заорал он, топая ногами. — Стреляйте в этих сорванцов!

Гестаповцы пустили по крышам несколько очередей из автоматов. С крыши донеслись свист и ругань мальчишек, кто-то пронзительно крикнул, этот крик смешался с криками людей, находящихся на площади, толпа завоновалась, женщины бросились в подъезды домов... Ребят с крыш словно ветром сдуло. Лишь возле одной из водосточных труб безжизненно свесилась вниз тонкая детская рука.

Зденек был безучастен ко всему, что происходило вокруг. «Скорей бы конец...» — снова подумал он, приближаясь к виселице. Его подтолкнули сзади, и он поднялся на площадку. «Все идет, как задумано... Сейчас мне свяжут руки...»

Ему связали руки.

«Так... Остается только зачесть приговор... И все!»

Зачли приговор.

«Теперь все в порядке... Ах, да, мне ведь нужно еще подняться на этот высокий табурет... Ну, вот, ритуал совершен полностью... Я, кажется, вел себя не так уж плохо... Сейчас, вон за тем домом, покажется машина... нет, скорее, мотоцикл... С него сойдет эсэсовец, вручит Шульцу депешу, и я спасен... Скорей бы заканчивалась эта дурацкая комедия! Противно видеть глаза этих людей, полные скорби и сочувствия... Перестрелять бы их всех.

Все они заодно с Михайло. Ну, да я запомню их всех... запомню!..»

Тут он заметил, что один из гестаповцев, длинный, с засученными руками, открывающими волосатые руки, подносит к его голове петлю.

«Что это? — забеспокоился Зденек, с тревогой озираясь вокруг. — Об этом мы не договаривались. Зачем это им понадобилось? Для полноты эффекта? Нет, тут что-то не то. Где же этот человек, почему он не приезжает? Идиоты, что они так раскричались! Можно подумать, что меня и в самом деле... Стойте же!» Глаза у Зденека расширились от ужаса, он хотел крикнуть что-то, но длинный гестаповец, набросив на него петлю, потной ладонью зажал Зденеку рот. Шульц махнул рукой, из-под ног Зденека вышибли табурет, тело его скользнуло вниз, из горла вырвался предсмертный хрип...

И в эту же минуту в городе раздался оглушительный взрыв такой силы, что люди на площади почувствовали, как дрогнула под их ногами земля. Зазвенели сотни оконных стекол, вылетевших от мощной взрывной волны. Сперва никто не мог понять, откуда именно донесся взрыв, и толпа на мгновение замерла, а потом хлынула по направлению к фашистской казарме. Площадь опустела. Только труп Зденека раскачивался под охраной двух эсэсовцев. Остальные нацисты, смешавшись с толпой, устремились к месту взрыва.

Карранти был взбешен наглостью партизан. Среди бела дня, под самым носом у гитлеровцев, взорвать огромную казарму! Это был неслыханно дерзкий вызов.

Шульда же взрыв казармы снова привел к невеселым размышлениям: существует ли реальный Михайло или не существует, попадет ли он, наконец, ему в руки или нет, но партизаны будут продолжать свои наглые диверсии и, очевидно, попрежнему будут распространять слухи, что это дело рук Михайло, будь он проклят!

Многое говорило за то, что они повесили все-таки какого-то партизана. Слова повешенного, которые он выкрикнул в лицо Карранти перед тем, как его схватили, и о которых охранниками было доложено как о «загадочных», для Шульда вовсе не были загадочными и лишь подтверждали, что перед ним человек, знающий Карранти по брига-

де. Довольно правдоподобно объяснил задержанный под конец допроса и причины, по которым он стрелял в Мазелли: он сказал, что получил приказ штаба бригады расстрелять итальянца за предательство, встретился с ним в торговом квартале и попросил старика проводить его в военный порт.

Может быть, это был простой партизан, выдавший себя за Михайло? Нет, едва ли... Да, тут явно произошло какое-то недоразумение. Но не поделившись же своими сомнениями с Карранти — американским разведчиком, который успел уже окрутить Шульца вокруг пальца. Русские побеждали на востоке; союзники, перепугавшись русского наступления, начинали грозить с запада; вот-вот откроется второй фронт. С Карранти нужно было ладить. И свои подозрения Шульц затаил про себя.

Карранти перебрался в роскошные комнаты Мазелли. Теперь во всех комнатах, особенно в гостиной, стало просто, и она больше не напоминала помещение комисионного магазина, заваленное всевозможными редкостями, а стала похожей на дорогостоящий номер гостиницы в южных штатах Америки.

Вечерние посещения клиентов и «любовные вечера» в доме Мазелли прекратились. Это не вызвало удивления: хозяин дома умер.

Карранти решил оставить при себе лишь горничную Анну. Она, как убедился американец, умела держать язык за зубами и, кроме того, знала, кого впускать к нему, а кому не открывать дверей.

Удачно проведенная «операция» принесла Карранти немалые деньги; он почувствовал себя свободней, самостоятельней. Дела его шли хорошо, как никогда.

Однажды ночью в приемной резко зазвонил звонок.

Карранти вызвал к себе Анну.

— Посмотри, кто там, — приказал он.

Звонили не так, как обычно. «Кто же это может быть?» — тревожно подумал Карранти. Анна, в туфлях на босу ногу, пробежала по коридору, гулко стуча каблуками по прохладным мраморным ступенькам, спустилась вниз и, добежав до двери, испуганно спросила:

— Кто там? Что вам угодно?

Вместо ответа в узкую щель, служившую для переда-

чи писем, втокнули маленький конверт. Горничная была так напугана, что сперва не решилась даже притронуться к нему. Но потом, собравшись с духом, протянула руку, схватила конверт и побежала к Карранти.

Он успел уже одеться и перехватил горничную в гостиной.

— Что? — коротко спросил он.

Она молча протянула ему конверт. Карранти выхватил конверт у нее из рук, распечатал, прочел записку...

Лицо у него стало бледным, он прикусил верхнюю губу.

— Я должен уйти, — проговорил, наконец, Карранти. — Может быть, вернусь очень поздно. Двери никому не открывай.

Карранти ушел через черный ход. Выйдя на улицу, он повернул вправо и торопливо зашагал вверх по Виа Фортуна.

Добравшись до северной части города, Карранти остановился у длинного одноэтажного кирпичного здания, когда-то служившего, видимо, продовольственным складом, вытащил свой портсигар и закурил сигарету. Из темноты выступил молодой человек в черном поблескивающим дождевике.

— Что это вам не спится по ночам? — по-немецки спросил он.

— Страдаю бессонницей, — по-английски ответил Карранти.

— Все в порядке, — улыбнулся молодой человек, тоже перейдя на английский язык. — Идите.

Они завернули за угол. Молодой человек толкнул плечом массивные старые ворота. В запущенном саду стоял темного цвета лимузин.

— Садитесь, — предложил молодой человек, — и извините, что сам не зашел к вам: у вас могли быть посторонние.

Едва Карранти успел влезть в машину, как она рванулась вперед. Выхая на улицу, машина помчалась не по шоссе, а по проселочной дороге. Немцы по ней никогда не ездили, поэтому она не контролировалась партизанами. Дорога вела в сторону Италии. Молодой человек, так лихо управлявший машиной, был незнаком Карранти, и он решил не завязывать разговора.

Вдали, сбоку, мелькали очертания одноэтажных каменных домиков с плоскими крышами; они исчезали, и снова тянулись пустынные холмы... Так они ехали около двух часов. Там, где дорога раздваивалась, их остановил итальянский патруль. Молодой человек назвал пароль, и итальянцы пропустили машину. Дорога была неровной, но молодой человек вел машину на прежней скорости. Стрелка спидометра подрагивала, приближаясь к сорока милям. Вскоре начался подъем, а еще через час с четвертью машина стремительно понеслась вниз. Ветер свистел в ушах Карранти. Стрелка спидометра колебалась теперь около цифры 60. Держась обеими руками за спинку переднего сиденья, Карранти напряженно смотрел на дорогу. Впереди показался слабый огонек. Машина резко подошла итальянцы, и снова молодой человек назвал тот же пароль. Переехав через железнодорожное полотно, они очутились на гладкой утрамбованной дороге. Спидометр показывал 80 миль. Погода стояла тихая, а за окнами машины, казалось, свистел и бушевал ветер. Промелькнули дома. Было такое ощущение, будто машина движется гигантскими, но в то же время плавными прыжками. Вот она нырнула между двумя отвесными скалами и выехала на пустынный морской берег. Водитель сбавил скорость, и машина подкатила почти к самой воде. Молодой человек быстро вышел из машины.

— Прошу за мной!

У самого берега покачивался торпедный катер, на котором их ожидали двое матросов в американской форме. Молодой человек ловко прыгнул на борт катера и протянул руку Карранти. Но Карранти не принял руки: он тоже умел прыгать.

Карранти коротко поздоровался с матросами. За рулем катера встал его проводник. Заработал мотор, катер заскользил по мелким волнам. Нос катера вздыбился, Карранти обдали брызги соленой морской воды.

— Держитесь! — сквозь рев мотора крикнул ему рулевой.

«Неплохо натаскан! Зря только рисуется», — подумал Карранти, приглядываясь к молодому человеку. Он, видимо, прошел ту же школу, что и Карранти. «Наверно, умеет и сверхметко стрелять, и носить фрак... Интересно,

как бы он вел себя, если бы ему пришлось столкнуться с Михайло?»

Когда они отъехали далеко от берега, молодой человек выключил мотор. Нос катера наклонился и коснулся воды. Невдалеке послышался звон колокола, и катер повернул туда.

Вскоре Карранти увидел торчащий из воды горб подводной лодки.

— Примите на борт! — крикнул проводник. Он снова первым очутился на борту, снова протянул Карранти руку, но Карранти и на этот раз обошелся без его помощи.

— Прошу вниз... — остановившись у поднятой крышки люка, сказал проводник.

Карранти стал спускаться вниз по вертикальному трапу. Проводник фамильярно крикнул ему вслед:

— Желаю удачи!

Карранти шел по коридорам лодки, и матросы, на секунду оторвавшись от своих дел, провожали его любопытными взглядами. Ведь это из-за него им пришлось совершить опасную вылазку, приплыть сюда с самого юга Италии.

Пробираясь к кают-компания, Карранти отчетливо вспомнил виллу во Флориде. Тогда Карранти понял, что он уже не принадлежит самому себе... Точно такое же чувство овладело им и сейчас.

Вот и двери кают-компания. Карранти остановился, постучал.

Двери ему открыл сам капитан. Но Карранти не обратил на него внимания. Взгляд его остановился на полном человеке, который тихо покачивался в плетеном кресле-качалке. Человек был одет в светлый костюм. Грудь и лицо его закрывала газета, которую он читал, и Карранти были видны только широкие брюки, светлые легкие туфли и тонкие носки в мелких звездочках. Капитан вышел и прикрыл за собой дверь. Карранти продолжал стоять неподвижно, ожидая приглашения.

— Садитесь! — услышал он низкий зычный голос.

Карранти молча подошел к столу, на котором стоял сифон с содовой водой и недопитая бутылка виски, и сел напротив полного человека. Тот сложил газету, бросил ее на раскладной диван. Теперь Карранти мог рассмотреть его лицо. Он быстро встал и почтительно вытянулся

перед толстяком, покачивающимся в качалке. Это был один из видных советников «шестидесяти семейств» — Гарри Стоун. На Уолл-стрите все звали его — «Человек, делающий погоду», «Бюро погоды». Левая часть лица у Стоуна была парализована, глубокая складка выкривила левый угол большого рта, и это придавало лицу выражение безразличия.

— Садитесь же! — снова раздался зычный голос.

Карранти сел.

Стоун перестал раскачиваться, подался вперед и облокотился обеими руками на стол. Он смотрел на Карранти так, словно хотел разглядеть не только его лицо, но и душу.

— Вы знаете, зачем я предпринял это путешествие? — спросил он.

— Нет, сэр.

— Но вы должны знать, что для того, чтобы встретиться здесь с вами, мне пришлось обогнуть весь итальянский сапог!

— Да, сэр.

— И вам ясно, надеюсь, насколько серьезны дела, заставившие меня...

— Да, сэр.

— Вот что, Чарльз, нас интересует судьба Триеста.

— Понимаю, сэр.

— Нет, Чарльз, — небрежно и словно устало махнул рукой Стоун, — вы этого не понимаете... Не мешайте мне говорить, слушайте внимательно... Вы когда-то смотрели на вещи гораздо шире, чем теперь. Но, видимо, обстановка в Триесте действует на вас неблагоприятно. Послушайте, Чарльз. Нам нельзя потерять Триест. Теряя его, мы теряем крупную военно-морскую базу.

— В Триесте очень трудно работать, сэр.

— Поэтому-то мы и послали туда именно вас, Чарльз.

— Благодарю, сэр.

— Рано благодарить, мой мальчик. Вы не оправдали нашего доверия, — неожиданно сказал Стоун.

Карранти вскочил на ноги.

— Садитесь!

Стоун извлек из бокового кармана газету и протянул ее Карранти:

— Что все это значит?

Карранти молча развернул газету. Это был номер «Иль Пикколо», где под кричащим заголовком подробно, с фотоиллюстрациями, рассказывалась история смерти Мазелли и поимки «Михайло».

— Сколько вы заработали на этой комедии? — прерительно морщась, спросил Стоун.

— За голову Михайло было обещано 500 тысяч марок.

— Но вы же сами не верите, что повешенный — Михайло.

— У меня есть основания...

— А у меня нет никаких оснований, — перебил его Стоун. — Вы повесили нашего агента Зденека, успокоили этим нацистов и дали возможность настоящему Михайло безнаказанно хозяйничать в городе. Пожадничали и наделали бед!..

— Это не совсем так. Вам, сэр, я могу рассказать всё.

— Обязаны, — мрачно буркнул Стоун.

— Когда я увидел Зденека, я решил воспользоваться его сходством с пресловутым Михайло.

— А это так уж нужно было?

— Казнь Михайло должна была устрашить городское население, сломить, подорвать его дух. А настоящего Михайло опасаться нам нечего. Он убит.

— Вздор.

— Но я сам убил его!

— Так какого же чорта вы молчали раньше? Вздор, Чарльз, все это вздор. Я, пожалуй, поверил бы вам, если бы взрывы в Триесте прекратились. Но они продолжают. Михайло жив, он действует! Дело, однако, не только в Михайло, Чарльз. Увлечшись мелочами, вы упустили из виду нашу главную цель. То, что происходит сейчас на востоке, Чарльз, это только игра в войну. Через год эта игра благополучно кончится, и мы начнем готовиться к настоящей войне, которая и решит судьбу планеты. А для того, чтобы будущая война завершилась в нашу пользу, нам нужно создать целые созвездия военных баз. Одной из важнейших является для нас Триест.

Стоун помолчал.

— Теперь, я надеюсь, вы понимаете, что пора прекратить мелкие интрижки, которыми вы занимались в Триесте, и начать действовать крупно. Чьим бы ни был

Триест,— он должен быть нашим. Покупайте всех, кого можно! Вам и для себя следует учесть, что ваши американские покровители во много раз богаче тех, которые заплатили вам гроши за голову жалкого пройдохи. Вы можете рассчитывать на нашу щедрость, но помните, что мы не любим бросать доллары на ветер. Вы поняли меня, Чарльз?

— Да, сэр.

— Вывод?..

— Не зарываться.

Стоун исподлобья одобритительно взглянул на Карранти, но сказал с прежней строгостью:

— Это уж, кстати, не первый агент, которого вы отправляете на тот свет. Вспомните-ка историю с номером двадцать третьим! Всего этого достаточно для того, чтобы мы рассорились с вами. Вы представляете, конечно, чем это вам грозит?..— Стоун вдруг усмехнулся.— Но, откровенно говоря, мне нравится, что вы умеете делать деньги. Правда, если бы мне не пришлось сейчас увеличить ваш гонорар почти вдвое, я не был бы уверен, что вы будете работать на нас, а не на себя. Поступки свои надо уметь оправдывать, мой мальчик, потому что борьба за деньги имеет свои законы, и законы эти требуют хотя бы иллюзии бескорыстия. Чего, кроме денег, добились вы этой бутафорской казнью? Вы хотели отделаться от Михайло, вы вешаете мнимого Михайло, чтобы сломить дух борющейся черни, а чернь не верит вам, не верит, потому что Михайло продолжает взрывать дома. Да если даже и не Михайло— не все ли равно?.. Размаха, побольше размаха, Чарльз! Не забывайте, что в штабе партизанской армии есть наши люди. Вам нужны сейчас деньги?

— Нет, сэр.

— Вы довольны Шульцем?

— Он бездарен.

— Хорошо, я позабочусь, чтобы в Триест отправили дивизию отборных нацистов для борьбы с партизанами. Это немного облегчит вашу работу.

— Благодарю, сэр.

— Как обслуживают вас наши агенты?

— Не жалуюсь, сэр.

— Вы найдете дорогу обратно в Триест?

— Да, сэр.

— Желаю удачи,— сказал Стоун, поднимаясь с калчалки.

— Благодарю, сэр. Можете считать, что Триест у вас в кармане!

— Амины!— улыбнулся, наконец, Стоун.

На прощанье он удостоил Карранти рукопожатия.

Когда Карранти вышел на борт подводной лодки, началось свечение.

— Подвезти вас?— предложил уже знакомый ему проводник.

— Благодарю,— высокомерно улыбнулся Карранти,— я сам.

Спрыгнув в катер, он встал за руль и, подождав пока матросы отдадут концы, включил мотор. Катер рванулся вперед, подобно разъяренному гусю, который, распластав крылья, полубежит, полуполетит по воде... Вдруг Карранти увидел, что от берега оторвался еще один катер и побежал, полетел по волнам им навстречу... Карранти чуть сбавил ход, чтобы разглядеть, кто еще прибыл к Стоуну... Но встречный катер мелькнул с такой быстротой, что Карранти еле успел заметить двух пассажиров, одетых не то в немецкую, не то в итальянскую военную форму. «Сейчас Стоун,— с усмешкой подумал Карранти,— создаст для них иллюзию бескорыстия». Ну, конечно же, он приехал сюда не только для того, чтобы встретиться со мной! Было бы смешно, если бы Стоун лишь из-за меня обогнул итальянский сапог. Нет, тут дела посерьезнее...»

Достигнув берега, Карранти сел за руль поджидающего его лимузина и в середине дня въехал в Триест. Машину он ввел прямо во двор своего дома и, как всегда, поднялся наверх через черный ход.

Первое, чего ему хотелось,— это отдохнуть, а потом уже начать действовать.

глава восьмая

Окрестности Триеста, и особенно окружающие Триест горы, по бедности своей, по суровости очень схожи с живущими там людьми. Пришла весна. Земля оделась

в весенний наряд, и наряд этот подобен праздничному платью бедняка, сотни раз стиранному, со следами усердной утюжки...

Днем было жарко, а сейчас тени стали мягкими, солнце словно остыло; его теплые, ласковые лучи падали косо, покойно освещая редкие, но все же по-весеннему свежие побеги кустов. На склоне горы молодые крестьяне, разбившись на пары, плясали словенский танец, звуки старого аккордеона то относились ветром в сторону гор, то слышались снова. Музыкант, видно, был самоучкой, он безбожно перевирал мелодию. Но молодежь словно не замечала этого, ей хотелось танцевать. Девушки плясали в ярких разноцветных платьях, а юноши в светлых вышитых рубахах...

Мехти, получив очередное задание, направлялся со своими друзьями в Триест. Он задержался на минуту, взглянул вдаль. На фоне молчаливых зеленых елей четко выделялись крохотные фигурки танцующих. Мехти хотел позвать отставших от него Васю и Анжелику, но потом раздумал.

Чтобы не привлечь к себе внимания рыскающих всюду карательных отрядов, Мехти обрядился в костюм бродячего художника, прихватил с собой этюдник. В назначенном месте он должен был оставить все это и, переодевшись, идти в Триест.

Из-за холма выглянула лесная дикая яблоня, одиноко растущая среди молодых дубов. На их ветвях уже появились первые крохотные бледнозеленые листочки. Мехти залюбовался нежными переливами красок... У яблони переход от белого цвета к светлорозовому почти не заметен, и, может быть, поэтому лепестки кажутся воздушными... Мехти постоял мгновение, вздохнул: надо было идти дальше...

А Вася и Анжелика весело болтали всю дорогу, смеялись, потом начали спорить: кто правильно определит, какое дерево цветет впереди. Три раза выиграла Анжелика, раз десять — Вася.

— Яблоня! Дикая яблоня! — крикнула Анжелика и пустилась бежать вперед.

Она бежала легко, но Вася не отставал от нее, он не хуже Анжелики научился карабкаться по горам. Вот он уже рядом с ней, протягивает руку, но она ускользает

от него. Щеки у обоих покраснелись, глаза горят... Они останавливаются в кустах можжевельника. Перед ними хилое невысокое дерево.

— Опять ошиблась, — улыбается Вася и с видом затора качает головой. — Это не яблоня, а самая обыкновенная груша. Притом дикая.

— Но почему груша? — протестует Анжелика. — Я же согласна, это яблоня.

— От твоего несогласия яблоки все равно на ней не вырастут! А вырастут груши, — мелкие, кислые, самые настоящие дикие груши. Видишь, какие цветы? Как у вишни — белые, с мелкими лепестками; и ветки более суковатые, чем у яблони...

Анжелика молчит. Наконец, пережив очередное поражение, весело заявляет:

— Ты настоящий специалист, Вася, агрономом бы тебе быть! — Она смотрит вперед на дорогу и торопит своего товарища: — Идем, Михайло ждет нас.

— Висельник! — улыбается Вася и прибавляет шаг.

Но все-таки они отстают все больше и больше...

Вдоль дороги растут ореховые деревья, стройные, нарядные каштаны. Мехти не случалось видеть раньше, как цветет каштан. Он остановился под раскидистым деревом, посмотрел вверх. Вот кто по-настоящему праздновал весну! Меж молодых разлапистых листьев белело бесчисленное множество цветков каштана. Они были похожи на белые точечные свечи. Гордо высился каштан среди маслин и благородных лавров...

С гор спустились на землю длинные тени. Загорелись первые звезды, и чем гуще становилась тьма, тем ярче выделялись они на чистом, безоблачном небе. Звезды висели низко над землей, и казалось, что стоит взобраться на вершину горы — и достанешь вон ту, крайнюю звезду...

— Знаешь, Анжелика, — сказал Вася, — после того как у меня взяли кровь для Мехти, я почувствовал, что счастлива... А ты сделала меня совсем счастливым!

Анжелика молчала, напряженно вглядываясь перед собой: она боялась потерять из вида маячивший впереди силуэт Мехти. Но Мехти скоро исчез в сгустившейся темноте. Анжелика обернулась к Васе:

— Вася... Не надо об этом. Тебе просто показалось... Однако Васю можно было убедить в чем угодно, но только не в том, что Анжелика не любит его. Слишком тесно переплелись их судьбы...

— Ведь ты любишь меня, Анжелика?

— Не говори так!— взмолилась девушка.

— Нет, буду говорить. Я не хочу, чтобы ты мучилась. Я и сам совсем потерял голову!..

А Анжелику мучило одно: то, что Вася ничего не хотел понять. Да, он дорог Анжелике, так же дорог, как и Михайло. И если бы с Васей что-нибудь случилось, она наверное умерла бы с горя. Но это вовсе не то, о чем он мечтает. Анжелика, однако, не могла объяснить этого Васе и только вздохнула. А Вася говорил тихо, вдохновенно:

— Помню, когда я был пионером, мы летом каждый день ходили с ребятами в Катынский лес. Какой это лес, Анжелика! Там у нас были качели, высокие-высокие. Бывало, оттолкнешься посильней и взвнешься к самому небу! А когда летишь вниз, то кажется, что под ногами нет никакой опоры! Мелькают деревья, а ты летишь, даже сердце замирает! Скользнут над землей качели, взлетят вверх, застынут на мгновение. Земля где-то далеко внизу. Скот мирно пасется. Потом снова летишь вниз, снова замирает сердце.— Вася помедлил и почти шопотом добавил:— Так же, вот, у меня с сердцем, когда я вижу тебя, Анжелика. Сто раз в день увижу — сто раз замирает. А у тебя... тоже?

— Вася,— тихо, почти умоляюще сказала Анжелика,— но ведь война, Вася!

— Ну и пусть война, пусть трудно. Мы же люди, Анжелика! Вот покончим с фашистами. и поженимся. Конечно, надо сперва остаться в живых... Но даже если и умрем... Обидно же умереть, не зная, что тебя любят!

И Анжелика вдруг ясно представила себе улицы Триеста, где за каждым углом подстерегала их опасность. И она, и Вася не раз видели замученных, повешенных немцами людей. Вася знает, что его ждет. И все же он рвется в бой. Смелый, прямой, чистосердечный юноша! И любит он чисто и немного наивно. Как он сказал? «Летишь, летишь вниз, мелькают деревья, так что сердце замирает...» И он ведь не просит любви— а просто ве-

рит в нее, как верит во все хорошее, светлое, как верит в победу. Вася, Вася—он весь, как широкая русская песня, такая задушевная, человечная... И Анжелика любит слушать эту песню. А в нескольких шагах от нее, впереди, идет человек, при одном воспоминании о котором сердце ее заливает теплая волна. И она гонит от себя мысль о Мехти. Она старается держаться с ним просто, скрывая от самой себя тайну своей души. Да, качели, качели... Летишь, летишь, мелькают вот эти горы, виселицы в городах, дула автоматов. Смерть... смерть... Сердце сжимается, сжимается... Страх за друзей, за себя... А ты ничем не выдаешь своего страха, смело идешь вперед, и рядом с тобой—друг... А впереди столько боев!

Анжелика остановилась, взяла Васю за руку.

— Да, Вася, обидно умирать, не зная, что тебя любят! А нам с тобой ведь не будет обидно?

Она обвила его шею руками и поцеловала в губы.

Было темно, и Вася не видел ее лица...

— Идем,— шепнул Вася, схватив ее за локоть,— догоним Мехти.

И он быстро побежал вперед, увлекая за собой Анжелику. Счастье до краев переполняло его сердце.

— Вася!— Анжелика высвободила локоть.— Вася, только не говори ему ничего...

— Хорошо,— вздохнул Вася.

Мехти, поджидая своих товарищей, сидел на камне и каблук грубого ботинка ковырял землю. Взглянув на Анжелику и Васю, он чуть нахмурился. Что-то не понравилось ему в их настроении.

— Вы знаете, зачем мы идем в Триест?— спросил Мехти.

— А как же! Взорвать кинотеатр...— в недоумении проговорил Вася.

— На каждой улице Триеста нас ожидает ловушка, засада...

— Мы и об этом знаем.

Нет, настроение было обычным. Можно двигаться дальше.

Они дошли до прибрежного села и постучались в дом связанного, где должны были переночевать, с тем,

чтобы на следующий день, получив немецкое обмундирование, отправиться в путь.

Мехти и Вася решили спать в сарае, на груде соломы, а Анжелику в доме, с хозяйкой, которая и была связным подполья, руководимого товарищем П.

Хозяйка принесла в глиняной тарелке холодную козлятину. Мехти с аппетитом съел свой кусок, хотя мясо оказалось пресным: в доме не было соли. У них, в Баку, никогда не покупали козляного мяса. Привыкли к баранине; козлиного не любили. А сейчас Мехти мог бы съесть целых три куска, и хоть бы что. Все, все иначе на войне. Расхаживает, как ни в чем не бывало, корсиканец Дюэз, а в мирное время он не вставал бы с больничной койки. У Ферреро больное сердце, он носит при себе склянку с нитроглицерином, а никто об этом и не знает. Да и сам он, за делами, забывает о своем сердце. Человек не может чувствовать две боли сразу, на менее сильную он не обращает внимания.

Мехти был сильно утомлен и быстро уснул. А Вася и Анжелика долго еще стояли у дверей сарая. Они говорили о жизни, о будущем, о счастье.

Закинув голову, Вася увидел над собой чистое, светлое небо.

— А где же звезды?— спросил он удивленно.

Анжелика улыбнулась:

— Утром звезды ложатся спать, потому их и не видно. Это говорила мне бабушка. Пора и нам, а то скоро Мехти проснется...

— Спокойной ночи,— сказал Вася.

Анжелика тихо засмеялась, и они расстались и заснули безмятежно, как засыпают звезды.

Кинотеатр, как им сообщили, вмещал около восьмисот человек. Немцы ежедневно, для поддержания в солдатах и офицерах боевого духа, демонстрировали им фильмы, рассказывающие о непобедимости германской армии.

Анжелика должна была узнать в городе, когда начнется сеанс (он назначался каждый день в разное время, но всегда под вечер), и сообщить об этом своим товарищам. Решили войти в город с разных сторон: Анжелика с севера (там и находился кинотеатр), а Мехти и Вася —

с юга; они договорились, что подождут Анжелику на набережной, в парадном одного из домов.

Недалеко от города простились.

— До встречи!— махнула рукой Анжелика и повернулась, чтобы уйти.

— Анжелика,— тихо окликнул ее Вася.

Мехти из деликатности отошел в сторону. Анжелика шагнула к Васе.

— Береги себя!— сказала она громко, так, чтобы и Мехти слышал ее слова: они ведь относились и к нему.

— Будь и ты осторожна, Анжелика.

— До скорой встречи, Вася!

Анжелике хотелось сказать несколько слов и Мехти, но она не решилась. Вася улыбнулся девушке:

— Буду ждать тебя, Анжелика.

...Через полчаса Анжелика приближалась уже к одноэтажному зданию, похожему на огромный барак. Из темноты доносились смех и визг женщин, примостившихся перед кинотеатром на наспех сколоченных скамейках.

— Эй, барышня,— позвал кто-то Анжелику,— подойди-ка ко мне!

Анжелика подошла к размалеванной, раздушенной женщине, томно развалившейся на скамейке. Глаза у женщины были чуть прикрыты, зрачки казались застекляневшими. «Наркоманка что ли?»— с неприязнью подумала Анжелика. Оглядев Анжелику с ног до головы, женщина предложила:

— Хочешь, я познакомлю тебя с одним офицером? Красавец! Деньги пополам.

— А он не грубый?— спросила Анжелика.

— Это уж будет зависеть от тебя,— заметила сводня.— А ты откуда сама?

— С химического завода.

— Подходяще.

— Что ж, я согласна,— сказала Анжелика.

— Тогда погоди здесь, он сейчас придет.

— Нет, я должна предупредить дома, что вернусь нескоро. Побегу.

— Эй, милая,— крикнула ей вслед женщина,— возвращайся побыстрее: через полчаса сеанс.

«Через полчаса — значит, в половине восьмого», — подсчитала Анжелика.

Уже подходя к набережной, она услышала чей-то крик, топот кованых сапог. Улица была оцеплена. Фашисты, кто в штатском, кто в военной форме, останавливали каждого встречного, проверяли документы. Это была уже четвертая облава сегодня.

Вскоре задержали и Анжелику. Солдаты подвели ее к мужчине в штатском.

— Пустите, — вырывалась она от солдат, — я с химического, сейчас смена.

— Документы! — коротко потребовал штатский.

Анжелика достала из рукава документ, протянула ему.

— Пропустите! — бросил штатский.

Миновав еще три цепи, Анжелика почувствовала себя в безопасности и вместо того, чтобы повернуть к заводу, зашла на набережную. Это было грубой, непростительной ошибкой. За Анжеликой следили.

Перейдя улицу, она оглянулась и увидела позади двух мужчин. Анжелика замедлила шаг и еще раз тайком оглянулась. Один из мужчин шел уже по тому же тротуару, что и она. Потом он завернул в переулок и исчез. Исчез и второй. Анжелика остановилась. Было ясно: за ней следят. Что же делать? Снова перейти улицу — значит, выдать себя. Продолжать путь — значит, выдать и себя, и товарищей. Анжелика повернула обратно. Она была уверена, что ее тут же остановят. Так и случилось. Едва она дошла до переулка, как перед ней, словно из-под земли, выросли фигуры мужчин, которых она заметила прежде.

— Одну минуту!

Анжелика остановилась, спросила, разыгрывая удивление:

— Что угодно синьорам?

— Нам угодно, чтобы вы продолжали свою прогулку, — глядя Анжелике в глаза, проговорил знакомый ей мужчина в штатском, тот самый, что проверял у нее документы.

— Я и продолжаю, — улыбнулась Анжелика.

— Нет, вы вернулись назад. До этого вы направлялись к набережной.

— Синьоры ошибаются, мне нужно к химическому заводу.

— Почему же тогда вы шли в обратную сторону?

— Хотела подышать морским воздухом.

— Но вы торопились на завод, скоро смена, — терпая терпение, прошипел мужчина в штатском.

— Да, но у меня было минут пять свободных. Погода сегодня чудесная, а на заводе у нас душно от этой химии. Ой, сейчас будет гудок!

В самом деле, раздался глухой, протяжный гудок.

— Ну, вот и гудок, — забеспокоилась Анжелика, — а я тут заговорила с вами. — И она бросилась бежать к заводу.

Когда она добежала до середины улицы, путь ей преградили эсэсовцы. Анжелика остановилась, оглянулась. Она была окружена.

— Что здесь происходит? — спросил у начальника патруля только что подошедший коренастый мужчина, тоже в штатском, и показал маленький оранжевый прямоугольник.

— Да вот, какая-то девушка с химического завода. Документы в порядке, а ведет себя странно.

— Покажите ее мне!

Анжелику схватили, она стала отбиваться, кричать, чтобы ее отпустили, что за опоздание ее могут уволить.

— Осветите! — попросил коренастый, и Анжелика чуть не вскрикнула, увидев совсем близко от себя лицо Карранти.

Карранти отошел в сторону, позвал к себе начальника патруля.

— Куда она шла? — спросил он.

— В сторону набережной.

— Почему же вы не выследили ее до конца?

— Она вернулась с полпути.

— Промак! — в бешенстве процедил Карранти. — Вы напали на верный след и обнаружили себя! Это известная партизанка-разведчица. Вам знакомо имя Анжелики?

— Что? — вырвалось у начальника патруля. — Это она? Вы уверены в этом?

— Вы, лучше чем удивляться, постарайтесь немедленно исправить свою ошибку! Сейчас же оцепите весь

квартал и всю набережную. Проведите ее туда, скручивайте ей руки, ломайте кости, чтобы она орала на весь квартал! Может быть, те, к кому она шла, попытаются спасти ее. Во всяком случае, они где-то в этом районе. И не должны от нас уйти!

Стоя у круглого окна на втором этаже парадного, Мехти и Вася смотрели на улицу, чутко прислушиваясь к каждому шороху. Они заметно волновались.

Полчаса тому назад еще видны были мачты кораблей, стоявших на рейде, темные площадки пристаней; видно было, как дымилась трубы пароходов, как в сгущающихся сумерках серебрились мелкие волны.

Теперь все исчезло в вечерней мгле. Только по тихому плеску прибоя чувствовалось, что море близко.

— Уже совсем темно, — не отрывая взгляда от улицы, шепнул Вася.

Мехти молчал.

Вдруг послышался грохот автомашин. Через несколько секунд свет синих фар упал на приморскую площадь. С машин прыгивали солдаты и разбегались вдоль набережной; слышались короткие приказания. К площади подкатывали все новые машины.

— Что это значит? — с тревогой спросил Вася.

— Это, кажется, за нами, — с расстановкой ответил Мехти.

По мостовой, по стенам всё скользили синие лучи.

Вася почувствовал, что у него ослабели колени. Сердце оборвалось. Нет, не за себя он боялся. За Анжелику! Неужели она схвачена? «Она изворотлива, находчива... Нет, не может быть, чтобы Анжелика... Но почему тогда эта облава?»

За окном зазвенел, замирая, пронзительный крик. Вася отшатнулся от окна.

— Анжелика!

Земля словно ушла из-под его ног. Взлетев, оборвались высокие качели, и он падал, падал с огромной высоты, и мелькали перед его глазами виселицы... дула автоматов...

Новый крик Анжелики вернул Васю к действительности. Он прижал к груди автомат и кинулся по лестнице вниз.

Но Мехти оказался быстрее его. Он схватил Васю за плечи и потащил вверх. Между ними завязалась борьба.

— Пусти, пусти, Мехти! Они же убьют ее! Пусти! — хрипел Вася, сиюсь высвободиться из крепких рук Мехти.

Но Мехти, казалось, ничего не слышал. Все, что любил в нем Вася: доброта, душевность, чувство товарищества, смелость — все, казалось, оставило Мехти в эту минуту.

Втащив Васю на площадку, Мехти остановился.

— Анжелика! Анжелика! — в отчаянии выкрикнул Вася.

Мехти зажал ему рукой рот и сказал глухим, каким-то не своим голосом:

— Если ты не замолчишь... то не знаю, что я с тобой сделаю. Ты что, хочешь, чтоб и тебя убили?

Крик Анжелики звучал все отчаянней, он раздавался совсем рядом.

— Пусть убьют, — чуть не плача, прошептал Вася.

Прежде чем они убьют меня; я успею уложить человека двадцать. А схватят — так я буду рядом с Анжеликой. Отпусти, Мехти, прошу тебя...

Вася не договорил; он вдруг пошатнулся, в изнеможении прислонился спиной к стене.

Мехти чувствовал, что и его покидают силы. Он знал, какие муки приходится терпеть Анжелике, и едва сдерживался, чтобы не закричать.

Будь это прежде, Мехти, пожалуй, не стерпел бы, выхватил пистолет, выбежал бы на улицу, попытался сделать невозможное: вырвать Анжелику из лап гитлеровцев. И так было бы во сто крат легче, чем стоять неподвижно у окна, слушая, как кричит Анжелика. Но Мехти понимал: гитлеровцы только этого и ждут; весь их расчет построен на том, что партизаны не выдержат, кинутся на выручку товарища — прямо под фашистские пули. Нет! Стой здесь, Мехти. Ты же сильнее и умнее их... Анжелику ты все равно не спасешь, а других поставишь под удар: фашисты выйдут из кино невредимыми, и кто знает, сколько добрых, честных людей примут смерть от

их рук. «Прежде всего, ты должен заботиться об успешном выполнении заданий»,— вспомнились Мехти слова полковника. Во имя долга, святого долга ты должен победить самого себя, Мехти!

Сердце Мехти готово разорваться от неслыханной боли и жалости. И нужно было великое мужество, чтобы и остаться на месте, и не обессилеть от боли.

Здесь, в подъезде одного из триестинских домов, Мехти суждено было совершить подвиг, на который способны лишь истинно мужественные души, подвиг, который внешне ничем не приметен, но путь к которому лежит через страдание. И Мехти пришлось испытать этого страдания полной чашей: ведь там, на улице, мучился не кто иной, как Анжелика.

Наклонившись над Васей, Мехти потряс его за плечо: — Вася, друг, очнись! Очнись, Вася! Нам нельзя больше оставаться здесь. Вася, ты слышишь? Вставай!

Вася слышал голос Мехти как сквозь сон. Он смотрел на него помутневшими глазами. Сознание медленно возвращалось к нему.

— Вставай!— уже приказал Мехти.— Вставай, надо уходить отсюда.

И тут до них снова донесся голос Анжелики.

— Отпустите меня!— кричала она из последних сил.— Моя смена начинается! Моя смена начинается. Мне нужно торопиться! Отпустите, вы слышите?

Анжелика давала им знать: сеанс в кинотеатре начинается, спешите!..

— Спасибо, Анжелика, мы слышим тебя!— тихо, дрогнувшим голосом проговорил Мехти и повернулся к Васе.— Ты слышишь, Вася, она напоминает нам о нашем долге! Мы должны взорвать кинотеатр. Ты слышишь. Анжелика зовет нас!

Да, Вася слышал каждое слово Анжелики. Он медленно поправил свой пояс, хрипло сказал:

— Я готов.

— Только вот не поздно ли?— в тяжелом раздумьи промолвил Мехти, отходя от окна.— Они врываются в дома. Скоро придут и сюда.

Было ясно, что Анжелика, сама того не желая, привела немцев на набережную. И надо было немедленно выбраться из этой западни.

— Что же ты ждешь,— нетерпеливо выкрикнул Вася,— скорей туда, к кинотеатру!

— Да... если это удастся,—думая о том, как им уйти отсюда, сказал Мехти.

Внешне он казался сейчас спокойным, но мысль работала с лихорадочной быстротой. Перед тем как выйти это парадное, он тщательно изучил все входы и выходы из него. Это был большой дом, с выходами на разные улицы, с несколькими парадными подъездами. Но ведь оцеплен весь квартал, и дороги закрыты со всех сторон. Единственное, что играло им на руку,— это темнота и немецкая форма, которая была на обоих.

Мехти подошел к окну, окинул взглядом площадь. На ней было полным-полно немцев. Они входили во все парадные и ворота, выволакивали оттуда людей. Люди не понимали, почему их хватают и проверяют документы. Кричали и бранились. На площади поднялась страшная суматоха. Мехти увидел, что немцы подходят к дому, где находились они с Васей. Как будто только этого он и ждал.

— Идем, Вася! Скорее!— заторопил он.— Нам надо затеряться среди солдат. Понимаешь? Как будто мы вместе с ними ищем партизан.

— Понятно.

С силой распахнув парадные двери, они выбежали на улицу. Навстречу им кинулись трое эсэсовцев. Эсэсовцы были явно озадачены: когда же эти двое успели войти в подъезд, в который еще никто, вроде, не входил?

Но Мехти не дал им времени для размышлений:

— Скорее на чердак,—скомандовал он.— и возьмите побольше людей, взломать двери!

Он повторил это приказание нескольким эсэсовцам, и через минуту до пятнадцати гитлеровцев бежали уже на седьмой этаж, к чердаку.

Вася озирался по сторонам, ища глазами Анжелику. Но Мехти сильно толкнул его в бок:

— Вперед и налево,—шепнул он.— Там больше немцев.

Вася шел машинально; мысли его были сбивчивы. Среди этой толпы находится и Анжелика... И ее мучают. А он, Вася, знает об этом и все-таки оставляет ее на растерзание этим зверям.

— Налево, налево! — еще раз напомнил ему Мехти. Он видел, что с Васей творится неладное и был поэтому напряжен вдвойне.

Слева от них, справа, впереди и сзади сновали немцы. Мехти искусно лавировал между ними, постепенно продвигаясь вперед. Если им удастся миновать и этот вот угол, то они забегут во двор противоположного дома и смогут выйти через другие ворота за кольцо облавы.

Не доходя тридцати шагов до угла, Мехти вдруг замер, как вкопанный. На углу, в бледном свете фар, стоял Карранти. Он что-то внушал двум нацистам.

— Назад! — тихо приказал Мехти. — Нет, уже поздно. Он заметил нас. Видишь — зовет. Надо идти на него и, поравнявшись, стрелять. Только бы не промахнуться!.. А за Анжелику, Вася, не обижайся. Я не мог поступить иначе.

Вася в упор смотрел на Карранти.

— Пошли! — сказал Мехти.

Они шли быстро, так же, как и все вокруг них. Осталось семь-восемь шагов...

— Я не могу больше! — сквозь зубы процедил Вася.

— Подожди.

— Ну! Теперь — можно?

— Подожди.

Вася хорошо видит лицо Карранти, который, поджидая их, смотрит почему-то в сторону.

— Что же ты медлишь, Мехти?

Но тут произошло нечто неожиданное. Когда они поравнялись с Карранти, тот обернулся к ним и в бешенстве закричал:

— Что вы так плететесь! Так вы и черепаху не догоните! Скорее налево, в третий подъезд!

Карранти не узнал их в темноте, принял за своих, и это спасло ему жизнь, а Мехти и Васе дало возможность, войдя в подъезд, выбежать оттуда во двор... Путь был свободен.

Они понимали, что спаслись чудом. И они, и Карранти. Так уж случилось. Карранти искал их, они давно уже искали Карранти и все никак не могли напасть на его след... А вот встретились — и пришлось разойтись. До новой встречи...

Вася, понявший, что только Карранти мог узнать и выдать Анжелику немцам, уже сейчас мечтал об этой новой встрече, жалел в глубине души, что рядом с ним был сегодня Мехти. Если бы не Мехти, он давно бы разрядил свой автомат в американца, которого ненавидел сейчас больше всего на свете.

Ненависть заслоняла от Васи все, что было вокруг него, и он не помнил, как вывел его Мехти в тихий, узкий переулок.

Мехти и Вася вошли в зал кинотеатра, когда сеанс уже начался. На экране армия третьей империи переходила линию Мажино.

Мехти искал место поближе к выходу. Но все места были заняты. Им пришлось пробраться к задним рядам. Глаза их не привыкли к темноте, и они шли ощупью, толкая солдат, наступая им на ноги. Отовсюду слышалось шиканье. Мехти и Вася шли как по краю пропасти.

Наконец, они нащупали свободные стулья. Мехти потянул Васю за рукав и они сели. Взрывчатка была в сумках. Оставалось раздавить капсулы детонаторов, и через полчаса кинотеатр взлетит на воздух. Они сняли свои сумки и «для удобства» спрятали их под стульями, на которых сидели. Мехти толкнул Васю локтем, и они, почти одновременно, раздавили капсулы в карманах.

Теперь можно было посмотреть на экран.

Демонстрировался фашистский фильм «Разгром Европы». Небо кишмя кишело «мессершмитами», все живое на земле гибло под гусеницами танков с черной свастикой и белыми черепами, дома превращались в руины, море бороздили бесчисленные военные корабли. Война шла и под водой — морские пираты, все как на подбор, здоровенные, с традиционными длинными бородами, торпедировали французскую эскадру, и гигантские столбы воды вздымались там, где секунду назад находился корабль.

Это было внушительное зрелище, долженствовавшее вселить веру в «сверхчеловеческую» силу гитлеровцев.

В вагоне, в Компьенском лесу, разыгрывалась комедия капитуляции Франции. Гитлер довольно потирал руки. И снова начинали сменяться кадры, показывающие победу за победой...

Но немцы, находившиеся в зале, смотрели фильм равнодушно: все это давным-давно прошло и уж не повторяется...

А Васе и здесь не сиделось. Жажда мести томил его... Так и подмывало пустить автоматную очередь в головы сидящих перед ним фашистов. «Если бы не Мехти. Если бы только не Мехти...» О себе Вася не думал, но не мог же он допустить, чтобы пострадал Мехти. Это было единственное, что сдерживало Васю.

А с экрана гремели пушки, выли минометы, ревели «мессершмиты», с бреющего полета обстреливающие мирных людей... Пала Чехословакия, фашисты триумфально двигались к Польше. Всё склонялось перед их мощью.

На экране — сцена расстрела женщин и стариков. Крупным планом показаны лица солдат; это — «национальные герои».

— Это я! Это я! — крикнул вдруг один из солдат, сидевших в зале. — Вы видели? Это был я!

Но никто не отозвался, никто не похвалил его... Все это было в прошлом, в далеком прошлом.

Пожалуй, многих из сегодняшних зрителей можно было увидеть на экране, но они уже не вопили «это я!», как этот болван, который только раздражал всех своим криком. Солдаты предчувствовали надвигающуюся на них беду, и их беспокоила уже не судьба нацистской Германии, а своя собственная. Они хотели бы забыть обо всем, что глядело на них с экрана — это сейчас вовсе не поднимало их боевого духа, а наоборот, пугало их, служило против них беспощадным обвинением.

— А это долговязый Курт! — обратился Мехти к Васе, так, чтобы могли услышать и соседи. — Я его знаю. Я уже видел эту картину.

Вася не отзывался. До взрыва оставалось минут двенадцать.

— Да, это точно. Я видел эту картину, — еще громче повторил Мехти, подтолкнув Васю. Но Вася сейчас ко всему был безучастен. В ушах его все звучал крик Анжелики. Ему казалось, что крик этот звучит и с экрана, сквозь грохот танков и рев самолетов.

— Да, я вижу эту картину уже в третий раз, — и Мехти, поднявшись с места, потянул за собой Васю.

Снова отовсюду раздалось шиканье: тени Мехти и Васи легли на экран. Вскоре тени исчезли...

Вася и Мехти торопились уйти подальше. Они шли по той же дороге, по которой пришла сюда Анжелика.

На перекрестке, в средних кварталах города, они задержали шаг.

«Анжелика, родная... Ты услышишь, ты услышишь наш голос! И узнаешь, что мы живы, что мы мстим за тебя!» — думал Вася, смотря на город.

— Пора! — воскликнул Мехти.

И тут же послышался грохот взрыва. А через несколько минут улицы Триеста снова осветились синим, прыгающим светом фар, и все дороги, уходящие из города, закишели мотоциклами.

Однако Мехти и Вася были уже далеко. Они уходили по холмам, куда мотоциклисты подняться не могли. Бежать было трудно, разведчики спотыкались о кочки, о кусты, о камни, падали, снова поднимались, ползли...

Едва они миновали заброшенную каменоломню, как услышали лай собак, пушенных по их следу. Вскоре прогремели позади них первые выстрелы. Немцы стреляли наугад, но одна из шальных пуль угодила Васе в ногу, сорвала ноготь с большого пальца. В сапоге захлопала кровь. Заметив, что Вася сильно хромает, Мехти приостановился.

— Что с тобой?

— Пустяки. Палец.

Но Вася чувствовал, что бежать больше не может.

Лай собак чувствовался все ближе и ближе. Вот они появились на соседнем холме... Это были два разъяренных доберман-пинчеров; они, хрипя, рвались с цепей.

— Ложись, Вася! — крикнул Мехти и сам упал на землю. — Надо сначала убрать этих собак, а то они все нам испортят. Смотри, не промахнись!

Два выстрела слились в один. Отчаянно завизжали ищейки... Немцы, не переставая стрелять, ринулись к холму, на котором укрылись разведчики.

Несколько пуль рикошетом отлетело от большого камня, лежащего рядом с Мехти и Васей. Вскоре раз-

ведчики заметили в темноте силуэты множества солдат, которые быстро ползли вверх по холму. Мехти осмотрелся. Позади — крутой обрыв, поросший по склонам карликовыми соснами; левее начинался подъем в горы, там тянулась узкая проселочная дорога.

На проселочной дороге немцы догнали бы их очень быстро, а обрыва Васе, пожалуй, не одолеть.

Немцы подползали все ближе.

— Вася, — тихо сказал Мехти, — возьми мой пистолет, а мне дай свой автомат.

— Что ты собираешься делать? — настороженно спросил Вася, передавая ему оружие.

— Слушай меня, Вася. Налево от нас дорога. Видишь?

— Вижу.

— Так вот: я задержу их здесь минут на пятнадцать, а ты за это время должен успеть уйти как можно дальше. Если я не догоню тебя, ты не жди, а постарайся добраться до лагеря.

— Нет! — твердо сказал Вася.

— Вася, у нас считанные секунды! Ты думаешь, я так просто дамся им в руки?! Да ни за что! Я спущусь по обрыву. Вряд ли кто-нибудь из них осмелится нырнуть туда за мной.

— Не пойду, Мехти!

— Вася, если ты останешься, мы погибнем оба. А так — оба спасемся. Немедленно отправляйся в лагерь. Выполняй приказ! Ну!

Вася ушел, то и дело оглядываясь, а Мехти открыл беглый огонь. Он давал из автомата короткую очередь и тут же менял место. Так, не позволяя немцам приблизиться, Мехти постепенно, ползком, пятился к краю обрыва. Вот ноги его повисли над обрывом; Мехти поджал их. Голову он укрыл за каменной глыбой. В Мехти полетели гранаты. Но каменная глыба надежно защищала его спереди, и только дождь из камней сыпался на Мехти. Сзади него гранаты не разрывались, а если и разрывались, то где-то далеко внизу: они не могли причинить ему никакого вреда.

Мехти давно мог бы скрыться от немцев, скатившись вниз по обрыву, но он не переставал думать о Васе: чем дольше он задержит фашистов, тем дальше уйдет Вася.

...Вася уходил по проселочной дороге. Сначала он бежал, забыв даже про боль в ноге. Но нога начала неметь, и Вася пошел медленнее. Он часто останавливался, прислушиваясь к звукам далекой перестрелки. «Что же он не уходит?» — с тревогой думал Вася.

Ему неудержимо хотелось возвратиться назад, к Мехти, но Мехти был прав: вдвоем они не смогли бы уйти от немцев. И все-таки, смел ли он оставлять друга одного? Вася попробовал было повернуть назад, но тут же сел на землю: острая боль пронзила ногу. Тогда он пополз в сторону леса. Перестрелка длилась еще несколько минут, а потом стало тихо...

...Поняв, что по ним уже не стреляют, немцы выждали несколько минут и стали осторожно ползти к камню, из-за которого только что раздавались выстрелы.

Однако ни за этим, ни за другими камнями они ничего не нашли. Оставалось считать, что они свое дело сделали: путь отсюда был только один — в обрыв, а сорвись с этого обрыва даже кошка, и та не осталась бы в живых.

Все же немцы, посоветовавшись, порешили на том, чтобы дождаться рассвета и, спустившись в обрыв, подобрать трупы и доставить их в Триест.

Но трупов нигде не оказалось.

Вася смог добраться до штаба бригады только к позднему вечеру, и то лишь с помощью местных крестьян.

Пока доктор промывал его рану, он довольно несвязно рассказывал стоявшим у его изголовья Сергею Николаевичу и Ферреро обо всем, что с ними случилось.

Вася был утомлен и измучен, но вовсе не болью в ноге, а всем пережитым за эти два дня. Не было рядом с ним Анжелики, которую он оставил в руках немцев, не было Мехти.

Все это походило на страшный, нелепый сон, и Вася хотел проснуться, отогнать от себя чудовищный кошмар... Однако кошмар этот был действительностью, и от нее нельзя было спрятаться, уйти, сделать так, чтобы не было того, что было... Нет, это было: и то, что они стояли у двери сарая с Анжеликой... и ее горячий шопот... и ненавистное лицо американца...

Весть о том, что Мехти все еще не вернулся, вконец потрясла Васю. Он вырывался из рук врача, кричал:

— Пустите меня, я знаю, где он! Нужно спасти Мехти!

Потом он стал выкрикивать совсем уже что-то непонятное и все твердил, что он не хотел уходить, не хотел...

— У него горячка — сказал доктор Сергею Николаевичу и Ферреро.

Сергей Николаевич отвел Ферреро в сторону:

— Надо немедленно отправить людей на поиски Мехти. Я пойду с ними.

— Нет, полковник, тут нужен человек, который знает вокруг каждый камень. С ними пойду я. А ты, на всякий случай, останься здесь.

Сергей Николаевич ответил не сразу. Ему было тяжело оставаться, и, откровенно говоря, в себя он верил больше, чем в Ферреро. Но Ферреро, действительно, знал здесь каждую кочку...

— Вы вот что... — стараясь сдерживать волнение, заговорил, наконец, Сергей Николаевич. — Вы поинтите как следует... Если же не найдете, то свяжитесь с товарищем П., пусть он разузнает о судьбе Мехти и Анжелики. Ох, не наделал ли он чего, горячка!

— Я все сделаю, — кивнул Ферреро.

Через десять минут большая группа вооруженных партизан спускалась по горной тропинке. Их вел Ферреро.

Итти оказалось труднее, чем он думал. Везде были немцы, и приходилось то и дело сворачивать в сторону, удаляться в глубь леса. С трудом достигли они обрыва, где Мехти вел недавно неравный бой с фашистами. Пуговицы от солдатских шинелей, пробитые пулями каски — все говорило о том, что Мехти уложил немало фашистов. Земля у обрыва была усеяна осколками гранат и камней.

«Да, трудно ему было, очень трудно», — думал каждый.

К Ферреро подошел крепыш-болгарин.

— Там, внизу, следы немецких сапог, — сказал он.

Ферреро оживился:

— Ведь Михайло тоже был в немецких сапогах.

— Там много следов... — хмуро повторил болгарин. Ферреро взглянул в овраг.

Ветви карликовых сосен были помяты, поломаны: кто-то хватался за них, катаясь вниз по склону...

Ферреро велел обшарить весь овраг. Но тут партизаны увидели карабкающегося к ним Сильвио. По тому, как он торопился, чувствовалось, что юноша — с важной вестью. Сильвио еще ночью был отправлен к крестьянке-связной, у которой ночевала группа Мехти перед тем, как итти в Триест.

— Что? — нетерпеливо спросил Ферреро, когда Сильвио, запыхавшись, остановился перед ним.

— Жив... жив Михайло! — радостно воскликнул Сильвио. — Он был там, переоделся, взял свой этюдник и тут же ушел.

— Куда ушел? — перебил его Ферреро.

— Как куда? К нам, в лагерь!

— Но у нас его нет!

Партизаны озадаченно переглянулись. Кто-то высказал предположение:

— А вдруг Михайло у немцев? Ведь он мог не знать, что вокруг немцы!

Командир промолчал.

Дальнейшие поиски ничего не дали. Ферреро был неутомим, он посылал партизан по одному, по два в занятые немцами села: ведь могло же случиться, что Михайло принял новый бой и был тяжело ранен. И каждый раз, когда посланные возвращались с вестью, что Михайло в селе нет и крестьяне не слышали, чтобы его схватили немцы, Ферреро в душе радовался: для него было бы жестоким ударом узнать, что Мехти в лапах у немцев.

Больше суток искали партизаны Михайло. Люди не смыкали глаз. Для них не существовало сейчас невозможного: они забирались в самое логово врага, где могли и любым способом добывали сведения о своем товарище. Особенно усердствовал Сильвио.

Вскоре в назначенном месте отряд встретился с Анри Дюззом, который принес от товарища П. сообщение, что Мехти в Триесте нет, а Анжелика брошена в гестапо.

— Бедное дитя, — нахмурил густые брови крепыш-болгарин и снял свою измятую шапку.

— Что вы снимаете шапку,— возмутился Сильвио.— Она же еще жива!

— Ее пытаются...— с трудом выговорил Дюэз,— но гестаповцы ничего не могут добиться от нее...

Ферреро побледнел, ему стоило огромных усилий сохранить самообладание. Когда Вася сказал ему, что Анжелика попала, он попытался успокоить себя тем, что Вася в бреду, многое пугает, и что на самом деле все, наверно, было иначе. Но сообщение товарища П. подтвердило слова Васи, и Ферреро с горечью понял, что они потеряли одного из самых юных и лучших товарищей — Анжелику, на которую он возлагал столько надежд в будущем.

Она схвачена, и, вероятно, ее убьют...

А что с Михайло? Загадку его таинственного исчезновения предстояло еще разгадать. И Ферреро продолжал бы поиски Михайло, если бы чрезвычайные обстоятельства не заставили его изменить свои планы.

Немцы все расширяли круг своих действий, занимали новые села и из себя выходили, требуя от крестьян, чтобы те указали им, где находится партизанская бригада.

Ферреро надо было немедленно возвращаться в штаб.

Мрачные, подавленные, шли партизаны назад.

Кругом ликовала весна; молодая листва светлела среди хвой вечнозеленых сосен; между желтыми каменными утесами зеленела трава. В воздухе носились пестрые бабочки, поднимались в небо стаи птиц, встревоженные появлением людей. Было тепло; солнечный свет сеялся сквозь листья деревьев, вырисовывая на скалах затейливые узоры...

Но ни Ферреро, ни его люди не замечали ничего вокруг. Мысли каждого были заняты одним: жив ли Мехти?

«Жив ли Мехти?» Этот вопрос в тысячный раз задавала себе старая женщина, которую Мехти называл Биби.

Биби сейчас лет семьдесят; лицо у нее — темное от бронзового загара и испещрено морщинами. Если бы

не тревога, морщин было бы меньше. Все же осанка у нее оставалась гордой, горе ее не согнуло.

Вот уже два года, как она не получала от Мехти писем. Старуха обивала пороги военкоматов, просила сделать новые запросы и получала все один и тот же ответ: «Пропадал без вести».

Надежда не покидала ее. Она бережно хранила костюмы Мехти, золотые часы его отца с надписью от правительства, берегла рисунки, альбомы, кисти, мольберт, все, что было дорого Мехти. Она берегла и память о его детстве: детские штанишки, вышитую золотом юбечку — аракчын.

Да, быстро промелькнуло детство Мехти. Он рос без отца и матери. Старая Биби сделала все, чтобы он не чувствовал себя одиноким, и Мехти любил ее так, как любят мать. Время шло... Из ребенка Мехти вырос в красивого сильного парня. И вот... его нет. На свете стало всего одним человеком меньше... а Биби казалось, что мир опустел.

Старуха не верила сообщениям, поступившим из военкомата. Она ходила по госпиталям: сядет возле постели раненого, поставит в вазочку на столике цветы, поправит подушки, познакомится и примется расспрашивать, не встречался ли он с ее Мехти. Она любовно описывала внешность своего племянника, его голос, походку, характер и при этом говорила только о хорошем в нем — плохого за Мехти она не замечала.

И раненые уверяли ее, что встречали много таких ребят, как Мехти. Они даже припоминали эпизоды, в которых он участвовал. Собственно говоря, они ничего не выдумывали, только заменяли имена своих боевых товарищей именем Мехти... Частые беседы сблизили раненых с Биби, а сама она обнаружила в этих простых парнях много-много общего со своим Мехти.

Не бывало дня, чтобы Биби не посетила своих «сыновей», как она их называла. И раненые от души полюбили добрую старую женщину.

Биби уже знали во всех госпиталях. Она вязала бойцам перчатки, узорчатые шерстяные носки, свитеры, стряпала азербайджанские сладости, подолгу просиживала у постелей тяжело раненых, была с ними особенно, по-матерински, ласкова.

Ее теперь часто можно было встретить на улицах Баку. Она всегда торопилась. Госпитали были разбросаны в разных концах города, и Биби успевала побывать за день не в одном.

Когда раненый выздоравливал и отправлялся обратно на фронт, Биби шла провожать его и на прощанье не забывала напомнить, чтобы он прислал ей весточку о Мехти, если где-нибудь с ним повстречается.

Сильнее всего привязалась Биби к раненому гвардейцу Саше Казакову. Ей казалось, что Саша больше, чем кто другой, походит на ее Мехти. «Только вот волосы у Саши русые и глаза синие... А так — будто от одной матери...»

Когда Саша надел свою форму и прикрепил к гимнастерке сержантские погоны, Биби взгрустнулось. Не хотелось ей расставаться с Сашей... Потом, опомнившись, она вытащила из сумки связанные ею перчатки:

— Пусть всегда греют они твои руки, — сказала она.

— Что вы, Биби? — улыбнулся Саша. — Весна же на дворе!

— Возьми, возьми, сынок. Мало ли что.

— Биби, а у меня тоже есть для вас подарок!..

— Нет, нет, что ты! Зачем мне подарок?

Но Саша протянул ей книгу.

— Возьмите, Биби. Это не только от меня. От нас всех.

Биби умела читать. Она прочла на обложке слово: «Мать».

— Это написал Горький, — сказал Саша. — Он написал это о вас, о том, какой вы были раньше... О нынешней Биби напишут еще много книг. Прочтите, хорошо?

— Хорошо, — ответила старуха.

— Мы еще увидимся!

— Приезжай. Обязательно приезжай!

И Саша уехал.

Медленно брела Биби с вокзала. Вот она завернула за угол, прошла по залитому солнцем проспекту Кирова, вышла к бульвару, к самому берегу моря. И вспомнила, что ей же нужно на Колодезную улицу, где тоже был госпиталь. Не дойдя до госпиталя, она остановилась пердохнуть на углу улицы Энгельса. Отсюда открывался вид на весь Баку, на корабли в бухте, на далекие, оку-

танные дымкой, корпуса заводов. Репродуктор пролил журчащую мелодию позывных. Сейчас переладут новые вести с фронта. Биби решила подождать сообщения Совинформбюро. Она раскрыла подаренную Сашей книгу и увидела на титульном листе торопливый Сашин почерк. Пошарила в карманах, в сумке. Вот напасть: забыла дома очки! «Что же он написал мне?» Биби почему-то забеспокоилась.

— Доченька, поди-ка сюда, — позвала она проходившую мимо девочку.

Девочка подбежала к ней:

— Что вам, бабуся?

— Прочти-ка, что тут написано, — попросила Биби.

Девочка взглянула на книгу:

— Это Горький, бабушка, — объяснила она. — Книга очень большая, а мне в школу...

— Ты прочти только то, что тут вот, сбоку.

И девочка прочла:

«Восславим женщину-мать, чья любовь не знает преград, чьей грудью вскормлен весь мир. Все прекрасное в человеке от лучей солнца и от молока матери, — вот что насыщает нас любовью к жизни.

М. Горький»

Биби не все поняла в скороговорке девочки, но почувствовала, что это хорошие слова.

Она взяла у девочки книгу и тихо шепнула:

— Спасибо.

И нельзя было понять, кого она благодарила: девочку, Сашу или Горького.

Из репродуктора, висящего на столбе, послышался спокойный голос диктора, оповещавшего весь мир о новой победе, о новых освобожденных городах.

Гордо вскинув голову, смотрела Биби перед собой, на свой родной город, и казалось ей, что это не город, а живой человек, богатырь, у которого сильные рабочие руки, умное суровое лицо и кристально чистое сердце, — как у ее Мехти...

Однажды утром Ферреро вышел из штабной палатки, и каковы же были его изумление и радость, когда он

лицом к лицу столкнулся с Мехти. Тот стоял перед ним, как всегда, в свитере, чисто выбритый, с мокрыми, гладко зачесанными назад волосами...

Мехти рассказал, что ему пришлось гостить в Плаве, занятой нацистами, у самого Шульца.

А случилось это так.

После того как Мехти чуть ли не чудом выбрался из глубокого оврага, он отправился к связной, где была скрыта его одежда, и, сняв немецкую форму, переоделся в темный поношенный костюм и белую рубашку с отложным широким воротником не первой свежести. Хозяйка посоветовала Мехти быть осторожным: еще ночью сюда заходили немцы; видно, искали кого-то... Мехти тепло поблагодарил ее и ушел.

В дороге он был очень осмотрителен; расспрашивал местных жителей, сочувствующих партизанам, были ли у них немцы, и если были, то в каком направлении ушли. Однако немцев никто не видел. Как потом оказалось, гитлеровцам удалось глубокой ночью, под покровом темноты, тайно проникнуть в горы, где они заняли несколько сед и перекрыли все дороги. Это был план Карранти. Он лично консультировал Шульца, как незаметней провести операцию... Обо всем этом Мехти ничего не знал.

Он поднимался по склону горы. С гор тянуло утренней прохладой, в ближнем селе тревожно мычали коровы, которых почему-то не угнали пастишь, блеяли козы. В другое время Мехти почувал бы во всем этом неладное. Но сейчас обычная настороженность изменила ему. Он мог думать только об одном: об Анжелике, о Васе... Лицо Анжелики, как живое, стояло перед его глазами. Она смотрела на Мехти с укоризной, словно спрашивала: «Что же вы, так и оставите меня в лапах палачей? Разве я мало для всех вас сделала добра?..» Мехти припомнил, как весело бегала она с Васей по горным склонам, любовалась расцветшими деревьями... Добрая, юная, мужественная Анжелика!.. Даже в самую горькую, трудную минуту своей жизни она думала о том, как выполнить долг перед товарищами. И она сумела сообщить им, когда начнется сеанс. Почему же они не выбежали навстречу фашистам, не отняли у них Анжелику? Нет, они ничего не могли бы сделать... Ничего. И только провалили в заднице Анжелику! В чем же ты сплеховала?..

Ведь ты ловка и находчива; и сколько раз обводила немцев вокруг пальца! И документ у тебя был настоящий... Как же ты попала?.. Ах, да... Карранти! Это он всадил тебе нож в спину... Как и мне когда-то... Верь же: мы отомстим за тебя, Анжелика!

Тревожно, беспокойно было на душе у Мехти. Он чувствовал себя так, будто его долго, жестоко били... И не сосчитать — сколько же ударов приняло его сердце.

Мехти шел по направлению к Плаве. Привычно сворачивал с одной тропинки на другую. И ничего не видел перед собой. Может быть, следовало бы выбрать другую дорогу, побезопасней. Но Мехти не терпелось узнать, что с Васей: Вася непременно должен был пройти через Плаву. Как-то у него нога? Дошел ли он до своих?..

Там, где тропа становилась совсем узкой и ели росли гуще, Мехти окликнули по-немецки:

— Стой! Руки вверх!

Не успел Мехти опомниться, как его окружили гитлеровцы. Поняв, что сопротивляться бессмысленно, Мехти обратился к ним, умышленно мешая немецкие слова с французскими:

— Послушайте... Что вы хотите со мной делать?.. Да отпустите же, я и сам могу идти... О, мсье, как бы вам потом не было стыдно.

Гитлеровцы переглянулись. Их эфрейтор замялся, потом сказал:

— Идемте. И смотрите — не вздумайте бежать.

— О, мсье, куда же бежать?.. Говорят, тут кругом партизаны.

В Плаве было много фашистов. Идя под конвоем гитлеровцев мимо домов, Мехти незаметно поглядывал на окна: не покажется ли знакомое лицо? Но все окна были наглухо забиты. Мехти не встретил никого из знакомых. Может, и к лучшему: крестьяне встревожились бы, увидев его схваченным, и это могло бы выдать Мехти.

Конвоиры Мехти остановились у дома, который охранялся эсэсовцами. В этом доме жила прежде Лидия Планичка, и Мехти часто доводилось бывать здесь. А теперь дом занят, наверно, под немецкий штаб. Да, так и есть. Мехти провели через одну из комнат в другую, и он очутился перед помощником начальника гестапо Шульцем.

Шульц молча, кивком показал Мехти на стул. Когда тот сел, Шульц устало зевнул.

Что-то в этом бродяге наводило на подозрения, но Шульц был уже далек от мысли, что перед ним не кто иной, как Михайло. У Шульца был слишком острый и способный к логическому мышлению ум, чтобы он окончательно не убедил себя, что никакого реального Михайло не существует. Ясно, что партизаны, совершая ту или иную диверсию, потом стараются приписать ее одному лицу. Конечно, Шульц не пытался убедить в этом своих подчиненных. Пусть ищут и пусть хватают всех подозрительных, — чем меньше тех, кто не заслуживает доверия, тем лучше. При малейшем подозрении надо отправить на тот свет и этого бродягу.

Хлопнув ладонью по столу, он неожиданно крикнул: — Михайло!

Мехти медленно повернул голову к двери: кого это там увидел гестаовец? Он перевел недоуменный взгляд с двери, в которой никто так и не появился, на Шульца.

— Это я тебе! Тебе! Ты есть Михайло, — коверкая русские слова, сказал Шульц.

Мехти пожал плечами, проговорил по-немецки:

— Не понимаю!..

Шульц усмехнулся:

— Подожди, мы тебя заставим понять!

Но в душе он немного успокоился: слишком уж грустный, растерянный вид был у бродяги. Задержавшись взглядом на этюднике, болтавшемся у Мехти сбоку, Шульц дал знак своим помощникам взять у задержанного подозрительный ящик. Сам он не решался притронуться к этюднику, да и помощников приказание Шульца не особенно обрадовало. Заметив, с какой нерешительностью они приближаются к нему, Мехти добродушно улыбнулся, снял с плеча этюдник и протянул его гитлеровцам. Те отдернули руки. Тогда Мехти положил этюдник на стол.

— Это все, что у меня есть, — сказал он; потом, словно вспомнив о чем-то, полез в карман, — и вот еще — несколько лир...

— Что в этом ящике?

— Краски, кисти, палитра, — охотно перечислил Мехти.

— Проверить! — приказал Шульц.

Ящик раскрыли. Там, действительно, оказались кисти и краски. Шульц любил все исследовать тщательно: из каждого тюбика выжали и подвергли анализу краску. Ничего подозрительного не обнаружилось: кисти как кисти, палитра как палитра, и краски самые настоящие высококачественные.

— Твое имя? — выкрикнул Шульц.

— Жан... — испуганно заморгал, ответил Мехти.

— А фамилия Ренуар, не так ли? — засмеялся гестаовец.

— О, нет, Краусс... Жан Краусс... А Жан Ренуар — это знаменитый французский импрессионист...

— Ах, ты и это знаешь?.. Похвально. Кто ты, откуда?

— Я родился в Париже... на улице Коммунаров... дом семь дробь два. А комната в полуподвале...

— Одно лживое слово — и можешь считать себя покойником! — холодно предупредил Шульц, показав на свой браунинг.

— О, нет же, мсье!.. Темный, сырой полуподвал... Отец у меня был немец. Он, к сожалению, рано умер. А мать — французка... Она старалась воспитывать меня как француза... С детства я увлекался живописью. И вот — брожу теперь по чужим дорогам; податься мне некуда, мать погибла во время бомбежки... А я...

Шульцу надоели, наконец, его разглагольствования, и он велел увести задержанного.

Мехти повезло: пока он находился у Шульца, — в Триесте в один и тот же час была взорвана казарма и подожжен склад с немецкой пропагандистской литературой. Тщательное расследование показало, что обе диверсии произведены... вездесущим — и уже однажды повешенным — Михайло. Шульц совсем потерял голову. Не мог же Михайло, в конце концов, быть одновременно в разных концах города... Да еще здесь, под замком у Шульца...

Наконец гестаовца осенила блестящая идея. Ведь не так уж трудно узнать насчет француза — гот ли он, за кого себя выдает. Надо дать ему в руки кисть, и пусть он напишет портрет Шульца. Одним ударом — двух зайцев!

Шульц знал, что Михайло отлично владеет языками, умеет ориентироваться в сложной обстановке. Но о том, что он еще и художник — сведений не имелось. Конечно, при всех его способностях, Михайло мог заниматься и живописью. Но Шульц достаточно опытен, чтобы отличить профессиональную кисть от любительской.

Мехти вызвали к Шульцу, и тот выразил желание позировать художнику. Француз согласился с охотой, но намекнул, что неплохо было бы, если б ему заплатили: ведь только своим искусством он и кормится, мсье офицер должен понять это... Шульц улыбнулся снисходительно: наглость француза ему нравилась. Такой далеко пойдет...

— Плата будет зависеть от качества работы. Может быть, получишь и деньги... а может быть, и пулю в лоб.

Мехти, вздохнув, развел руками (он довольно часто прибегал здесь к этому жесту) и занялся своим хозяйством. Смастерить подрамник и натянуть холст помогли ему сами гитлеровцы.

Мехти вернули этюдник, и он приступил к работе. Однако он и представить не мог, что она окажется такой трудной. Неимоверно трудной...

Трудно было писать портрет, не делая набросков, зарисовок: Мехти спешил; и, к тому же, он знал, что искусство бродячего художника заключается, прежде всего, в экспромптности. Трудно было и потому, что Мехти мешали: при сеансах неизменно присутствовали, не сводя глаз с Мехти, оба помощника Шульца; в комнату то и дело входили офицеры; солдаты вводили арестованных (к счастью, среди них не оказалось знакомых Мехти крестьян).

Однако все это было сущими пустяками в сравнении с теми трудностями, с которыми пришлось столкнуться Мехти, как советскому художнику.

Мехти мог написать картину лучше или хуже, с большим или меньшим совершенством, но одного он не мог: кривить душой перед самим собой, писать неправду... Всей жизнью своей, всеми традициями, на которые опиралась советская живопись, — он был воспитан искренним, правдивым художником, который в своих картинах выражает отношение к жизни.

А вот здесь, сейчас, все нужно иначе...

Когда Шульц встал у окна, властно оперся рукой о стол и, чуть приподняв тяжелый подбородок, повернул лицо к Мехти, — Мехти уже знал, как его надо писать. Перед ним было лицо умного, хитрого, хладнокровного убийцы. Он сейчас, правда, никого не пытал, никому не угрожал, ни в кого не стрелял, а стоял у окна с властным, немного надменным видом, одетый, специально ради такого случая, в аккуратный, тщательно отглаженный китель, в напряженной позе человека, не привыкшего позировать, — и, однако, на полотне его нужно было изображать таким, чтобы, взглянув на картину, люди увидели его и вешающим, и пытающим, и расстреливающим.

В груди Мехти росла ненависть, и она готова была подчинить себе движения его кисти... И Мехти, когда он писал, приходилось напрягать все силы, чтобы подавить в себе вдохновенный порыв художника. Глупо будет, если он, пройдя через труднейшие испытания, выдаст себя своей картиной... Держись же, Мехти! Не давай воли своему чувству. От этого слишком многое зависит. Ты сейчас не художник, а «придворный живописец». Заставь себя солгать, польстить...

Как это трудно, как неимоверно трудно!

Мехти чувствовал, что у него дрожит рука. В комнате царила напряженная, томительная тишина.

...Во время первого сеанса помощники Шульца решили, что француз просто морочит им голову. Отдельные мазки, цветные пятна не имели ничего общего с обликом их начальника. Но вот, как бы из тумана, на холсте стали проступать черты властного, надменного лица. В перерывах Шульц подходил к холсту, с интересом разглядывал свое изображение, одобительно шевелил бровями. Он отдыхал теперь не через каждые пять минут, а реже.

Мехти работал с прежним напряжением, и, наконец, портрет был готов. Общий тон его получился несколько тяжелым, строгим, но Шульца это вполне удовлетворило. Да, пройдоха-француз сумел-таки подметить в его характере главное: эту вот властность, сознание собственного достоинства, аристократизм... ну... и немного жестокости...

Шульц глядел с портрета с таким выражением, как будто говорил: «А ну, посмотрим, кто кого?»

Портрет Шульца понравился, и у него отныне не осталось и тени сомнения в том, что перед ним искусный и, кажется, вполне благонадежный, профессиональный живописец.

Мехти и здесь сумел остаться разведчиком — умным, волевым, опытным.

Шульц забрал портрет себе и теперь не знал, как ему быть с художником дальше. Наконец он спросил:

— Судя по всему, к деньгам вы отвращения не питаете?

— О, нет, мсье!! — горячо воскликнул Мехти.

— Вы их будете зарабатывать очень мало, — сказал Шульц, протягивая Мехти раскрытый портсигар, — особенно сейчас... После войны вы, пожалуй, сможете открыть мастерскую где-нибудь у нас — в Данциге или Кенигсберге, и я готов даже обеспечить вас клиентами...

— Однако, чтоб открыть мастерскую, тоже нужны деньги, — вздохнул Мехти.

— Да, — твердо сказал Шульц, — и вряд ли вы их накопите, бродяжничая по берегам Адриатики. А я... я могу помочь вам открыть мастерскую.

Мехти вынул изо рта сигарету, выжидательно взглянул на Шульца. Шульц подсел к нему ближе.

Предложение Шульца сводилось к тому, что Краусс должен был — за плату, за весьма высокую плату! — пользуясь своим вольным положением бродячего художника, перекинуться к партизанам. Там он может делать все, что ему угодно: писать портреты партизан, варить им кашу, стоять на часах или участвовать в их вылазках; задача же на него возлагается лишь одна: при случае выманить Михайло — если такой еще существует — или его напарника в любое место, где он мог бы быть захвачен немцами.

Мехти согласился не сразу: он долго торговался из-за сумми, соглашался только на немецкие марки и наотрез отказался от итальянских лир.

Отпуская его, Шульц велел своим помощникам сделать несколько компрометирующих снимков, а Мехти пригрозил:

— Если ты, чего доброго, надумаешь вдруг переметнуться на их сторону, — пощады не жди! Мы найдем способы добраться до тебя, где бы ты ни был.

Уже выйдя от Шульца, Мехти вернулся снова и попросил, чтобы ему выдали какой-нибудь пропуск, — «иначе, мсье, меня будет хватать каждый патруль».

Шульц, скрепя сердце, выдал ему оранжевый прямоугольник.

Прежде чем прийти в бригаду, Мехти долго кружил по тропам для того, чтобы запутать нацистов, если бы они вздумали идти за ним по следам.

Рассказав обо всем Ферреро, Мехти под конец сообщил ему о примерной численности фашистов, засевших в селах, об их вооружении, о позициях, которые они занимают, — в общем, обо всем, что удалось ему заметить, когда его провожали к горам.

Встретиться с Шульцем Мехти договорился через неделю в Плаве, а если в течение недели он не сможет туда выбраться, — то уже в Триесте. Мехти и Ферреро легко было сделать из этого вывод, что через неделю Шульц уберется восвояси.

В намерения Ферреро и Сергея Николаевича не входило принимать бой с превосходящими их во много раз силами фашистов, а связи с соседними партизанскими соединениями не было, и командование бригады решило подождать, пока Шульц уйдет и развяжет им инициативу.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

После того как возвратился Мехти, Вася начал медленно поправляться. Жар у него спал, и однажды, открыв еще замутненные глаза, он увидел своего друга, который сидел, склонившись над ним.

— Мехти! — обрадованно прошептал Вася, и они обнялись так, словно не виделись долгие годы.

Мехти не отходил от Васи. Совсем недавно Вася, словно сиделка, ухаживал за Мехти, а теперь Мехти нянчился с Васей. Когда Вася немного окреп, Мехти стал сопровождать друга в его коротких прогулках. Нельзя было без волнения смотреть, как бережно поддерживал он Васю, когда тот, прихрамывая, шел к лужайке на самое солнышко, чтобы погреть под его лучами свое ослабшее тело.

Штаб бригады находился ныне еще выше в горах, и, сидя на камнях, друзья смотрели вниз, в глубокое ущелье, откуда веяло теплой сыростью и запахом свежей травы. Высокие горы заслоняли от них мир. А как бы им хотелось увидеть за суровой стеной гор цветущие дали родной земли!..

— Сейчас наши ребята готовятся к экзаменам. Пройдет еще два месяца, и прощай школа! Да какая там школа, я бы сейчас шагнул уже на третий курс института. Если бы не война, конечно...

И Вася вспомнил отца своего и мать, которых давно уже не было в живых. Вспомнил и себя в войне: побег из фашистской неволи, жестокие схватки с гитлеровцами (сколько уже уничтожил он собственной рукой!), родившаяся в дыму и огне первая пылкая любовь...

С тех пор, как они снова встретились с Мехти, Вася ни разу не произнес имени Анжелики. Это удивляло Мехти, но он молчал, боясь разбередить рану друга. И только спрашивал себя: «Почему он не говорит о ней? Почему ничем не хочет со мной поделиться? Может, я помог бы ему в его горе!»

Положение, в котором находилась бригада, было очень тяжелым: немцы контролировали все дороги, ведущие в Триест, связь с соседними партизанскими соединениями еще не была налажена. Попытки местных крестьян пробраться к партизанам, чтобы передать важные, интересные штаб сведения, терпели неудачу. Немцы хватали их и расстреливали на глазах у остальных крестьян.

В Триесте продолжал мутить воду Карранти. От случая к случаю он принимал участие в карательных операциях немцев; Шульц представлял его немцам как своего нового агента, и это позволяло Карранти действовать в городе с большим размахом: он покупал, запугивал, заключал темные политические сделки.

За последнее время совсем распоясалась фашистская газета «Иль Пикколо». Она, что ни день, печатала небывшие победы гитлеровских армий на русском фронте, о разгроме немцами партизанских отрядов.

Как только зажила рана на ноге, Вася стал уговаривать Мехти, чтобы тот добился у Сергея Николаевича

и Ферреро разрешения на новую вылазку и взял с собой Васю. Он разрабатывал планы, как можно незамеченными пройти по перехваченным Шульцем дорогам... Вася рвался в Триест... Ведь надо же разгромить редакцию и типографию «Иль Пикколо», взорвать здание гестапо! Убрать Карранти!..

Все это, действительно, было неотложным, и не раз эти вопросы обсуждались в штабе бригады. Но ни Ферреро, ни его заместитель, ни сам Мехти не торопились с решениями.

А Вася становился все более настойчивым. Бездействие томило его, и он удивлялся медлительности Мехти и командования.

— Неужели же ты не думаешь взорвать «Иль Пикколо»? — спрашивал он у Мехти.

— Думаю.

— Так за чем же дело стало?

— Я уже объяснял тебе, Вася.

— Опять этот Шульц?

— Да, Шульц. Пойми: он расставил заслоны на всех дорогах, ведущих в Триест. Прорваться почти невозможно. И мне не хотелось бы снова попадаться в его руки: боюсь, что обмануть его будет уже трудно.

— Трусись?

— Нет, Вася, я думаю не о себе.

— Но ведь нам всегда было трудно! — упрямо твердил Вася.

— Да, но не так. Прежде мы воевали против немцев и итальянских фашистов. А, оказывается, у нас есть враги и за спиной!

Прошла неделя с тех пор как Мехти был «послан» Шульцем к партизанам. Шульц обещал ему вернуться в Триест через неделю и там дожидаться своего агента. Однако Шульцу, видимо, было не до агентов. Он окопался в Плаве и продолжал держать под своим наблюдением все подступы к городу.

Это была схватка на выдержку. Партизаны сидели без продовольствия и медикаментов, нехватало и боеприпасов. Но и нацистам приходилось нелегко. Крестьяне прятали от них все съестное, а подвоз из города был затруднен: в горах обозы могли отбить партизаны. Среди нацистских карателей, привыкших к сытой жизни в

Триесте, начались болезни. У солдат кровоточили десны, отекали ноги.

Голодные, обозленные, они врывались в дома крестьян и, не найдя там ни крошки, разрушали все, что можно было разрушить. Женщины, старики и дети покидали свои жилища и перебирались в окрестные горы. Опустило несколько селений... Шульц был в бешенстве, он расстреливал, жег, пытал, но ничего не помогало.

Из семи отправленных из Триеста грузовиков с удовольствием к нему смогли пробиться лишь три, а этого не могло хватить на всех. В первую очередь кормили офицеров. Солдаты роптали... Больные оставались без присмотра, и на двадцатый день пришлось похоронить семерых солдат, а еще через два дня число погибших от болезней увеличилось до тридцати. Тогда Шульц решил снять осаду и отступил обратно в Триест. Уходили с боями... Неожиданные набеги засевших в горах небольших крестьянских отрядов наносили немцам ощутимый урон. Шульц вошел в город, не досчитавшись двухсот солдат.

И снова на горных тропинках, ведущих к партизанам, появились женщины с корзинами на головах. Отовсюду потянулись в бригаду группы крестьян — новое боевое пополнение.

И снова начали взлетать на воздух железнодорожные мосты, которые фашисты успели восстановить за время осады. Поезда сходили с рельс; туннели обваливались на головы гитлеровцев. Выведенные из строя участки железной дороги партизаны брали под свой контроль и навязывали бои ремонтным бригадам нацистов.

Партизаны дробили силы немцев и беспощадно громили карателей. Это были тяжелые сражения, в которых и сами партизаны несли немалые потери.

Наиболее сложными операциями руководили Ферреро и Сергей Николаевич.

Активность партизан достигла такой степени, что гитлеровское командование специально обсуждало вопрос о положении, создавшемся на Адриатическом побережье. Решено было отправить туда крупное карательное соединение под командованием одного из гнуснейших убийц и палачей — полковника Курта Гульбаха, который и должен был, наконец, разгромить партизан.

Партизаны об этом еще не знали.

Утвердив свое господство в окрестностях Триеста, они готовились к действиям и в самом городе, имея в виду две цели: деморализовать гитлеровцев и помочь триестинскому подполью.

В штабе бригады разрабатывался план предстоящих операций.

В те часы, когда Мехти уходил на заседание штаба, Вася, оставшись один, предавался своим раздумьям... Рана на ноге почти зажила, но он все же чувствовал боль. Вася усиленно скрывал это от Мехти. Он знал, что разговор в штабе идет о Триесте, и боялся что его, из-за ранения, не пошлют в город.

Мехти, действительно, хотя и понимал, что Вася исполнен желания скорее попасть в Триест, твердо решил не брать его с собой: пусть пока отдохнет, поправится. Ферреро посоветовал ему взять в напарники Сильвио.

Узнав об этом, Вася ушел переживать обиду на высокую скалу, которую партизаны называли Орлиным утесом.

Он сидел, обняв колени руками, глядя в какую-то точку перед собой... Потом его внимание привлекли Сильвио и Вера Николич. Вера сидела на пеньке, Сильвио стоял рядом...

Вася давно уже стал замечать, что Сильвио все время вертится около Веры. Когда они с Мехти вытащили ее из «комбината» на Виа Фортюна, она выглядела совсем еще девочкой, а теперь — хотя прошло не так уж много времени — превратилась в статную красавицу... Казалось, она, словно молодой побег дерева, ждала только весны, чтоб расцвести. Энергии в ней было хоть отбавляй: она помогала женщинам стирать, стирать, таскала воду в деревянных бочонках, ходила за хворостом, разводила костры, штопала белье.

А Сильвио ничуть не изменился; он попрежнему оставался узкоплечим, смуглым пареньком; только движения его стали более уверенными да голос потверже.

Вася видит: Сильвио наклонился к Вере, что-то шепчет ей; Вера слушает его, щеки ее розовеют, и она чуть заметно кивает. Сильвио берет топор и скрывается за деревьями. Вера с безучастным видом поднимается с пеньки, отряхивает платье, берет свой бочонок и тоже

идет к чаще. Она старается идти не торопясь, медленно, но ноги не слушаются ее. Девушка почти бежит. Немного погодя из чащи выходят и Вера и Сильвио: за спиной у него хворост, в руках бочонок с водой. Он сбрасывает хворост возле одной из палаток.

Вася припоминается день, когда он и Сильвио возились с секретарем Росселини. Ловко тогда Сильвио связал строптивую горничную... Там он вел себя, как мужчина; а рядом с Верой — кажется ребенком.

И этот ребенок встал вдруг на пути Васи.

Нет, надо сейчас же объясниться с Мехти.

Когда Вася проходил мимо Сильвио, тот окликнул его:

— Поздравь меня, Вася! Ухожу с Михайло в Триест. Взрывать «Иль Пикколо»!

Спохватившись, что для Васи эта новость не очень приятна, Сильвио сочувственно добавил:

— А тебе нужно чуть подлечиться.

И Сильвио удивило и обидело, что Вася прошел, не сказав ему ни слова.

Мехти был занят сборами в дорогу. По мнению нетерпеливого Сильвио, он что-то слишком долго возился около своей палатки.

— А-а, Вася,— стараясь не глядеть на подошедшего юношу, сказал Мехти.— Как твоя нога?

— Хоть камаринскую пляши!— бодро воскликнул Вася, понимая, почему Мехти начал именно с этого вопроса.

Мехти с озабоченным видом укладывал в сумки взрывчатку, тщательно проверял капсюли детонаторов.

— Послушай, Мехти... Разве я был тебе плохим напарником?— с обидой спросил Вася.

— Ты прекрасно знаешь, что я этого не думаю,— ответил Мехти, продолжая возиться с взрывчаткой,— но я не верю, что ты можешь плясать камаринскую.

Вася не сдавался:

— А ведь тебе стыдно, Мехти. Ты даже в глаза мне не можешь смотреть.

Мехти выпрямился, обернулся к Васе и решительно сказал:

— Не возьму я тебя с собой, Вася,— и более мягко добавил:— На этот раз не возьму.

— Да почему?

— Сам знаешь.

— Камаринская?

— Да, ты пока нездоров, Вася. И если ты сам о себе не желаешь заботиться, мне приходится взять это на себя.

— А может, ты просто боишься, что из-за моей неповоротливости мы можем угодить в лапы к немцам?

Мехти улыбнулся.

— Нет, я и вправду беспокоюсь только за тебя. Отдохни... Надо ж и другим попробовать себя в деле.

— Чего же стоит наша дружба, Мехти— с горечью сказал Вася,— если тебе так легко заменить меня кем-нибудь другим! Ты, верно, думаешь: ну, что он делал, когда я брал его в Триест? Таскал сумки с взрывчаткой, и всё! А это может сделать каждый. Нет, Мехти, рядом с тобой шел человек, готовый в любую минуту отдать за тебя жизнь! Теперь я жалею, что не подвернулся мне случай доказать тебе это.

Мехти молчал. А Вася продолжал горячо убеждать его:

— Ну, что из того, что я хромаю? Мало ли теперь хромых немцев! Это не так уж плохо будет выглядеть — если я стану слегка хромать. Заикаюсь же я, когда это нужно? И потом, мы ведь придем в город, когда будет темно... Да, знаешь, мне один человек сказал: «утром звезды ложатся спать». Мы с тобой, как звезды: не спим по ночам. Правда, хорошо сказано?

— Да,— согласился Мехти,— хорошо. Кто это сказал?

Вася ответил не сразу. Он взглянул на друга глазами, полными горя и гнева, и дрогнувшим голосом ответил:

— Она...

— Вот в этом-то все дело, Вася! Я боюсь брать тебя с собой. Боюсь, что ты наделаешь мне хлопот,— грубовато сказал Мехти, сам взволнованный не меньше Васи.

— Нет, Мехти, ты меня плохо знаешь,— покачал головой Вася.— Я ведь понимаю, какое великое дело мы делаем... Мы не только мстители — мы бьемся за свободу, за хорошую, добрую тишину в мире, за такую, что нарушается лишь песнями раздолбными,— вот как у нас на Смоленщине.

— Что же мне делать с тобой, Вася?— словно раздумывая вслух, проговорил Мехти, и Вася понял, что он колеблется.

— Как что делать? Взять меня с собой, и все будет в порядке.

— Тебе будет очень трудно, Вася.

— А тебе легко? Сильвио смелый парень, я люблю его, но он же не разведчик.

— И ты раньше не был разведчиком...

— Все равно! Скажи, с кем ты больше рискуешь: со мной или с Сильвио?

Мехти обернулся, внимательно посмотрел на Сильвио. Да, его можно одеть только под итальянца. Большие, черные глаза с крупными зрачками, полными озорных искорок, непослушные кудри— все это не очень-то характерно для немцев. А удобней иметь при себе денщика-немецка: к нему меньше будут придираться. И Васю в этом отношении вряд ли кто мог заменить.

— Ну, а если уж придется,— снова заговорил Вася,— то я им задам такую камаринскую, что век будут помнить! К друзьям подошел Сильвио, взволнованный, весь сияющий от счастья, полный горячего нетерпения.

— Я готов!— он вытянулся перед Мехти, выпятил вперед грудь.

Мехти смерил его оценивающим взглядом. Нет, бравым воякой он никак не выглядел. А слишком длинный пиджак еще больше подчеркивал маленький рост Сильвио.

Пододаль от них стояла Вера; и по тому, как она тербила свой фартук, Мехти понял: тяжело ей расставаться с Сильвио, к которому она успела уже привыкнуть...

— Придется тебе, Сильвио, подождать до другого раза!—разведя руками, сказал Мехти.—Сегодня ты останешься здесь...

У Сильвио вытянулось лицо, от неожиданности он не мог вымолвить ни слова, язык словно прилип к гортани. Он перевел вопросительный взгляд на Васю, но тот только виновато улыбнулся в ответ.

— Не горюй, Сильвио,— попытался утешить его Мехти.—Когда-нибудь я и тебя возьму с собой. А пока ступай к Вере, она хочет что-то тебе сказать.

Сильвио молча повернулся и ушел.

Мехти видел потом, как он сидел, мрачно уставившись перед собой, а Вера, радостная и счастливая, старалась развеять своего друга.

Васю и Мехти провожал чуть не весь отряд. Долго смотрели партизаны вслед своим любимцам. Фигуры их становились все меньше и меньше и, наконец, исчезли за деревьями.

На следующий день друзья уже подходили к Триесту. Спускались сумерки... Мехти услышал зловещее карканье, над небольшой ямой кружилась стая воронья. Неясное предчувствие сжало ему сердце.

Он прошел еще немного, потом остановился, снял с плеча вещевую сумку и передал ее Васе.

— Иди вперед,— сказал он,— я догоню тебя.

Когда Мехти приблизился к яме, воронье, гомоня недовольно, тяжело хлопая крыльями, поднялось в воздух и начало кружиться над Мехти.

В яме были свалены трупы расстрелянных гитлеровцами людей. Мехти снял фуражку... и вдруг вздрогнул всем телом. На глаза ему попался край знакомой клетчатой юбки. Весь похолодев, Мехти заставил себя еще раз посмотреть в яму. Сомнений быть не могло... Клетчатая застиранная юбка, нога в сиреновом чулке... Мехти еле сдержался, чтобы не броситься в яму, не закричать, но он услышал шаги приближающегося Васи.

Мехти подавил внутреннюю дрожь и пошел ему навстречу.

Нечеловеческих усилий стоило Мехти овладеть собой. И еще трудней и горше ему было бы, если б он знал, какое чувство к нему унесла с собой из жизни бедная Анжелика. Оно бродило в ее душе— смутное, неведомое, и останься Анжелика в живых, она, может быть, ишла бы этому чувству название...

— Пошли, Вася,— стараясь говорить спокойно, позвал Мехти,— нам еще надо застать священника.

Но Вася не двигался с места.

— Что там, в этой яме?— спросил он, устремив на Мехти испытующий, беспоконный взгляд.

— Там трупы, Вася. Помнишь, они лежали в яме, когда мы проходили прошлый раз?— ответил Мехти и взял Васю за локоть. Вася рванулся от него.

— Нет, что-то не помню,— прошептал он и сделал шаг к яме.

— Вася!— строго окликнул его Мехти.— Ты начинаешь забывать, зачем мы идем в Триест!

Вася как-то сник сразу.

— Хорошо,— сказал он и повернул от ямы.

Всю дорогу до города Вася молчал.

Когда они вошли в церквушку в предместьях, на них повеяло прохладой. Под сводчатыми арками церкви, утопающей в полумраке, Мехти остановил Васю.

— Ты останешься здесь,— тихо шепнул он,— будь внимателен. Налево от тебя дверь, ведущая во двор. А там можно выбраться через забор. Если ничего не случится, мы встретимся с тобой тут же. Следи, кто сюда входит.

Вася кивнул. Мехти направился в глубь церкви, где горела единственная свеча. В ее неверном свете пошатывались гигантские тени колонн и арок, и казалось, что церковь вот-вот рухнет. Над свечой склонился старик-священник. Заслышав шаги, он выпрямился.

— Добрый вечер, святой отец,— поздоровался Мехти.

— Добрый вечер, сын мой,— печально вздохнул священник.

— Что нового в городе?

— Бедная Анжелика!— не отвечая на вопрос Мехти, с горечью воскликнул старик.— Как смело приняла она смерть! Италия потеряла лучшую из своих дочерей.

Он умолк. Молчал и Мехти. Потом он тихо проговорил:

— Я это знаю, святой отец. По дороге сюда, метрах в пятистах к югу от города, я видел яму... Там — много трупов.

Священник понурил голову:

— Бедное дитя! Я похороню ее.

Мехти взглянул на часы. Священник понял: время не ждет, и стал перечислять, что нового произошло за это время в Триесте. В город начали прибывать крупные силы нацистов, ходят слухи, что это чуть ли не целая дивизия, предназначенная для разгрома партизан; на улицах бесконечные облавы; Карранти все еще не удалось выследить. Шульц сейчас в городе и ждет приезда не-

кого Гульбаха, чтобы предпринять совместные действия по уничтожению третьей ударной партизанской бригады.

Священник проводил Мехти и Васю до бокового входа и посоветовал им идти к типографии «Иль Пикколо» по возможности через рабочие кварталы.

— Тут мы разойдемся с вами,— сказал священник.— Вы пойдете налево, а мне нужно за город. Я должен исполнить свой долг.

Вася и Мехти шли по рабочему кварталу. Это был квартал трущоб. Пахло гнилыми овощами, эрзац-мылом, которым стирали здесь белье. Из подвальных окон неслись крики грудных детей. За полуразрушенными заборами тянулись, перекрещиваясь, длинные веревки, на которых сушились жалкие лохмотья. Завидя Мехти и Васю, люди захлопывали двери своих домов, а когда они проходили, двери вновь открывались.

Вечер был теплый, ласковый.

Хорошо в такой вечер выйти из каморки, где царит невероятная теснота, посидеть у открытых дверей. Но нигде нет покоя от гитлеровцев!

Беспризорные дети возлились в пыли. У Васи защемило сердце, он полез было в карман, нащупал бумажные деньги, но тут же прозвучало строгое предупреждение Мехти:

— Не смей! За нами могут следить.

Не успели они сделать и несколько шагов, как в них полетели камни. Один из камней угодил Васе в плечо. Вася обернулся, но ребят уже не было.

Мехти улыбнулся:

— Что, сильно они тебя?

— За что это?— недоуменно спросил Вася, потирая ушибленное плечо.

— Ты что, забыл? Им не нравится наша форма...

— Верно!— засмеялся Вася.

— Надо скорее выбраться отсюда,— поторопил его Мехти.

Они ускорили шаги.

Снова — знакомые улицы... Темно, очень темно. Небо звездное, а тут — ничего не видать. Но вот ярко вспыхнули лучи фонариков. Они загорелись спереди, сзади, с боков и начали подступать к Васе и Мехти.

— Стой! — раздался резкий окрик. — Ни с места! Рука Васи потянулась к автомату, но Мехти осадил его:

— Спокойно!

Друзей тесным кольцом окружили фельджандармы.

— В чем дело? — спросил Мехти.

— А ну-ка, посмотрим, что у этого молодца в сумке, — ухмыляясь, сказал начальник патруля, рослый, с красным, широким лицом, и протянул руку к вещевой сумке Васи.

— Не трогайте его! — сдержанно, но властно произнес Мехти.

Начальник патруля как будто этого и ждал. Он отступил на шаг, не отрывая взгляда от Мехти, и рука его медленно полезла в карман.

Мехти напряженно следил за рукой начальника. Начальник вынул платок и, вытирая им потное лицо, торжественно заявил своим:

— Поздравляю вас, друзья, это партизаны! Ишь, и ходят неразлучно, как влюбленные!

Щелкнули затворы десятка автоматов. Дула их уперлись в спины Мехти и Васи.

— Что за комедия? — возмущился Мехти.

— Кончилась комедия, милейший! — воскликнул начальник патруля. — Теперь кончилась...

— Я должен предупредить вас, господин начальник, — с угрозой заявил Мехти, — если вы сейчас же не прекратите ваши шутки, вам не поздоровится. Учтите, у меня срочное задание!

— О, это мы учитываем! Мы даже догадываемся, чье задание вы выполняете.

— Боюсь, что не догадываетесь, господин начальник! — Мехти сунул руку в карман, извлек оттуда оранжевый картонный прямоугольник и не без злорадства произнес: — Прошу!

Начальник выхватил картонку из рук Мехти. И лицо его выразило такую растерянность, что Вася приободрился и принял независимый, чуть даже наглый вид. У начальника в руке был пропуск, выданный самим Шульцем — помощником начальника городского гестапо. Этот пропуск в условиях оккупированного Триеста

обладал большой силой. Начальник патруля был ошеломлен. Но всё еще не сдавался.

— Меня интересует еще один вопрос, — уже мягче сказал он. — Коль скоро господин Шульц вручил вам этот пропуск, он должен был предупредить вас о том, что со вчерашнего дня, по его же секретному указанию, парные хождения военных в Триесте запрещены. Можно ходить втроем-вчетвером, в пяти или шести шагах друг от друга. А вы шли плечом к плечу. К тому же, сейчас не рекомендуется таскаться по городу с сумками.

— Во-первых, — теряя терпение, ответил Мехти, — я не был в городе целых десять дней. Я находился вне сферы влияния господина Шульца, и он не уведомил меня о своем секретном приказе. Я находился... чорт возьми, это вас вовсе не касается!.. А во-вторых, прекратите же, наконец, эту комедию!

— Ах, вот оно что, — осенило вдруг начальника, — вне сферы влияния господина Шульца... понимаю, понимаю. Так бы сразу и сказали, — он протянул Мехти пропуск и вежливо извинился: — Прошу прощения, господин...

— Это вам тоже не обязательно знать! — не менее вежливо сказал Мехти, принимая пропуск. — Вы и так уже узнали больше, чем следует... Хайль Гитлер!

— Хайль! — в один голос ответили немцы.

Мехти в душе еще раз порадовался тому, что догадался в свое время застаться оранжевым пропуском. Такие пропуска Шульц выдавал лично, и только своим агентам. И хорошо еще, что отовсюду сорваны теперь объявления с приметами Михайло. Неужели, кстати, они серьезно верят в то, что повесили Михайло? Нет, Шульц, кажется, не верит... Может, он все это нарочно инсценировал, чтобы усыпить бдительность партизан? А сам издал тайный приказ... Надо сказать своим, чтобы они никого больше не посылали вдвоем. Довольно морочить немцам головы этими «мифическими» Михайло — опасно, можно попасться. И не стоит сегодня таскаться за собой Васю: этак их все время будут останавливать патрули. Да, с каждым днем все труднее становится в Триесте. Слишком много ловушек...

— Вася, — сказал Мехти, трогая друга за плечо, — ты не пойдешь со мной дальше!

— Мехти!..

— Тише... Ты же видишь: нам опасно ходить вдвоем... А что, если попадутся патрульные подтошней? Один я как-нибудь выкручусь, с тобой — нет.

— Но я не могу отпустить тебя одного!

— Вася,— строго сказал Мехти,— не заставляй меня жалеть, что я взял тебя в Триест!..

— Все равно, Мехти... Я пойду с тобой!..

— А я, как только мы встретимся еще с одним патрулем,— жестко проговорил Мехти,— ушло тебя с каким-нибудь поручением. Ты же, при немцах, не будешь противиться?

— Хорошо,— упавшим голосом сказал Вася,— я останусь. Но если тебя долго не будет...

— Ладно, Вася, тогда можешь действовать по своему усмотрению,— разрешил Мехти и, заметив, как у Васи заблестели глаза, улыбнулся.— Я вижу, тебе уже сейчас хочется, чтобы меня долго не было! Ну, давай мою сумку.

— А достаточно будет одной, Мехти?

— Для того, чтобы вывести из строя «Иль Пикколо», вполне хватит. Теперь слушай, Вася... Жди меня вот в этих воротах. Когда я буду возвращаться — не выходи ко мне, посмотри, нет ли за мной слежки. Если нет, тогда догоняй. Если есть — иди за ними. И после взрыва любым способом постарайся снять их. Крайний выход — стрелять! Возможно, что нам придется принять бой в городе. Ну, договорились?

— Скорее, Мехти!..

— Ладно, жди...

Когда Мехти свернул на улицу, где помещалась редакция «Иль Пикколо», он невольно задержал шаг. Его ждала новая неожиданность: весь квартал был оцеплен эсэсовцами. Мехти хотел было повернуться назад, но заметил, что справа и слева к нему приближаются эсэсовцы. Они шли не спеша, словно на прогулке. Одно неверное движение могло погубить Мехти. За его спиной находились ворота большого дома, и Мехти чувствовал на своей спине колющие взгляды еще нескольких эсэсовцев. Из ворот за ним следили. Мехти нащупал в кармане спасительный пропуск.

— Что вы здесь делаете, господин офицер?— спросил эсэсовец, подошедший первым.— Из какой вы части? Куда идете?..

«Что мне отвечать ему?— лихорадочно думал Мехти.— Показать офицерские документы?.. Но кто знает, что здесь сейчас происходит. Начнут проверять, выяснять,— тогда пиши пропало! Может, исполнить перед ним роль Жана Краусса, идущего от партизан?.. Нет, это совсем собьет их с толку, они не отвяжутся... Крауссом можно быть только с Шульцем. Одна надежда на пропуск. И ничего не стану объяснять им. А вдруг они не посчитаются с пропуском и решат проверить, что в сумке?.. Ну, тогда — Краусс!».

— Э, да он, кажется, не понимает по-немецки!— насмешливо произнес кто-то сзади.— Уж не русский ли это?

— И сумка сбоку... Бьюсь — об заклад, что в ней не полотенце и не зубные щетки!

— Я вас спрашиваю, господин офицер, из какой вы части,— жестче повторил первый эсэсовец в чине капитана. Он не сводил глаз с сумки Мехти.

— Я не обязан докладывать вам, господин капитан,— сказал, наконец, Мехти,— и прошу не задерживать меня. Я, признаться, изрядно устал...

— Вот как?..— издевательски улыбнулся капитан.— Вы, верно, идете издалека?.. Ну, ничего, мы вас устроим на отдых!

И он коротко скомандовал:

— Взять!

Мехти оглянулся. Вокруг плотной стеной стояли эсэсовцы.

— Как бы вам не пожалеть об этом, господин капитан!— Мехти резким движением протянул капитану свой пропуск.

Капитан долго и внимательно изучал пропуск. Мехти ждал.

— Странно,— едва слышно пробормотал немец и спросил:— Откуда же вы идете?..

— Судя по вашему чину и должности, вы должны знать, что на такие вопросы не отвечают.

Объяснение Мехти, видимо, удовлетворило капитана. Он вскинул руку под козырек:

— Все в порядке! Можете продолжать свой путь.
Мехти отошел уже довольно далеко, когда капитан вдруг окликнул его:

— Один момент!

Мехти сделал вид, что не услышал. Сзади раздались торопливые шаги, и голос капитана прозвучал уже более настойчиво:

— Один момент!

Мехти остановился, обернулся на голос. Капитан подошел к нему с двумя эсэсовцами:

— Я совсем забыл спросить вас, — улыбаясь, сказал капитан, — может быть, вам угодно повидаться с самим господином Шульцем, подписавшим ваш пропуск? У вас ведь, наверно, есть что сообщить ему?

Мехти понял, что от этого мерзавца ему легко не отделаться.

— Я иду к господину Шульцу, — ответил Мехти.

— Тогда вам придется идти слишком далеко. Господин Шульц сейчас в «Иль Пикколо».

Положение все больше осложнялось. Мехти решил действовать напролом.

— В «Иль Пикколо»?.. А я думал, что смогу застать его в гестапо. Я шел как раз туда.

— Не трудитесь, вас проводят к господину Шульцу, — капитан повернулся к стоящим позади него эсэсовцам: — Проводите господина офицера в редакцию.

Мехти молча последовал за эсэсовцами. Да, это удачно, что он не взял с собой Васю. Вася был бы сейчас помехой. Ну и в переплет он попал!.. Опять встретится с Шульцем... Что он ему скажет? А вдруг Шульц не один, с ним Карранти? Тогда... тогда надо стрелять.

Вот и «Иль Пикколо». У дверей охрана.

— Дальше не провожать? — спросил один из эсэсовцев.

— Не нужно.

— Пропустите господина офицера! — приказал эсэсовец охране. — Он к майору фон Шульцу.

Мехти вошел в проходную, проследовал по длинному коридору с бетонными сыроватыми стенами. За стенами шумели машины...

Мехти не торопился встретиться с Шульцем. Уж если он попал в «Иль Пикколо», надо до конца использо-

вать удобный случай. На худой конец, если Шульц станет его здесь, он скажет ему, что искал его и заблудился.

Навстречу Мехти прошел человек в подтяжках, изогнутый, словно вопросительный знак. Наверно, из редакции. Кашляет сухо, курит, желчное лицо.

Мехти остановил его:

— Вы не скажете, где здесь уборная?

— Только за этим вы сюда и пришли? — желчно ответил вопросительный знак. Удалился, бормоча что-то под нос. Мимо простучала каблуками молодая женщина с ярко накрашенными губами. Тоже курит... Грудь туго обтянута узким цветным джемпером.

— Простите, вы не скажете, где здесь туалет?

Неудобно задавать такие вопросы женщине, да ничего не поделаешь.

— Пусть синьор пойдет прямо, потом направо, потом налево, — разглядывая Мехти, объяснила женщина, — вторая дверь. — И добавила, усмехнувшись: — Первая дамская: туда синьорам нельзя.

Мехти двинулся по полугемному коридору. По пути он прикидывал, куда лучше заложить взрывчатку. В цех ему вряд ли удастся пробраться; да и руки там были бы связаны. А тут — всё на виду. Взрывчатку сразу же заметят. Стой-ка, стой-ка... Что это за матовое стекло в стене? А, это для пожарного шланга... Отлично. Теперь надо зайти в уборную, раздавить двадцатиминутный капсюль. Так... Хорошо, что пожарный шланг недалеко отсюда. Никого, кажется, не видно?.. Чорт, от цеха идет какой-то мужчина. Нет, задержался, разговаривает с кем-то. Как бы незаметней достать взрывчатку? Есть, достал! Быстренько сунуть за стеклянную раму... Готово. Всёл..

Мехти вздохнул облегченно, направился по коридору обратно. И у самой лестницы, ведущей к редакционным помещениям, столкнулся с Шульцем.

Пожалуй, Шульца эта встреча заставила растеряться больше, чем Мехти. За хлопотами последних дней Шульц и думать забыл о французе, которого послал к партизанам.

— О!.. Господин Краусс! Вот уж кого не ожидал увидеть.

— Ведь мы же договорились, господин Шульц... Деньги, знаете, на улице не валяются!— Мехти нагло вато ухмыльнулся.

— Как вы узнали, что я нахожусь здесь?

— Потом, об этом потом, господин Шульц! Сейчас есть дела поважнее.

Шульц окинул Мехти недоумевающим взглядом:

— Подождите-ка,— почему на вас немецкая форма?

— Форму дали мне партизаны,— Мехти опять ухмыльнулся,— я же с заданием, господин Шульц!

— Значит, вам удалось втереться к партизанам в доверие?

— О, да! Мне даже довелось участвовать в некоторых операциях по взрывам на железных дорогах!..— Мехти запнулся, испуганно посмотрел на Шульца, но тот поспешил успокоить его:

— Это неважно!.. Вы выманили в город Михайло?

— Да. Одного из них.

Шульц оторопело уставился на Мехти. Этого еще не хватало! Что их там, легион, что ли?

— Как одного?

— Очень просто, господин Шульц. У партизан много «Михайло»!

— И... и что же — все они похожи друг на друга?

— О, нет! Они очень разные. И зовут их по-разному. А когда их посылают в город, они становятся «Михайло».

— Ничего не понимаю!— сказал Шульц, хотя именно сейчас он и начал кое-что понимать. «Интересно, почему же Карранти не говорил мне об этом? Впрочем, ему это не особенно было выгодно. Надо будет пригласить его сюда: он поможет нам во всем разобраться».

— Видите ли, в чем дело,— объяснял, между тем, Мехти,— они хотят, чтоб по городу о Михайло ходили легенды. Ну, что он вездесущ и так далее... Действуют «Михайло», в общем, одинаково. Хотя иногда и без напарников. А сами — разные. Лишь один из них немного похож на меня. С ним меня сюда и послали.

— Где же он?.. Что у него за задание?

— Он должен взорвать «Иль Пикколо», господин Шульц.

Шульц вздрогнул.

— Выдумки!

— Минут через десять вы убедитесь, что я говорю правду, господин Шульц. Я приведу к вам «Михайло».

— Почему же вы не притащили его сейчас?

— Михайло разнюхал, что «Иль Пикколо» оцеплен эсэсовцами. Я пытался убедить его, что это не так, но ничего не вышло. Еле удалось уговорить, чтобы он отправил меня выяснить обстановку. Он ждет меня в условленном месте.

— Где?— с нетерпением спросил Шульц.

— Не совершайте ошибки, господин Шульц! Если вы пошлете за ним своих, все будет испорчено. Скрыться ему нетрудно: он знает тут все ходы и выходы. А я... я доставлю его прямо вам в руки. Риска ведь меньше, не правда ли?

Мехти взглянул на свои часы. До взрыва оставалось десять минут.

— Я должен спешить, господин Шульц! Мы договорились с Михайло встретиться ровно в десять часов. Если я к этому времени не вернусь — он решит, что я схвачен, и тогда все пропало. Плакали мои денежки!

— Что же вы предлагаете?

— Прежде всего, очистить квартал от охраны. Пусть все войдут сюда и станут поджидать его здесь. У него удостоверение военного корреспондента.

Шульц, пристально поглядев на Мехти, кинул через плечо:

— Макс!

К нему подбежал высокий шеголеватый офицер.

— Что угодно, господин майор?

— Немедленно снимите всю охрану. Всем войти сюда. Офицеров и младших офицеров ко мне.

— Есть.

Когда Макс ушел, Шульц снова повернулся к Мехти. На лице у него появилось жесткое, хищное выражение.

— А что, господин Краусс, если вы обманываете меня? Может быть, вы уже продались партизанам, а?..

— Господин Шульц,— с отчаянием в голосе сказал Мехти,— в нашем распоряжении всего лишь семь минут! Поймите же: если б я хотел обмануть вас, мне незачем было бы приходить к вам!

— Эт-то верно... А что у вас в сумке?
— Проверьте: она пустая. Взрывов в городе мне пока не доверяют.

— Что же вы должны были делать?
— Отвлекать внимание... Понимаете? Опять эта игра в нескольких «Михайло». Один в одном месте, другой — в другом.

К ним подошли офицеры. Шульц расставил людей по типографии. Машина гестапо заработала на полный ход.

Шульц понимал, что он ничего не теряет, если даже этот француз и обманывает его. Уйти ему не удастся: за ним будут следить.

— Макс! — снова позвал Шульц. — Площадь свободна?

— Да, господин майор!

— Хорошо. А теперь немедленно отправляйтесь на Виа Фортюна. Вы знаете, за кем. Он нам может пригодиться.

«Неужели за Карранти?» — подумал Мехти. — Вот было бы ловко, если б он приехал сюда до взрыва».

— Остается четыре минуты, — обратился Шульц к Мехти, — вы успеете?

— Постараюсь. Он не очень далеко.

— Идите!

Неимоверных усилий стоило Мехти в эту минуту скрыть свою радость и волнение и принять деловитый, озабоченный вид. Он вышел на опустевшую площадь и торопливо зашагал по темной улице...

...В типографии стояла напряженная тишина. Машины были остановлены. Предусмотрительный Шульц задержал выпуск очередного номера «Иль Пикколо» и велел оставить полосу для сообщения о поимке партизанского разведчика.

Шульц был заметно возбужден.

И вдруг все пошло прахом.

Карранти, которому вся эта история показалась подозрительной (неспроста «француз» торопился уйти из типографии!), позвонил Шульцу (поехать он не решился) и предложил ему обыскать здание и как можно скорее покинуть «Иль Пикколо».

Шульц так и застыл с телефонной трубкой в руке. А опомнившись, обругал себя идиотом и, позабыв даже

распорядиться об обыске типографии, первым кинулся бежать по длинному коридору к выходу.

Взрыв застал Шульца в проходной. По сравнению с теми, кто остался в типографии, он отделался легко: ему оторвало правую ногу...

...Стоя в воротах, Вася видел, как мимо, торопливым шагом, прошел Мехти. Через несколько секунд в том же направлении проследовало два эсэсовца. Вася вышел из ворот и направился за ними.

Когда тишину вдребезги расколот грохот взрыва, эсэсовцы остановились в растерянности, и Вася, находившийся шагах в десяти от них, уложил обоих на месте. Схватив автомат одного из них, он бросился бежать в ту сторону, куда ушел Мехти. Мимо него просвистели две пули, со звоном врезались в окна противоположного дома. Шульц снял, видимо, не всех эсэсовцев... Вася упал на тротуар и пополз. И тут чья-то сильная рука схватила его за ворот шинели, подняла, повлекла за собой в ворота с высокой аркой.

— Жив? — слышался горячий шопот Мехти.

— Жив! — ответил Вася.

— Скорее за мной, не отставай! Что это ты тащишь?

— Автомат. Это для тебя...

Мехти взял из рук Васи автомат, и оба побежали через проходной двор к воротам, выходящим на другую улицу. Сзади слышались выстрелы. Оставаться во дворе было нельзя. Но нельзя было выбежать и на улицу: по ней мчались на мотоциклах гитлеровцы. Улица была узкой, и мотоциклистам приходилось ехать в один ряд. Вася и Мехти прижались к стене рядом с воротами. Мотоциклистам, казалось, не будет конца. А во дворе уже появилась группа гестаповцев. Надо было что-то предпринимать. Когда мимо проезжал последний мотоцикл, Вася выскочил на улицу и прыгнул на мотоциклиста. Он сшиб немца на мостовую; мотоцикл сделал крутой поворот и стал поперек улицы. Все это было делом одной секунды. Возле мотоцикла завязалась отчаянная борьба. Мехти поспешил Васе на помощь. Выстрелом в упор он прикончил гитлеровца.

— В коляску! — крикнул Мехти Васе. Сам он вскочил в седло, схватился за руль, нажал ножную педаль. Затарахтел, закашлял мотор. Оттолкнув ногой труп нем-

ца, Мехти поворотил мотоцикл и включил скорость. Остальные мотоциклисты, услышав выстрелы, повернули назад и ринулись вслед за партизанами. Из ворот, откуда выбежали недавно Мехти и Вася, по ним начали стрелять гестаповцы.

Вася поудобней пристроился в коляске и открыл ответный огонь по нацистам. Сильный, хлесткий ветер бил в лицо Мехти, сорвал с его головы фуражку. Одна из пушенных немцами пуль швырнула фуражку в коляску мотоцикла.

Мехти выехал на дорогу, ведущую в Опчину; по этой дороге вез их однажды Сильвио. Нацистам, видимо, было приказано поймать партизан живыми: они стреляли в колеса мотоцикла. Вася перестал отстреливаться — надо было беречь патроны.

Вот мелькнул слева знакомый дом Марты Кобыль, и вдруг стало совсем темно. Тоннель... Когда они вырвались из тоннеля, далеко впереди звездами замигали фары мотоциклов и грузовиков. Партизан обходили... Недолго думая, Мехти круто повернул руль вправо (там был крутой спуск к виноградникам), и они полетели вниз... Именно полетели! Колеса мотоцикла порой едва касались земли; они подпрыгивали, вновь опускались на каменистую узкую тропинку... Малейшая неосторожность, и мотоцикл покатылся бы в пропасть. Мехти приходилось тормозить. Нацисты, оставив наверху свои мотоциклы, спускались вниз, и уже настигали партизан.

— Мехти,— крикнул Вася,— надо прыгать! Они уже догоняют нас.

— Нельзя, Вася! Постарайся задержать их! Нам бы только проскочить через виноградники, а там дорога поучше.

Вася открыл ураганный огонь, и среди фашистов поднялась паника. Несколько солдат сорвались в пропасть; иные стали карабкаться наверх, а большинство остановилось в нерешительности, не зная, преследовать ли им партизан или повернуть вспять... Но и у партизан вышла заминка. Мотоцикл налетел на огромный камень; фара его разбилась, мотор заглух, и пока Мехти пытался завести его, нацисты опомнились и вновь кинулись вдогонку за партизанами.

К месту преследования подоспели грузовики, набитые автоматчиками. Гитлеровцы с криками побежали вниз. Подпустив их ближе, Вася опять открыл огонь из своего автомата, и в это время мотоцикл снова рванулся вперед.

— Молодец, Вася!— радостно вскрикнул Мехти.— Держись крепче!

Мехти вел мотоцикл вслепую, без огня. Они въехали уже в виноградники. Почва здесь была вязкой. Начался подъем...

На горе появился грузовик с прожектором. Мощный ослепительный луч просверлил темноту, быстро нашупал одинокий мотоцикл, взбирающийся по склону высокого холма. Теперь мотоцикл был на виду у немцев; они начали без выстрелов окружать партизан. Вася, ослепленный светом прожектора, на время прекратил стрельбу. Мехти же стало легче вести мотоцикл: дорога была ярко освещена. Однако вязкая почва мешала развить скорость. Нацисты были совсем близко...

— Стреляй, Вася!— крикнул Мехти.

— Я ничего не вижу,— чуть не простонал Вася.

И вдруг он увидел сбоку высокого, длиннорукого немца. Немец, бежал почти что рядом с мотоциклом и хотел уже схватить Мехти и стащить с седла.

— Мехти!— крикнул Вася и обрушил на немца приклад своего автомата с такой силой, что сам чуть не вылетел из коляски.

Еще минута, и кольцо облавы сомкнулось бы вокруг партизан. Тогда гибель была бы неминуемой... Но вот почва стала тверже: виноградники остались позади. Набирая ход, мотоцикл стремительно понесся вверх по холму. Крики преследователей всё отдалялись. Немцев уже не было видно. А вскоре, после первого же поворота, мотоцикл вышел и из поля действия прожектора. Мехти снова повел мотоцикл наобум, вслепую, но уже на предельной скорости. Оглушительно ревел мотор.

Неожиданно на мотоцикл начала надвигаться из темноты какая-то черная масса. Повернуть руль было нельзя — они полетели бы тогда вниз, в ущелье. Мехти пытался затормозить, но тормоза не слушались. Да и что толку тормозить при такой скорости...

— Прыгай, Вася!— крикнул Мехти.

Но ни Вася, ни он сам не успели прыгнуть. Мотоцикл на полном ходу ворвался в огромную пещеру и врезался в один из боковых выступов. Мехти и Васю раскидало в разные стороны. Свод пещеры у самого входа обвалился, на Васю и Мехти посыпались песок, камни, щебень...

Мехти упал лицом вниз. Ложке автомата, висевшего на шее, уперлось ему в грудь, и у Мехти перехватило дыхание. Падение оглушило его, и он не помнил, сколько времени пролежал недвижимо. Сознание, которое, казалось, жило не в нем самом, а как-то отдельно от него, подсказало ему: конец! Все в нем словно оцепенело... И чудилось, что он в этом состоянии уже давно-давно, хотя оно длилось всего лишь одно мгновение. Мехти услышал глухой топот ног: сюда бежали нацисты... Надо подняться, во что бы то ни стало надо подняться и остановить их. Вася! Где же Вася?

Мехти встал, стряхнул с себя песок. Темно, не видно ни зги. Он позвал своего друга:

— Вася, Вася, где ты? Отзовись, Вася! Они идут сюда, ты слышишь?

Он споткнулся обо что-то, чуть не упал. Это был мотоцикл, лежавший на боку, поперек входа. Вася не откликнулся. Мехти двинулся в глубь пещеры. Чем дальше, тем больше она сужалась. Но вот стены ее снова раздались вишрь. У пещеры имелся выход.

«Неужели же Вася ушел?» — подумал Мехти, но тут же отогнал от себя эту мысль. Нет, он где-то здесь, поблизости, и Мехти не уйдет, пока не разыщет Васю. В этой пещере он примет бой и будет драться до последнего. Держа наготове автомат, Мехти вернулся к выходу.

Крики нацистов раздавались все громче, ближе...

— Вася, Вася! — звал Мехти. — Вася, где ты?

— Мехти, — услышал он вдруг слабый голос, шедший, казалось, из глубокого-глубокого колодца. Мехти хотел броситься на голос, но в это время перед пещерой, метрах в ста от входа, показалась большая группа нацистов.

— Мехти, Мехти!..

— Вася!..

Вася с трудом выбрался из-под щебня. Его при падении оглушило сильнее, чем Мехти; но крики друга,

вопли фашистов заставили Васю очнуться. У входа в пещеру уже металась яркая лучи фонарей.

Мехти примостился за перевернутым мотоциклом. Вася, пошарив вокруг себя руками, нашел свой автомат и присоединился к другу. Фонари, которыми светили гитлеровцы, делали их удобной мишенью. Потеряв трех человек, преследователи отступили. После недолгого совета они решили послать человека пять в обход пещеры — по краю обрыва, рядом со скалой, в которой находилась пещера, шла узкая каменистая тропа, — остальные же двинулись в лобовую атаку. Новый приказ: «взять партизан живыми или мертвыми» — сделал нацистов более решительными.

Как правило, у Васи всегда хранились под шинелью четыре или пять гранат. На этот раз была всего одна.

Заметив бегущих к пещере солдат, Вася снял с пояса гранату.

— Смотри, Мехти, — крикнул он, — сейчас я задам им концерт!

Подпустив немцев совсем близко, Вася с силой швырнул гранату.

Два немца упали, остальные повернули назад. А один, по инерции, ворвался в пещеру и, поняв, что он сам лезет в пасть к врагу, закричал отчаянно и бросился вон.

Третий штурм начался с ураганного огня. Вася и Мехти ответили длинными очередями из своих автоматов. Немцы опять отступили. Этот третий штурм обошелся им еще дороже, чем два первых, и солдаты ни в какую не хотели снова идти в атаку. Ни угрозы офицера, ни даже то, что он пристрелил одного из солдат, наотрез отказавшегося бежать к пещере, — не действовали. Немцы уже успели окрестить эту пещеру «пещерой смерти».

Но вот прогремел глухой выстрел, и яркая ракета, вспоров ночную мглу, вычертила в воздухе дугу: это те пятеро, что отправились к партизанам в тыл, давали знать, что они готовы к наступлению. Нацисты, скопившиеся перед пещерой, приободрились и с яростными криками пошли на четвертый, решительный штурм.

— Гранаты у тебя остались? — спросил Мехти.

— Нет... только автомат.

— Что ж, будем держаться до последнего патрона! Неожиданно автоматы застрекотали у них за спиной.

Несколько пуль впились в стену; на Мехти посыпался щебень. Две пули продырявили ему рукав гимнастерки, одна слегка поцарапала руку, чуть повыше локтя.

— Мехти,— крикнул Вася,— они сзади!..

Мехти поднялся, прижался к стене. Он уже хотел было двинуться навстречу нацистам, зашедшим с тыла, как вдруг услышал пронзительный, нарастающий свист. Мехти вздрогнул, отскочил в глубь пещеры. «Что это?.. Неужели они приволокли с собой миномет?»

Но этот свист смертельно перепугал и нацистов,— тех, что были у входа.

— Назад!— крикнул один из них.— Они взрывают пещеру!

Нацисты, давя и толкая друг друга, попятились назад.

— Вася!— позвал Мехти.

— Бей их, Мехти!— послышался в ответ торжествующий голос Васи.

Мехти, стреляя на ходу, кинулся к выходу и залег там за большим камнем. Вася метким огнем отогнал нацистов от входа. Однако двое из них успели спрятаться за выступом и начали забрасывать пещеру гранатами.

Мехти поднялся было, чтобы подбежать к Васе, но в это время шальная пуля, цапнув по щеке, обожгла ему ухо. Он снова залег, взялся за автомат, но обнаружил, что магазин пуст. Тогда Мехти вытащил пистолет, сделал несколько выстрелов... И немцы вдруг замолкли.

А у входа в пещеру продолжали рваться гранаты. При вспышках разрывов Вася видел на стенах пещеры оранжевые, синие, желтые разводы: это вода, просачивавшаяся сюда в течение сотен лет, так изукрасила пещеру.

«Артиллерийская подготовка» была закончена, и немцы вновь ринулись к пещере. Вася с грустью посмотрел на свой автомат: всё, отстрелялся... Прижавшись к стене в глубине пещеры, Вася приготовился к последнему рукопашному бою.

Первый ворвавшийся в пещеру нацист, не услышав выстрелов, радостно завопил:

— За мной!— и хотел бежать дальше, но налетел на мотоцикл, и тут же на голову ему обрушился приклад Васиного автомата.

Тыма крошечная стояла в пещере; нацисты ничего не видели; наощупь брели вперед. И каждого, кто приближался к Васе, настигал яростный удар автомата: Вася орудовал автоматом, как дубиной.

До Мехти доносились стоны нацистов, торжествующие возгласы Васи. Вот она, Васиная камаринская!

Еще один солдат споткнулся о мотоцикл; падая, он вцепился в Васю и выбил у него из рук автомат. Вася схватил немца за горло и стал душить. Но тут очнулся один из оглушенных нацистов. Он нащупал свой автомат и выпустил очередь в тот угол пещеры, откуда слышались звуки борьбы...

Вася, скорчившись, схватился за живот, отпустил немца... Тот был уже мертв: одна из пуль угодила в него.

Все, что Вася делал дальше, шло уже не от силы — сил больше не было,— а от характера. Вася сознавал, что это «последний, решительный». Он превозмог боль, поднял автомат немца, дал очередь, другую...

Немцы, оставшиеся в живых,— а их было мало, не больше четырех,— заслышав выстрелы, пустились наутек из пещеры. Они бежали без оглядки, думая только о том, как бы спасти свою жизнь.

А Вася ничего уже не помнил, ничего не понимал... Он забыл даже, с какой стороны шли на него немцы; и вместо того, чтоб направиться к Мехти, побрел к выходу из пещеры. Споткнувшись о чей-то труп, Вася упал, и тут же пополз дальше. Ему захотелось глотнуть свежего воздуха: внутри пещеры все было пропитано порохом, гарью. Вася полз, перелезал через трупы и все не выпускал из рук автомата, который теперь только мешал ему...

Мехти испугала тишина, воцарившаяся в пещере.

— Вася!— позвал он хриплым голосом.

Ответа не было.

В Мехти теперь никто не стрелял, и он, поднявшись, прошел к месту недавней схватки. Всюду валялись мертвые тела. Мехти двигался ощупью, разыскивая среди трупов Васю. Руки его стали липкими от крови. Вот кто-то шевельнулся рядом с ним, застонал... Мехти нагнулся над раненым, ощущал его лицо: большой с горбинкой нос, узкий лоб, жесткие липкие волосы... Мехти брезгливо отдернул руку.

— Вася, где ты?

Вот и мотоцикл. Мехти потрогал его рукой: одна из камер была спущена, и Мехти стало ясным происхождение зловещего свиста. Он перешагнул через мотоцикл и увидел у входа в пещеру сидящего на земле Васю.

— Вася! — радостно крикнул он.

Но Вася молчал... Он сидел в луже крови и держал в руке автомат, — словно охранял пещеру.

Мехти наклонился над ним.

Глаза у Васи были открыты, и в них застыло удивление; казалось, он спрашивал взглядом: «Что ж это такое происходит вокруг?..»

— Уйдем отсюда, — тихо, дрогнувшим голосом сказал Мехти.

Но Вася сидел, неподвижный, как изваяние. Мехти взял его руку. Пульс бился еле-еле и все-таки бился... В Васе еще теплилась жизнь. Но, осторожно сняв с Васи шинель, Мехти понял, что жизни этой теплится еще недолго. На Васе не было живого места.

Нельзя было терять ни минуты. Мехти прошел в пещеру, с трудом отодвинул в сторону мотоцикл и вернулся к Васе. Он поднял его на спину и, спотыкаясь о трупы, понес через пещеру. Горбоносый нацист все еще продолжал громко стонать, но Мехти не оглянулся. Выбравшись из пещеры, он зашагал по горной тропинке.

— Мехти... — услышал он вдруг слабый голос Васи.

— Вася, — обрадованно отозвался Мехти, — я с тобой... Это я, Вася!..

Вася пошевелил рукой, задел раненое ухо Мехти, Мехти чуть не вскрикнул от боли.

— Мехти... — повторил Вася. Голос его был все еще тихим-тихим, но в нем прозвучала радость. — Мехти...

— Держись, держись! Вот придем скоро в какую-нибудь деревню. Подлечим тебя. Рана у тебя пустяковая. Ты просто устал...

Голос друга придал Мехти сил и бодрости. Еще недавно ему казалось, что он не доберется живым до ближайшей деревни. А теперь он знал: дойдет, обязательно дойдет!

— Мне больно... — прошептал Вася.

— Ничего, потерпи еще немного. Скоро минует перелом, а там уж и деревня.

Ночь была на исходе. Мехти спешил. И вдруг он замер на месте... Из-за скалы вышли два немца, вооруженные автоматами. Они преградили Мехти путь. Трудно было придумать что-либо более обидное: после боя с целым отрядом — сдаться двум немцам! Не будь Васи, Мехти схватился бы с ними. Но Васю бросать нельзя...

Мехти молча ждал, что предпримут немцы. И в то же время раздумывал: как сделать так, чтобы и самому не сдаться немцам в плен, и Васю не отдать им на растерзание.

Он оглянулся. Справа от него голые скалы, слева — пропасть.

Мехти стал медленно пятиться к пропасти. Там, внизу, клубился голубой туман... Наверно, они будут лететь вниз долго-долго. Здесь очень глубоко. Надо упасть так, чтобы Вася оказался наверху. Еще один шаг... Последний в жизни...

— Товарищ! — сказал вдруг один из немцев.

— Товарищ! — сказал и другой.

Мехти остановился и поднял голову. Что это — ловушка?

— Не подходите! — хрипло выкрикнул он.

Немцы поняли, что партизан не верит им. Они положили на тропу свои автоматы и чуть отступили назад. Мехти не знал, что и думать.

— Мы не хотим воевать против вас, — сказал немец с ефрейторскими нашивками.

— Уйдите отсюда, — твердо выговорил Мехти.

И они ушли. Повернулись и ушли по тропе вниз, к зеленевшей за утесом чаще.

Мехти долго провожал их взглядом. Потом оглянулся назад и увидел, что внизу клубится уже не голубой туман, а серый. Здесь было очень глубоко. И Мехти ужаснулся своему недавнему решению. Хотя, если бы все это повторилось еще раз, — он вряд ли принял бы иное...

А немцы сидели в чаще, обескураженные, унылые, молчаливые. Наконец, один из них сказал:

— Ничего, Эрих! Иного я и не ждал. Нам сразу поверить не могут. Не обижайся на них.

— Нет, все-таки обидно, Ганс, — пожаловался Эрих. — Ведь мы воспользовались первым же случаем,

который нам представился! И обидно, когда тебе не верят...

Конечно, Ганс прав; смешно же: числиться в армии, сеюшей смерть, огонь и разрушение, и требовать, чтобы тебе так сразу и поверили! Но разве они оба — да и не только они — хотели убивать, разрушать, жечь? Разве нужна им война? Самым тяжелым в жизни Эриха был как раз тот день, когда его одели в мышиного цвета шинель и сунули в руки автомат. У него было такое чувство, будто его заставили предать все, чем он жил, что любил...

Его отец был простым токарем по дереву. И, как большинство людей, которым не пришлось учиться, он страстно мечтал видеть ученым своего сына.

Старый токарь гордился тем, что родился и живет в Веймаре—городе, где долго жил великий Гете, знал наизусть много его стихов, а в воскресный день, облачившись в потертую черную сюртучную пару, надев котелок, вел сына в концертный зал и показывал ему орган, которого касались руки Баха.

Он подолгу задерживался у памятников на площадях, одергивал Эриха, если тот громко разговаривал в картинной галерее.

У Эриха была мечта, которая дорого обошлась и его отцу, и ему самому. Отец, чтобы дать сыну музыкальное образование, и днем, и ночами простаивал за монотонно жужжащим станком; а сын, получив это образование, понял, что хорошего пианиста из него не получится.

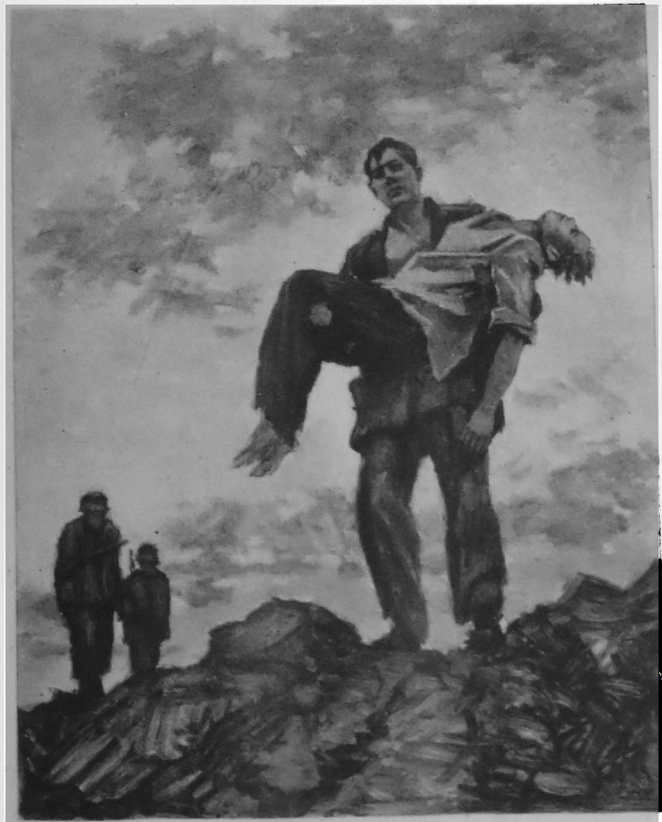
Эрих хорошо усвоил старую, мудрую истину: «Лучше быть хорошим грузчиком, чем плохим доктором». И он стал настройщиком роялей в родном городе Веймаре.

Сколько роялей прошло через его руки — дребезжащих, сломанных, гнусающих, покрытых белой эмалью, черным лаком, сделанных из красного дерева!

Он бывал счастлив, когда возвращал им юность.

И люди любили Эриха, уважали его, и ему не стыдно было смотреть в глаза своему отцу.

Стыд за себя, семью, друзей, за свою родину охватил его тогда, когда он услышал на улицах топот и улюлюканье штурмовиков, а по радио — вопли истеричного безумца, когда в Германии начали сжигать на кострах книги, убивать евреев, требовать, чтобы ты учил на-

изусть горячечный бред, заключенный в книге под претенциозным названием «Моя борьба», и измерять черепа во имя установления степени твоей добропорядочности... «Что же будет дальше?» — с тревогой спрашивал себя Эрих.

Вся Германия представлялась ему искалеченным, согнутым роялем, покрытым коричневой паутиной, роялем, на котором денно и ночно безжалостно барабанили бездарные таперы. И надо снести коричневую паутину, вернуть своей земле и ее людям юность! Это надо сделать ради Германии, ради Моцарта и Гете, ради своего отца и себя самого...

Так думал Эрих сейчас.

Эрих не был коммунистом; русских — видел впервые, о марксизме имел самое смутное представление. Но он был искренним, простым и честным человеком. И ему было обидно. Что-то теперь делает этот раненый партизан?

А Мехти, отвернувшись от пропасти, тронулся в путь.

Когда он проходил мимо автоматов, то хотел было взять один из них, но подумал, что сейчас ему не под силу нести даже лишнюю пылинку, — и ногой спихнул автоматы в пропасть. Мехти шел медленно, устало пошатываясь, останавливаясь на каждом шагу и все яснее понимая, что далеко ему не уйти. Наконец, ноги у него подкосились, и он сел, бережно опустив Васю на землю... Мехти не помнил, сколько он сидел так, в забытии: час или два. Но вот он почувствовал, что за спиной у него кто-то стоит. Он открыл глаза, обернулся и снова увидел перед собой двух немцев. Они поудобней укладывали Васю на траве.

— Сами-то вы сможете итти? — участливо спросил один из них.

Мехти смотрел на него удивленно. Он ничего не понимал.

— Вы не стесняйтесь, скажите. Если вам трудно итти, то мы понесем вас по очереди на спине. А на руках будем нести вашего товарища.

— Я пойду сам, — сказал Мехти и спросил недоверчиво: — Куда вы поведете нас?

— А вы скажите, куда вам надо.

Всю дорогу они шли молча.

Было то время, когда природа ждет наступления утра. Небо было затянуто облаками, но вдаль, на востоке, оно начинало светлеть. Теперь Мехти мог лучше разглядеть немцев. Васю нес высокий крепкотелый немец, одетый в солдатскую форму. Другой немец, тот, что шел позади Мехти, был постарше и пониже ростом. Лицо худое, озабоченное, на воротнике нашивки ефрейтора.

— Я не стрелял в вас,— сказал ефрейтор.— Нас послали напасть на вас с тыла... Но мы не стреляли! Ни я, ни он,— ефрейтор кивнул в сторону солдата.— Он хороший парень. Такие, как он, на Востоке переходят на сторону русских. А здесь трудно. Здесь — к кому перейдешь?..— он помолчал.— Меня зовут Ганс Рихтер, а его — Эрих Золлинг. Я работал кровельщиком, а Эрих — строительщик роялей...

На бледном, измученном лице Мехти появилась едва заметная улыбка. Он задумчиво шагал по узкой горной тропе.

— Я устал...— слабо произнес вдруг Вася.

Мехти вздрогнул и велел немцам остановиться. Они осторожно опустили Васю на свежую, влажную от росы траву.

— Я пойду — поищу где-нибудь воды,— сказал Эрих.

Он взял фляги — свою и товарища.

— Не задерживайся,— предупредил его Ганс.

Эрих ушел. А Ганс, пристроившись чуть в стороне, смотрел на Мехти и Васю и удивлялся про себя тому, как сумели эти два человека победить в единоборстве два десятка немецких солдат. Он вспомнил, как спускались они на мотоцикле по крутому склону, как уходили от ослепительного луча прожектора...

Ганс не понимал, о чем говорит Мехти с Васей; из их разговора он понял только, что оба русские.

Когда Мехти поворачивался в сторону Ганса, тот как-то виновато, сочувственно улыбался ему.

Вася лежал с открытыми глазами. Словно сквозь тонкую, прозрачную кисею видел он упирающиеся в небо вершины сосен. К его израненному, исхудалому лицу, на котором запеклась кровь, прилип песок. А большие голубые глаза были полны желания жить.

— Зачем ты крикнул на меня там?..— укоряюще промолвил Вася. Он с трудом выговаривал слова.

— Где, Вася?

— Там, около ямы... Когда мы шли в Триест...

«Он все еще не может забыть об Анжелике!» — с грустным удивлением подумал Мехти. А вслух сказал:

— Так надо было, Вася.

Вася взглянул на него с таким упреком, что Мехти не выдержал:

— Прости меня, Вася...

— Когда ты на меня крикнул... я понял... что она там...— Вася умолк, потом спросил:— Как ты говорил?.. «И у льва, и у львицы — повадки львиные»...— и снова замолчал.

«Вася, Вася!» — сердцем звал Мехти, а Вася все уходил от него, уходил далеко-далеко, и нельзя было остановить его...

— Вася, послушай,— сказал Мехти,— я знаю, она ведь тебя любила...

Вася прислушивался к словам Мехти, и лицо его становилось все серьезней, задумчивей.

— Люби и ты Анжелику, хоть ее и нет с тобой! Пусть память о ней будет счастьем твоим, а не горем... Ведь стоит жить на этой земле, а, Вася?..

Облака на востоке вдруг разорвались, и солнечные лучи прынули на поляну, скользнули по молодой траве, зажгли на ней тысячи капель росы и ярко осветили лицо Васи.

Мехти замер на мгновенье и вдруг отчаянно крикнул:

— Вася!..

Горы и леса ответили ему печальным эхом.

А Вася молчал. Посерьезневшие глаза его были открыты; губы чуть разомкнулись, словно Вася хотел сказать что-то очень важное, понятое им только сейчас...

В неловкой позе — на четвереньках, вытянув шею, стараясь не дышать, сидел возле Васи Мехти. Над самыми бровями у него застыли капли холодного пота.

Смотреть на него — окровавленного, в рваной одежде, с упавшими на лоб взмокшими, блестящими волосами — было страшно. Ганс ждал, что вот он сейчас поднимется и, гневный, обезумевший, бросится на него, по-

домнет его под себя. Ведь этого веснушчатого юношу убили однополчане Ганса.

Подошел Эрих с флягами в руках.

Мехти, не отрывая взгляда от Васи, стал медленно подниматься с земли. Растерявшийся Эрих хотел помочь ему, но Мехти оттолкнул его. Фляги с глухим стуком упали на землю.

— Нет Васи... — прошептал Мехти, как бы обращаясь к самому себе.

Он опустился на одно колено, бережно обнял Васю одной рукой за плечи, а другой — повыше колен и, пошатнувшись, выпрямился во весь рост.

Эрих и Ганс подошли к нему помочь.

— Пустите! — сказал Мехти.

И большими шагами, шатаясь, он пошел вперед по тропе.

Ганс и Эрих в нерешительности потоптались на месте и поплелись следом. Тропу пересекал шумный быстрый ручей. Мехти перешел его вброд и, не глядя под ноги, двинулся дальше...

Ганс и Эрих шли рядом с ним, по обе стороны.

Это была удивительная процессия: безоружный, раненный партизан, несущий на руках тело друга, и почтительные эскортирующие его два вражеских солдата.

А день разгорался все ярче. Молодо зеленела трава, пели птицы.

Мехти ничего не видел, не слышал...

Немцы не осмеливались предложить ему свою помощь, хотя понимали, что он еле держится на ногах.

Неожиданно из-за поворота вышли навстречу им крестьянские девушки — они шли гуськом, одна за другой, с корзинами и кувшинами. Это были те самые девушки, которые принесли когда-то партизанам последние крохи из крестьянских запасов.

Впереди выступала высокая, стройная девушка с большим родимым пятном над губой. Увидев немецких солдат и Мехти с Васей на руках, крестьянки испуганно остановились. Девушка с родимым пятном узнала Мехти и Васю. Она видела обоих в штабе бригады, а Вася несколько раз ночевал в их селе.

Мехти уже приблизился вплотную к крестьянкам. Девушка колебалась секунду, потом знаком подозвала к

себе подруг. Она остановила Мехти, и крестьянские девушки приняли из его рук тело Васи.

Они сделали это так властно и так нежно, что Мехти не сопротивлялся — он покорно разнял руки, посмотрел вокруг бездумным, отсутствующим взором и побрел вслед за девушками. Мехти находился в полузабытии, и хотя идти ему теперь было легко, он шел, попрежнему пошатываясь, спотыкаясь... Это состояние, похожее на сон, длилось долго. Впереди пестрели платья девушек, легко покачивалось у них на руках тело Васи, рядом шагали Ганс и Эрих...

У околицы деревни их встретила толпа крестьян. Девушки передали Васю крестьянам.

И опять Мехти, шатаясь, брел по дороге, а впереди качалось тело Васи; его несли уже не девушки, а крестьянские парни-горцы, одни — в ботинках и грубых шерстяных чулках, другие — в сапогах из некрашеной кожи.

Во второй деревушке, состоявшей всего из нескольких хат, Мехти напоили холодной ключевой водой, усадили на покосившуюся скамью под деревом. Ему что-то говорили, но он не слышал.

И снова шли они в горы. Мехти вел под руку незнакомый старик в овчинном жилете.

Васю несли впереди уже на носилках, и был он умыт, причесан, одет в чистую холщевую рубаху с расшитым воротником, обут в новые башмаки.

В селе, прилепившемся к голым скалам, сделали привал. Около Мехти сидел все тот же знакомый старик и несколько парней; слышались приглушенные голоса. Он послушно опустошил кружку с вином, чьи-то прохладные руки перевязали ему кровотокающую рану на ухе. А когда они вышли из села, Мехти увидел, что на груди у Васи покоятся большие белые цветы — дары рано пробудившейся от зимнего сна земли.

Потом Вася лежал на земле. Вокруг было очень много людей. Гремел ружейный залп. Потрясая сжатыми руками, говорил Ферреро, а потом не выдержал — отошел и стал сморкаться в огромный клетчатый платок. Говорили и другие: крепыш-болгарин, огненно-рыжий Маркос в остроконечной шапке, сдвинутой на затылок, штурман Джойс. Он совсем не знал Васю и все же волно-

вался, как никогда прежде, это было первое большое горе в его новой жизни: погиб товарищ по борьбе...

Сзади Мехти кто-то, закуривая, чиркнул спичкой; он обернулся: доброе и мягкое лицо Сергея Николаевича было печально; он судорожно затыгивался папиросой, полные щеки его чуть дрожали.

Мехти сидел перед холмиком, усталанным хвоей и цветами, а вокруг высились молчаливые каменные громады...

Не было ни боли, ни слез, ни крика — пусто в душе, пусто вокруг...

Он заметил, что напротив него, у холмика, стоят заплаканные Сильвио и Вера.

— Нет Васи,— проговорил Мехти, опять обращаясь сам к себе, и впервые за этот бесконечный день почувствовал, что ему трудно дышать. Невыносимо закололо в груди...

И вместе с болью пришла из глубины сознания почти осязаемая мысль: в его жилах, заставляя двигаться, биться изболевшееся сердце, течет Васина кровь.

Горячая Васина кровь!

И Мехти увидел перед собой не Веру и Сильвио, а Васю с Анжеликой, а потом одного Васю в форме немецкого солдата, Малыша с дергающейся щекой, а потом Васю, помогающего ему идти по лесу: Мехти еще слаб после ранения, а Вася — белобрысый, веснушчатый — восторженно говорит с ним о том, что близка весна.

Теперь нет Васи, а есть вот этот холмик...

Мехти беззвучно рыдал у маленького холмика, усталого хвоей.

Он не слышал, как откуда-то издали донесся сюда протяжный стон. Вера и Сильвио забеспокоились, но не двинулись с места — нельзя было оставить Мехти одного. Стон повторился; потом все стихло.

Это стонала чешка Лидия Планичка — во время погребения Васи она почувствовала себя плохо и поняла, что наступает та минута, когда она сможет назваться матерью. Планичка отыскала в толпе медсестру и, опираясь на ружье, как на палку, добралась до укромного уголка меж скалами.

И она подарила миру сына, а медсестра приняла его. Стоны матери донеслись до могилы Васи.

Вера пересела ближе к притихшему, неподвижному Мехти.

И Мехти вспомнил, как тащил ее Вася за руку из «комбината», а она, испуганная, вся тряслась... Не так давно это было, а кажется, прошли годы... Виа Фортун! Больше не придется бывать им в городе вместе с Васей. Виа Фортун! Неужели, кстати, это о Карранти говорил Шульц, когда посылал Макса на Виа Фортун?

Тишина на земле. Тишина должна нарушаться только песней,— сказал как-то Вася. И сейчас было тихо-тихо... Но нет, это не та тишина, о которой он мечтал.

Мехти поднялся с земли, постоял еще минуту у холмика, потом медленно побрел по тропе вниз, к лагерю.

На поляне, у одной из палаток толпились партизаны. Доктор, шумливый, как всегда, кричал, требовал, чтобы Планичку немедленно уложили — она только что пришла сюда, попрежнему опираясь на ружье,— изможденная, но вся какая-то светящаяся...

Партизаны из рук в руки передавали ребенка, возвращенного в чистое полотенце. Они пылливо всматривались в личико только что родившегося человека.

Дали его посмотреть и Мехти. Он долго держал на руках младенца, появившегося на свет в тот день, когда умер его побратим Вася, в тот час, когда Васю похоронили среди утесов, на чужбине.

Думали, какое дать ему имя. Одни предлагали называть малыша Джузеппе, в честь его погибшего отца. Другие — Василием.

— Васей,— тихо сказала Планичка.

Так начал жизнь мальчик, у которого отец итальянец, мать — чешка, а имя — русское...

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Раны Мехти заживали быстро.

Зажило ухо; лишь маленькая бинтовая повязка на руке говорила о том, что руку задела шальная пуля. И только никак не закрывалась другая, более глубокая, рана: Мехти продолжал тосковать по другу, и ему казалось, что Вася унес с собой частицу его собственного сердца.

Он пробовал уйти в работу над картиной.

Мехти наносил энергичные мазки; он работал быстро, почти испуганно. А потом долго, ни о чем не думая, смотрел на холст. Работать было трудно.

Трудно работать было еще и потому, что Мехти все больше значения вкладывал в свой замысел.

То, что он изображал на картине, было для него уже не только светлой, дорогой мечтой. Он, в полном смысле слова, выстрадал свое творение.

Боевые друзья Мехти уходили на задания, а его не брали с собой. Мехти не обижался. Он ждал своего часа.

Штаб бригады размещался теперь в маленькой высокогорной деревушке Граник, и Мехти работал в крохотном садике перед глиняным домиком с плоской крышей. В садике росло всего несколько низкорослых, чахлах деревьев и кустов кукурузы. По крыше домика ходил часовой.

Возле Мехти часами просиживал Анри Дюэз — он кашлял еще сильнее, чем прежде (весна — плохое время для туберкулезных), но и слышать не хотел о том, чтоб оставить бригаду.

Пули его не брали, и Дюэз был уверен, что увидит такой вот день, какой изображал в своей картине Мехти.

У Дюэза был фотоаппарат; он незаметно заснял Мехти за работой и подарил ему фотографию. Подарил он карточку и высокой девушке с родимым пятном над верхней губой. Она жила в этом селе и часто заходила в садик, чтобы молча, украдкой, взглянуть на прославленного партизана с мягкими темными глазами...

Мехти на фотографии сидел, чуть откинувшись назад, с кистью в руке, и смотрел на холст; к бедру его плотно прилегала кобура с любимым пистолетом; по крыше ходил часовой. Вооруженный партизан, занимающийся на досуге живописью, — это само по себе могло бы послужить темой для волнующей картины...

Дюэзу, когда тот заговаривал с ним, Мехти отвечал односложно, но ему нравился смуглый корсиканец с его страстной, всепоглощающей верой в праведность «большой вендетты».

...В домике распахнулось окно.

— Мехти! Все, кто там есть, сюда! — взволнованно крикнул из окна Сергей Николаевич.

Таким взволнованным его видели редко. Партизаны, находившиеся в садике, в тревоге побежали к домику. Мехти ворвался в комнату и застыл на пороге.

В побеленной горнице была установлена мощная рация, недавно отбитая у немцев. Обслуживала рацию Лидия Планичка; и не только потому, что у нее оказались кое-какие познания в этой области; просто она теперь могла выполнять лишь «спокойные» обязанности при штабе.

Сейчас она сидела у радики с ребенком на руках. Вокруг сидели и стояли несколько командиров отрядов, Ферреро, Янко.

Сергей Николаевич приложил палец к губам. Издалека, тихо, но с кристаллической ясностью, слышались позывные Москвы.

У Мехти дрогнуло сердце. Он осторожно прислонился к косяку двери.

Спокойный, сильный голос диктора сказал: «Приказ Верховного главнокомандующего...»

В приказе говорилось о переходе советскими войсками государственной границы, о вступлении их с боями на территорию Румынии и Чехословакии.

В ознаменование одержанной победы главнокомандующий приказывал произвести в Москве артиллерийский салют из двухсот сорока орудий...

«Верховный главнокомандующий Сталин. Москва. Кремль», — закончил диктор.

Что после этого стало твориться в горнице! Ферреро целовал Сергея Николаевича, Дюэз плясал, Мехти обнял Янко — и тот замер блаженно, Планичка протянула вперед ребенка, словно для того, чтобы и он услышал далекий спокойный голос.

...В Москве гремел салют, и его зарницы освещали чехословацкие и венгерские города, доки Марселя, лондонский Ист-Энд, туринские заводы, горы Корсики и заброшенное селение Граник.

Москва возвещала миру о приближении победы, и все слышали ее голос.

Мехти лежал в садике, в гамаке, сделанном из шинели. На табуретке рядом с ним сидел, строгая палочку, Сергей Николаевич.

— Теперь скоро, совсем уж скоро, правда, Сергей Николаевич?— еле слышно спросил Мехти.

— Теперь уж скоро,— не глядя на него, сказал полковник. Он отбросил палочку, поднял голову.

— Ты знаешь, Мехти, у меня все время перед глазами один уголок Москвы: Охотный ряд, Александровский сад, Манеж... На углу толпа любителю салютом. В толпе Таня и Петька... Петр-то теперь, наверное, уже выше матери...

— А мне все время кажется, Сергей Николаевич, что стоит выйти из этой толпы, пройти Красную площадь, и за ней — ну, в двух шагах от Василия Блаженного — начинаются уже улицы Баку...

Командир бригады попросил к себе полковника, потом к нему позвали и Мехти.

Штабом были получены два очень важных сообщения. Первое обрадовало всех, второе заставило задуматься.

— Ты был прав,— сказал полковник, когда пришел Мехти,— местонахождение Карранти уточнено.

— Виа Фортуна?— взволнованно спросил Мехти.

— Да, и у нас есть теперь точный адрес.

— Сергей Николаевич, товарищ Ферреро!— Мехти не находил себе места от волнения.— Пошлите меня в Триест!

— Погоди, Мехти, погоди; дело гораздо сложнее, чем ты думаешь.

Но Мехти ничего не желал слышать.

— Вы не думайте, что во мне горит месть. Нет, я хочу обезопасить нашу бригаду от врага, который слишком много знает о нас и слишком нам мешает.

— Все это верно,— перебил его Ферреро,— но дело в том, что у нас имеются и другие, более важные сведения.

— Я могу о них знать?— спросил Мехти.

— Речь идет о том — жить или погибнуть нашей бригаде. Видишь ли, Мехти, эти два немца, что перешли к нам, оказались правы. И старик-священник не зря говорил тебе о скоплении немцев в Триесте. Завтра под покровом ночи горнострелковая дивизия нацистов под командованием полковника Гульбаха вступит в горы. Они решили сжигать деревни, расстреливать население, прочесывать леса...

— Это у них называется создавать мертвую зону,— сказал Мехти.

— Да, их цель создать зону пустыни и уничтожить нашу бригаду,— проговорил полковник.— А нас слишком мало для того, чтобы мы могли бороться против целой дивизии вооруженных до зубов фашистов. Назад же — дороги тоже нет.

— Значит, с Карранти пока подождать?

— Ни в коем случае!— воскликнул Сергей Николаевич.— Есть подозрение, что Гульбаха будет негласно консультировать именно Карранти.— Сергей Николаевич положил руку на плечо Мехти.— Видишь ли, друг мой, мы знаем, что тебе уже нельзя появляться в Триесте. Но план, который мы разработали с Ферреро, способен разгадать только Карранти, и этот мерзавец может сильно помешать нам.

Мехти улыбнулся:

— Вы говорите со мной так, словно я не знаю, насколько важно убрать с нашей дороги Карранти.

Мехти понимал, что это самое опасное из всех поручений, которые ему приходилось когда-либо выполнять. Понимали это и остальные. После некоторого молчания Ферреро предложил:

— Приступим к обсуждению нашего плана.

Через пять минут в штабе собрались командиры отрядов. Ферреро, вкратце обрисовав создавшееся тяжелое положение, предоставил слово Сергею Николаевичу, и тот начал излагать свой план, благодаря которому можно было помешать фашистам проникнуть в горы.

План Сергея Николаевича был прост и смел и требовал от каждого командира и каждого бойца находчивости, отваги, мужества.

План этот заключался в следующем. Двести партизан под командованием собравшихся здесь командиров должны отправиться в окрестности Триеста. Их задача — заминировать все дороги, ведущие в горы, снабдить крестьян, сочувствующих партизанам, трофейным оружием. Партизаны возьмут с собой четыре полевых орудия, пятнадцать крупнокалиберных пулеметов и четыре бронемашин, отбитые у нацистов и спрятанные в лесу. Бронемашин и оружие надо тщательно замаскировать на подступах к Триесту, и засечь места, где они будут

укрыты. После этого партизаны кружным путем проберутся в Опчину.

Пропустив перед основные силы карательной экспедиции, они зайдут им в тыл и, по сигналу, откроют ураганный огонь из орудий, минометов, ворвутся в ряды фашистов на бронемашинках; в общем, сделают всё, чтобы ошеломить их, создать у фашистов впечатление, что они попали в мешок. Часть партизан должна незаметно пройти из Опчины в рабочие кварталы города и там ждать сигнала.

Когда фашисты получают неожиданный удар в спину, такой же удар будет нанесен им и с фронта. Если они все же попытаются прорваться вперед, то под ними начнет взрываться земля и они растеряются, не будут знать, куда направить главный удар. Пока они догадываются, что в тылу у них всего лишь двести человек, они уже понесут большие потери. Партизанам нужно разбиться на небольшие отряды, по десять, по пятнадцать бойцов. План наступления в горы у немцев строго засекречен. И они, в силу обычной своей самонадеянности, уверены, что об этом плане никто не может знать и не предпринимать особых мер предосторожности. Поэтому главную ставку надо делать на неожиданность. Сигнал к выступлению будет дан ракетой. Позиции, занятые партизанам в тылу врага, необходимо менять в зависимости от расстановки сил фашистов и того порядка, в каком они будут двигаться.

В этой операции участвуют только добровольцы: многим не суждено будет вернуться назад.

Уточнив по карте для каждого командира задачу, позицию, которую он должен занять в тылу врага, и возможные направления, по которым придется отступать или наступать, Сергей Николаевич отпустил их. По лагерю была дана боевая тревога.

Через час отряд из двухсот партизан был готов к выполнению сложнейшей операции. Полковник доложил Ферреро о том, что все бронемашинки проверены и приведены в порядок. Одной из них должен был управлять Сильвио.

Вперед отправились разведчики, а вместе с ними и Мехти. Они поднимали своих людей в селах и деревнях, и люди, получив от подросшей партизанской части

оружие, занимали горные тропинки, помогали партизанам минировать дороги.

Фашистские каратели должны были покинуть Триест и начать свое наступление на следующий день в двенадцать часов ночи. В десять вечера партизаны были уже под Триестом и, замаскировав пушки и бронемашинки в оврагах и заброшенных сараях, ушли кружным путем в Опчину. Сбор был назначен во дворе дома Марты Кобыль. Отсюда человек пятьдесят по одному пробрались в город. Связным был назначен триестинский токарь — ближайший сподвижник товарища П. Токарь разместил партизан по рабочим кварталам.

В эту ночь в Триесте было необычно тихо. Патрули медленно прохаживались по городу, по рабочим кварталам, но никого не встречали. Город казался вымершим. Но это только казалось. На западной окраине города строились в это время батальоны фашистов, заправлялись машины и мотоциклы. Дивизия ждала сигнала к выступлению.

А по улицам Триеста, прижимаясь к стенам домов, торопливо шли подростки, направляясь к собору Сан Джусто. Началось это вот с чего. Один из мальчишек, косяглазый Марио, услышал, как кто-то тихонько постучал в дверь их дома. Отец его, вскочив с постели, открыл дверь. Мальчик тихо подкрался к дверям, ведущим в комнату родителей, и прижался ухом к замочной скважине. Марио мало что понял из слов гостя и отца, но одно было ясно: заваривается какая-то каша. Долг дружбы обязывал мальчишку немедленно сообщить об этом своим товарищам... И вот начались перебежки с улицы на улицу, из квартала в квартал. Ребята решили подняться на колокольню Сан Джусто, откуда весь Триест был виден как на ладони, и с нее наблюдать за тем, что будет происходить в городе.

Ровно в полночь Мехти вышел из дома Марты Кобыль. Через плечо у него была перекинута сумка с двумя порциями взрывчатки. Впервые за все время он шел выполнять задание один, без напарника.

Спускаясь в город, Мехти слышал шум машин, танков, мотоциклов и топот сотен кованых сапог.

«Началось», — подумал он и ускорил шаги...

...Карранти в эту ночь был в приподнятом настроении.

Только что по телефону он пожелал полковнику Гульбаху успеха, еще раз пообещал ему свою помощь, когда это понадобится, и попросил осведомлять его о ходе операции. Все тайные тропы были отмечены на карте у Гульбаха; он довольно отчетливо представлял себе возможные позиции партизан.

«Наконец-то с партизанами будет покончено», — радовался Карранти. Он решил сегодня не спать, а ждать сообщений о первых успехах дивизии Гульбаха: ему должны были позвонить по телефону. Чтоб не скучать, Карранти завел радиолу.

...Партизаны вышли из своих убежищ и стали занимать позиции...

...В гестапо, в эсэсовских частях, оставшихся в Триесте, царил оживление. Немцы радовались, не меньше Карранти: конец партизанам, теперь можно будет хоть немного отдохнуть от тревог. По городу бродили подвыпившие гитлеровцы.

В половине первого ночи на улицах Триеста можно было даже услышать излюбленную фашистскую песенку — «Лили Марлен».

...Мехти решил сократить дорогу и добраться до Виа Фортуна проходными дворами.

Спустя минут десять он уже искал на этой улице дом Мазелли. Услышав шаги идущих в ногу жандармов, Мехти остановился и вошел в первую попавшуюся дверь, над которой горели красные фонари. Внутри, кроме нескольких пьяных нацистов, никого не было. К Мехти подошел хозяин заведения. Угожливо улыбаясь, он сказал:

— Синьор, сегодня есть полная гарантия, что в городе будет спокойно. А девушки наши скучают... Прошу...

— Я не один, — ответил Мехти, прислушиваясь к топоту проходящего по улице отряда фельджандармерии, — нас целая компания.

— Где же они? — обрадовался хозяин.

— Я должен буду пойти за ними. Они послали меня узнать, можно ли у вас хорошо повеселиться.

— Ну, конечно! — воскликнул хозяин. — Тут всего два клиента, этот третий не в счет, — он указал на развалившегося на диване итальянского унтера: унтер был вдрызг пьян.

— Тогда я пошел за своими.

— Торопитесь, — крикнул вслед Мехти хозяин. — А то мои девушки умрут от скуки!

Выйдя на улицу, Мехти оглянулся по сторонам и двинулся по Виа Фортуна. Вскоре он увидел разрушенный дом, огороженный высоким, наспех сколоченным забором. Это был тот самый «комбинат», который они с Васей недавно взорвали. На заборе висели афиши с изображениями полуголых девиц, обрывки пестрых объявлений.

«Так... Через два дома будет дом, где спрячется Карранти», — отметил про себя Мехти.

И вот, наконец, этот дом, который так долго разыскивали партизаны. Темно, тихо... И кажется, будто дом высечен из большого цельного камня. Мехти подошел к массивным дверям подъезда. Кнопка звонка должна находиться с левой стороны. Он нащупал ее. Надо дать три коротких и один протяжный звонок. Мехти решительно нажал на кнопку. Сейчас он боялся только одного: что Карранти нет дома. Однако и с немцами Карранти быть не могло; ему нельзя было раскрывать ту роль, которую он играл в предстоящей операции. Партизаны понимали это.

За дверью послышались легкие шаги, щелкнул замок, и в дверях показалось лицо моложавой горничной. Горничная хотела было спросить незнакомца, что ему нужно, но Мехти не дал ей опомниться. Он зажал горничной рот и вошел внутрь. Все остальное свершилось в течение нескольких секунд: Мехти скрутил горничную по рукам и ногам, сунул ей в рот кляп, привязал ее к перилам лестницы и, затворив дверь, направился вверх. Медленно, с большой осторожностью, держа наготове пистолет, продвигался Мехти по коридору. На этот раз нельзя было дать возможность американцу опередить себя...

...В гостиной гудела радиолка, свет хрустальной люстры пламенел в двух больших стальных зеркалах. Насвистывая военную американскую песенку «Улыбайтесь!», Карранти укладывал в автоматический проигрыватель радиолы недавно полученные из Америки пластинки. Первой он пустил пластинку «буги-вуги». Довольный,

поднял от радиолы гладко причесанную голову. и... замер на месте.

Слева от радиолы было вделано в стену большое, окаймленное затейливой рамой, зеркало, и оттуда смотрел на Карранти человек в немецкой форме. Взгляд его черных бархатных глаз был решительным и беспощадным.

Карранти был настолько ошеломлен, что не сразу даже повернулся к человеку, стоявшему за его спиной. Несколько секунд они смотрели друг на друга в зеркало. Потом тонкие губы Карранти искривились, рука потянулась к тумбочке, на которой лежал пистолет, и повисла в воздухе: Карранти вспомнил, что Михайло стреляет метко.

Медная труба джаза взяла пронзительно высокую ноту и долго держала ее, в то время как барабан отбивал бешеные такты.

Карранти повернулся к Мехти, жалкая улыбка расплылась по его лицу:

— Ты... ты не должен убивать меня, Михайло... Я тебе всё сейчас расскажу...

— Нет, Карранти,— покачал головой Мехти,— нам не о чем говорить. Все ясно. Вы прикидывались другом. И вы предали нас. Я думал, что вы примете смерть более мужественно.

Он медленно направился к Карранти, а тот отступил и прижался к радиоле. Струйки пота текли по его щекам, он был бледен, но старался не выдать своего страха.

— Но я... я американец!— воскликнул он.

— Я этого не знаю,— сухо ответил Мехти.

Не отрывая глаз от медленно надвигавшегося на него Мехти, Карранти лихорадочно шарил рукой по тумбочке, но не находил пистолета.

— Послушай, Михайло, я... я накопил почти миллион... миллион! Это глупо... глупо...

Мехти подошел к нему совсем близко, и в глазах его, столько видевших за последнее время — и трагического, и высокого, и мерзкого,— Чарльз Беннет прочел свой приговор.

Он стоял, озираясь, словно затравленный зверь, и вдруг с диким, нечеловеческим криком рванулся с места и прыгнул на Мехти. Только этого и ждал Мехти, стре-

мившийся избежать лишнего шума. Один за другим глухо прозвучали два выстрела. Мехти расстрелял врага в упор.

Беннет упал на Мехти, стал медленно сползать вниз, повалился, скорчившись у его ног. Пули попали ему в живот.

Мехти перевернул его ногой, взглянул на его лицо. Беннет лежал в луже крови, но был еще жив. Это были последние секунды жизни — от двух таких выстрелов умирают даже люди «с железными тросами вместо нервов». В комнате слышались звуки «буги-вуги», из радиолы неслись визг, свист, треск, гнусаво хохотал саксофон.

Мехти повернулся и ушел.

А джаз продолжал неистовствовать, и под его музыку умирал Чарльз Беннет. Сознание его на миг прояснилось. «Да,— думал он,— я ничего не мог с ним сделать. Он должен был прийти... Все равно, рано или поздно, он должен был прийти. Вот он и пришел... и все произошло так просто и глупо».

Беннет чувствовал, что Михайло сильнее его, но в чем его сила — так и не мог понять.

Он начал кричать, звать на помощь, но голоса его не было слышно из-за джазовой трескотни. Пытался подняться — не вышло. «Скорей бы кончилась эта музыка,— беззвучно шептал он,— может быть, еще придет Анна? Может быть, меня спасут? Скорее бы кончилась эта музыка...»

Но музыка не кончалась, пластинки автоматически заменялись одна другой, в проигрывателе радиолы еще оставалось десять несыгранных пластинок. Никогда не думал Беннет, что будет умирать под такую музыку. И когда он понял, что сейчас конец, в сознании его, словно на экране, прошло все, из чего состояла его жизнь: Ницца, линчевание негра, нож в спину Михайло, повешенная Марта Кобыль, истерзанная Анжелика, пристреленный Мазелли, доллары, молодой американец, развивающийся на своем автомобиле головокружительную скорость, голос Стоуна, голос шестидесяти семей Уолл-стрита... Кадры мелькали в сопровождении бешено визжащего, стонущего, ржущего джаза, и Чарльзу Беннету вдруг стало обидно, что он умирает, а эта музыка — остается...

...Мундир Мехти был весь в пятнах крови. Но Мехти не обращал на это внимания. Он спустился по лестнице, задержавшись возле связанной горничной. Ее мучило удушье, она вся позеленела.

Мехти вынул из ее рта клаяп.

— Что там происходит?— спросила насмерть перепуганная горничная.

— Разве вы не слышите?— устало улыбнулся Мехти.— Играет музыка...— и он снова заткнул ей рот клаяпом.

Горничная с ужасом смотрела, как он уходил.

А Мехти, захлопнув двери этого дома, двери, ведущие, казалось, в иной, гнусный, чуждый ему мир,— вспомнил почему-то об Анжелике, о Ферреро, о многих честных итальянцах, которые живут там, в горах, которые в лютые морозы спали рядом с ним на снегу, делили последние крохи кукурузного хлеба и умирали в боях за свободу, за хорошую, честную жизнь. Он любил их и считал своими братьями.

Держа пистолет наготове, но не вытаскивая его из кармана, Мехти пересек улицу и нырнул в темный двор. Скрываясь через проходные дворы — продолжало оставаться его излюбленным приемом.

...Вскоре ребята, засевшие на колокольные Сан Джусто, увидели, как вспыхнула невдалеке ракета. В окрестностях Триеста загрели пушки, минометы. А через минуту им стали вторить тревожные сирены грузовиков, несущихся по триестинским улицам к городским окраинам. В грузовиках сидели эсэсовцы.

Когда Мехти услышал гудки и шум машин, мчавшихся по улице, он укрылся в подворотне.

Нацисты, ворвавшись в тыл к партизанам, могли отвлечь на себя значительные силы, и Мехти решил хоть чем-нибудь помочь боевым друзьям. Быстро рассчитав время, за которое к нему должны были приблизиться грузовики, он вынул из сумки взрывчатку и раздавил пятиминутный капсюль детонатора. Через четыре минуты из-за угла показались машины. Это был большой риск со стороны Мехти; он мог неправильно рассчитать время, или взрыв, как это бывало иногда, мог произойти раньше, чем следовало. Нужно было обладать поистине железной выдержкой, чтобы ждать приближение машин, когда до взрыва оставалась всего одна минута. Вот и

первая машина; сейчас она промелькнет мимо ворот. Уловив мгновенье, Мехти швырнул взрывчатку в кузов машины и скрылся в темноте.

Взрывчатка упала прямо на головы нацистов, они испуганно шарахнулись к бортам и тут же сильный взрыв разнес кузов в щепки. Взрывной волной перевернуло следующую машину, а она преградила дорогу всем остальным. Нацисты выскочили из других машин и побежали в ворота, на которые им указывали раненые эсэсовцы, видевшие, откуда была брошена взрывчатка.

Мехти стремглав бежал вниз по улице. Повернув налево, он увидел бегущих ему навстречу двух фельджандармов. Назад пути не было; Мехти побежал к жандармам. Ни он, ни жандармы не стреляли. Когда расстояние между ними сократилось до двенадцати шагов, Мехти с разбега повалился на тротуар и автоматные очереди, пушенные жандармами, прошли высоко над ним. Мехти выстрелил два раза подряд; один из жандармов упал лицом вперед, а другой присел около стенки и умер сидя. Вскочив на ноги, Мехти снова бросился бежать, на ходу выхватив автомат у откинувшегося к стене жандарма.

Не успел Мехти добежать до конца улицы, как сзади загрели выстрелы. Он побежал быстрее, вырвался вскоре за город и, преследуемый гитлеровцами, стал уходить в сторону гор...

...— Это был Михайло!— восхищенно сказал косоглазый Марио своему товарищу, одетому в такие же живописные лохмотья, как и он сам, и почему-то прозванному ребятами «тененте»—«лейтенант». Марио-то знал, что Михайло нельзя повесить...

Бравый «тененте» понимающе кивнул и утер нос рукавом.

...А на восточных подступах к Триесту завязался жестокий бой.

Первые же пушечные выстрелы расстроили ряды дивизии Гульбаха. Нацисты, опешие от неожиданности, не могли сначала определить, откуда по ним бьют из пушек. А потом решили: не из Триеста же их атакуют... И принялись занимать позиции, чтобы дать отпор партизанам, наступающим, по их предположениям, с гор. Но не успели нацисты развернуть орудия, как на них снова

обрушился огонь пушек и минометов. Один из снарядов угодил в грузовик с боеприпасами, и это стоило жизни многим гитлеровцам. Гульбаху стало ясно, что их позиции хорошо просматривались партизанами, и он распорядился на время отступить к Триесту. Карранти, правда, говорил ему, что партизан в горах не так много, но все-таки лезть на рожон не стоило: если уж они осмелились выступить против дивизии Гульбаха — значит, расчитывают же на что-то.

Нацисты попятились назад; и тут-то и начал реализовываться в полной мере план Сергея Николаевича. Подпустив нацистов поближе, партизаны, сосредоточившиеся в предместьях Триеста, ринулись в атаку. Небольшими группами с разных сторон врывались они в ряды нацистов, тут же отступали и совершали новый налет. Действия партизан поддерживались непрерывным огнем пушек и минометов.

В центре отважно сражался отряд Анри Дюзэ. Партизаны закидывали нацистов гранатами. На одном из флагов косил гитлеровцев из автоматов отряд крепыша-болгарина. Сильно носился среди немцев на своем броневике, сбивал их с ног, давил, расстреливал. Сделав свое дело, он исчезал и появлялся в другом месте.

В конце концов, у нацистов создалось впечатление, что противник бросил против них крупные силы. А партизан было всего двести человек, двести смелых борцов за свободу!

Пушечная пальба, вой минометов, трескотня автоматов, разрывы гранат, «набеги» бронемашин вызвали среди нацистов такую панику, что они начали давить друг друга, стрелять по своим.

Гульбах, наконец, понял, что орудия бьют по ним только со стороны Триеста. Первое, что ему пришло в голову, — это, что Карранти предал их: постарался сделать так, чтобы немцы вывели из города свои войска и открыли Триест для союзников, высадивших десант. Дивизии был дан приказ отойти в сторону гор и там укрепиться: получив передышку, легче будет разобраться, что происходит в тылу дивизии. Но отступление к горам не принесло немцам ничего хорошего. Танки, наехав на мины, взлетели на воздух; дороги под ногами фашистов вздыбились взрывами. Из триестинских предместий про-

должали бить пушки и минометы; загремели выстрелы и со стороны гор.

Взбешенный Гульбах приказал своему авангарду вернуть дальнобойные орудия на Триест.

А в это время партизаны одного из отрядов подобралась к линиям высокого напряжения, тянущимся к Триесту, и вскоре мальчишки, выбравшие себе наблюдательным пунктом колокольню Сан Джусти, увидели нечто сверхестественное: безоблачное небо прорезали молнии, и к городу с шипением поползли яркоголубые огненные змеи. Это горели линии высокого напряжения.

Увидели ребята и еще одну диковину: огненная стрела летела по земле и вдруг, близ города, остановилась и начала разрастаться в дымное зарево. Огненной стрелой показались ребятам мчавшийся по северной дороге поезд, подожженный Янко и его товарищами. Поезд с хода врезался в составы, стоявшие на запасных путях товарной станции, и там начался пожар.

Янко все-таки вписал о себе главу в книгу партизанских побед.

А голубые молнии плясали уже над самым городом. Ярким пламенем вспыхнуло несколько подстанций.

...Когда дальнобойные орудия Гульбаха начали бить по Триесту, Ферреро сигналом дал отрядам приказ прекратить огонь и незаметно отойти. Задача была выполнена — каратели потерпели разгром. Партизаны заплатили за это дорогой ценой: из двухсот человек Дюзэ и болгарин привели в бригаду только сорок. Но основные силы бригаде удалось сохранить.

...Спустя немного времени Гульбах со своей изрядно потрепанной дивизией, не встретив никакого сопротивления, вошел в Триест и обнаружил, что город — в руках... гитлеровцев. Гитлеровцы, находившиеся в городе, тоже были ошеломлены, узнав, что по Триесту, вгоняя немцев в панику, била немецкая артиллерия.

Гульбах прежде всего послал за Карранти. Ему доложили, что Карранти убит. Горничная, когда ее развезли, рассказала о таинственном ночном визите. Выяснилось, что вскоре после этого кто-то бросил, недалеко от Виа Фортуна, взрывчатку в грузовик с нацистами. По всем признакам в обоих случаях действовал один и тот

же человек. Припомнили немцы и недавний взрыв в «Иль Пикколо», и бой в пещере...

Опять Михайло, опять!..

Гульбах — в помощь тем, кто уже преследовал Мехти, отрядил новую погоню.

♦♦

Долгий и трудный путь проделал Мехти, прежде чем добрался до села Великий Дол.

По дороге он сумел запутать следы, и пока нацисты где-то кружили, решил хоть немного отдохнуть и набраться сил. А потом — снова в путь. Крестьяне радушно приняли Мехти, сразу же смекнув, что это партизан.

Мехти спал как убитый, а крестьяне следили за дорогами. Не прошло и получаса, как к дому, где отдыхал партизан, прибежала запыхавшаяся девушка и предупредила, что немцы окружают село. Мехти разбудили и проводили на дорогу, ведущую в деревню Витовле.

Снова Мехти уходил от врага... Ноги уже не слушались его; он часто спотыкался о камни, падал, снова вставал и шел, шел, не оглядываясь назад. Он устал, смертельно устал.

Есть же предел того, что может вынести человек! Каждое появление Мехти в Триесте было подвигом, а появлялся он там не однажды. Сколько раз врался он в логово врага, совершал, казалось, немыслимое и, в конце концов, уходил.

Уходил он и сейчас. Усталый, измученный, еле держась на ногах, Мехти уходил, чтобы снова вернуться. «Только бы немного отдохнуть... хотя бы чуточку отдохнуть».

Впереди, в предрассветных лучах солнца, показалась деревня Витовле. Здесь Мехти нередко приходилось ночевать. Сильно хромя, опираясь на автомат, Мехти вошел на улицу деревни. Крестьяне узнали его, спрятали, перевязали ему раны.

Спустя два часа деревню окружили гитлеровцы. Они перекрыли все дороги, подтянули к деревне артиллерию. Бой в пещере не был ими забыт, и они уже не представляли себе борьбу против одного партизана иначе, чем с помощью артиллерии.

Мехти разбудил шум на улице. Он выглянул из чердачного окна и увидел, что нацисты стоняют крестьян на деревенскую площадь. Площадь была недалеко от дома, в котором скрывался Мехти.

Нацисты выгоняли из домов и женщин с детьми, и стариков, и даже больных. Дворовые псы с лаем бросались на солдат; гитлеровцы стреляли в них. Крестьяне они били прикладами. Но никто не стонал, не кричал. Кричали только нацисты, а люди шли на площадь молча. Люди молчали и тогда, когда немцы, собрав их на площади, предложили указать дом, где прячется партизан. Предателей среди крестьян не оказалось. Тогда гитлеровцы пригрозили крестьянам: в случае, если они не откроют местопребывания партизана, поджечь деревню и уничтожить всех жителей, вместе с детьми и стариками. Люди стояли молча, в упор глядя на нацистов.

И Мехти увидел, что гитлеровцы готовы привести свою угрозу в исполнение. Он увидел, как запылали первые дома, увидел, что нацисты собираются стрелять по стоявшим на площади людям...

Скулы на лице Мехти обозначились резче. Он снял свой автомат. Жертвовать жизнями ни в чем не повинных людей Мехти не мог...

Длинная очередь, пущенная из автомата, повалила нескольких нацистов. И это спасло деревню и ее мужественных жителей.

Открыв огонь, Мехти тем самым обнаружил себя. С ликующими возгласами нацисты кинулись к дому.

«Теперь, пожалуй, конец», — подумал Мехти.

На чердак нацелились стволы орудий.

— Сдавайтесь, — крикнул эсэсовский капитан, — тогда мы не будем стрелять!

Мехти не ответил ему.

— Соппротивление бессмысленно, сдавайтесь!

Мехти молчал. Он мысленно прощался со всем, что было ему дорого. Города и люди оживали перед его взором. Родные, любимые города. Баку... Улица Касум-Измайлова, где он провел свое детство; художественное училище. Москва — он словно услышал бой часов Спасской башни!.. Ленинград: Нева, прозрачные, журчащие фонтаны в Петергофе. Красавец Тбилиси, героический Сталинград... Великая, необъятная Родина!.. Родные,

любимые люди... Шумный Ферреро... Сдержанный, добрый Сергей Николаевич... Вася, родной Вася... И Биби, которая вырастила его... Она, чудилось, гладила его по волосам своей загрубевшей старческой рукой и тихо говорила: «Сын мой... Мехти... Таким я и хотела тебя вырастить... Только таким!»

Нацисты ждали, что ответит им партизан.

Ответа не последовало.

Тогда эсэсовский капитан, подозвав одного из местных стариков, приказал ему войти в дом и передать партизану, что, если он сдастся, нацисты обещают подарить ему жизнь, если же станет сопротивляться, то по нему будут бить из пушек... На размышление ему дается пять минут.

Старик молчал, направился к дому, вошел в него, поднялся на чердак. Это был его дом. И Мехти не раз прятался у старика. Подойдя к Мехти, старик с сокрушенным видом молча, остановился перед ним.

— Что с тобой, Тинти? — тихо спросил Мехти.

— Тяжело мне, сынок...

— Говори, — улыбнулся Мехти, — с чем они послали тебя!

— Нет, я не скажу тебе того, что они велели передать! — воскликнул старик.

— Спасибо, Тинти.

— Зачем ты открылся им? — с укором спросил старик.

— Я всегда поступаю разумно, Тинти...

— Они ведь брали нас на испуг... Откуда им знать, что ты здесь?

— Этот «испуг» дорого бы вам обошелся, Тинти...

Старик с нежной, отцовской лаской взглянул на Мехти, потом сказал:

— Через четыре минуты они начнут бить из пушек...

— Мне жаль твоего дома, Тинти.

— На месте этого дома мы разобьем большой цветник, — с трудом сдерживая слезы, сказал старик, — и поставим памятник советскому воину Михайло... И дети наши, и дети детей наших из поколения в поколение будут рассказывать о тебе сказки-былины...

— Прощайте, Тинти. Вы — честные люди... Дорожите своей честью, берегите ее: впереди еще много суровых испытаний.

— Мы будем помнить тебя, Михайло.

— Прощай.

Но старик медлил покидать дом.

— Уходи, Тинти,— поторопил его Мехти,— остается всего минута...

И Тинти ушел. Он спускался вниз медленно, не торопясь.

— Скорее, Тинти!— крикнул Мехти, заметив, что нацисты готовятся обстреливать чердак.

К Тинти, когда он вышел из дома, подскочил эсэсовский капитан.

— Ну, что?— с нетерпением спросил он, показывая старику на часы.— Время уже истекло.

— Он это знает,— коротко ответил старик.

Капитан скрипнул зубами и зашагал к орудиям.

— Начинайте!— приказал он.

Но солдаты, находившиеся у орудий, не двинулись с места. Они стояли, понурив головы.

— Стреляйте!— закричал капитан.

— По одному человеку из пушек не стреляют,— сказал один из солдат.

— Что это, бунт?— в ярости завопил капитан. Он схватил свой пистолет и повернулся ко второму солдату.— И ты не хочешь стрелять?

— Я тоже так думаю, господин капитан,— глядя себе под ноги, ответил второй солдат,— по одному человеку не стреляют из пушек...

— Предатели! Коммунисты!..

Не помня себя от бешенства, капитан выстрелил, и оба солдата замертво свалились у своих орудий.

— Из автоматов — огонь!— крикнул капитан, потрясая пистолетом.

Как только нацисты начали стрелять по чердаку из автоматов, в них полетели гранаты. Нацисты укрылись за домами. Они знали, что и гранат, и патронов у партизана хватит не надолго. Но и Мехти понимал, на что рассчитывают нацисты, и выжидал, пока они предпримут новую атаку. Три раза пробовали нацисты подступить к дому и все три раза, оставив на площади трупы, отходили назад.

Однако вскоре им удалось ворваться в дом. Мехти услышал их крики и, когда они взбежали на лестницу,

бросил вниз последние две гранаты. Нацисты вместе с лестницей рухнули вниз. И в это время пуля впиалась Мехти в левое плечо, раздробила кость... Истекая кровью, Мехти продолжал отстреливаться. Вскоре вышли последние патроны, и автомат замолк. Тогда Мехти вспомнил о пистолете, с трудом вытащил его из кармана. В магазине пистолета было всего четыре патрона. «Один из них — мой!» — решил Мехти. Он выпустил в гитлеровцев три пули, и ни одна не пропала даром.

«Вот и все, — сказал Мехти сам себе, — теперь пора...» Вдруг взгляд его упал на сумку, лежавшую рядом с ним. И как это он мог забыть о ней! Ведь в машину он кинул только один заряд, а другой — здесь, в сумке. Мехти вынул из кармана детонаторы, выбрал из них один, раздал зубами капсюль и толкнул сумку к входу на чердак...

Пора... Мехти проверил пистолет. Остался всего один патрон. Левая рука уже не действовала. Мехти чувствовал, как льется по ней кровь... Нацисты не прекращали огня. Мехти прикрыл глаза и медленно поднес дуло пистолета к сердцу... С удивительной ясностью припомнился ему последний бой под Сталинградом и то, как он выстрелил в себя, чтобы не сдаться живым в руки немцев. Тогда глупая пуля обошла сердце, и он выжил... После этого его пытались убивать другие, а он все жил. Жил и боролся. Такие, как Мехти, рождены, видно, для того, чтобы жить. Да, жить... Но жить, дорожа своей честью. «Как бы не промахнуться... — со страхом подумал Мехти, — как бы не промахнуться».

Все в Мехти противилось мысли о смерти. Умереть сейчас, когда осталось сделать всего несколько шагов по пути борьбы, чтобы иметь право вернуться домой, как возвращается солдат на его картину! Умереть, когда столько картин еще не написано, когда столько еще не сделано, когда надо будет защищать тяжело доставшуюся победу! Всем своим существом Мехти противился мысли о смерти.

Короткое, решительное движение — и на этот раз он не промахнулся... Тело его перегнулось через перекадину чердачного окна, и в него впились десятки пуль. Пронзительно закричали женщины Витовле; ахнули мужчины; а нацисты, галдя, устремились к дому. Они отыскивали

приставную лестницу, и первым взобрался наверх капитан. Еще не дойдя до тела Мехти, он с торжествующим хохотом стал стрелять в него. На чердаке собралось около двадцати гитлеровцев. Им не терпелось поближе взглянуть на партизана, доставившего немцам за последнее время столько хлопот. Они с жадным любопытством разглядывали Мехти. Ничего необыкновенного. Такой же, как многие другие партизаны.

— Стреляйте, стреляйте! — вопил, хохоча, капитан, и уже десятки пуль изрешетили тело Мехти. Но он не чувствовал боли. Лицо его было спокойным и грозным... Даже мертвое — оно пугало нацистов, и они стреляли, стреляли в Мехти, радуясь, что он не может им ответить. Пробитое пулями тело Мехти постепенно сползало из окна вниз и, наконец, тяжело упало на улицу. И одновременно громовой взрыв потряс воздух. Нацистам не удалось выбраться с чердака живыми. Все до одного оказались погребенными под дымящимися развалинами.

Мехти мстил. Он мстил даже мертвый.

Оставшиеся на площади нацисты в страхе побежали по дороге, которая привела их сюда — в деревню, где сами взрывались дома. Они бежали, не оглядываясь, и им казалось, что вот сейчас взорвется под их ногами земля, как взрывались здания, в которых они жили, рестораны, где они обедали, казармы, кинотеатры, казино. Скорей бы унести отсюда свои головы!

А вскоре дети и женщины, юноши и старики, все население деревни Витовле прошлось с телом Мехти.

— Он сказал, — тихо начал старик Тинти, повернувшись к народу, — что мы честные люди. Он сказал, чтобы мы дорожили своей честью, берегли ее. Он сказал, что впереди еще много суровых испытаний...

И жители Витовле поклялись навсегда запомнить слова Михайло.

Мехти похоронили у подножья высокого живописного холма. И люди день и ночь сторожили могилу прославленного героя.

На могилу Михайло приходили крестьяне и из других сел и деревень, пришла и девушка из села Граник: положила на свежий холм цветы — у русских они называются «анютины глазки». И все росла над могилой гора свежих

цветов. А люди шли и шли. Над этой могилой давались клятвы. И старик Тинти рассказывал каждому о том, что завещал им, честным людям, Михайло перед тем, как принять смерть.

Стоял погожий апрельский день, и на поле учебного аэродрома, расположившегося среди безбрежных украинских степей, один за другим садились легкие учебные самолеты с красными звездами на крыльях.

Близ аэродрома теснились сборные домики с черепичными крышами, выкрашенными в веселые голубые цвета. Здесь размещался один из спортивных авиационных клубов, которых много в самых различных уголках советской земли. Сегодня сюда, встретиться с молодыми пилотами, приехал полковник авиации Сергей Николаевич Любимов.

Пилоты — загорелые, чубатые ребята — хорошо знали о том, какой трудный и славный путь прошел полковник.

В прохладный вечер, которым сменился жаркий день, пилоты упростили Сергея Николаевича рассказать им что-нибудь из пережитого.

И, сидя с ними в столовой, полковник рассказал им о том, как жил и погиб партизан Михайло, через какие испытания он прошел, какие подвиги совершил в гитлеровском тылу, с какой вдумчивостью пытался разобраться в больших и малых событиях того времени, как писал картину, как сражался во имя того, чтобы люди могли строить города, сажать сады, писать книги, растить детей.

В этот вечер Мехти незримо присутствовал среди летчиков аэроклуба...

...А по улицам Праги шла Лидия Планичка. Она вела из школы своего сына Василия, родившегося в партизанской бригаде на Адриатическом побережье.

По мостовой шагал пионерский отряд. И Лидия рассказывала сыну о советском человеке, сложившем в бою голову за то, чтобы и Вася мог стать пионером.

Уже пионерами застал своих детей огненно-рыжий Маркос Даби, возвратившийся в новую Венгрию после долгих мытарств в лагерях для перемещенных лиц.

Он стал председателем крупного сельского кооператива, который владел землями, принадлежавшими прежде отпрыску фамилии Эстергази. В бывшей усадьбе Эстергази, на стене парадного зала, Даби повесил те два кремневых пистолета, с которыми он начинал битву за новую, светлую жизнь.

Рассказывая об этой битве, он часто упоминал имя Михайло. Настоящее его имя — Мехти Гусейн-заде — Маркос Даби произносил неправильно, но это не мешало крестьянам слушать его, затаив дыхание.

Сотням тысяч людей рассказывал Лунджи Ферреро со страниц итальянских прогрессивных газет о тех людях, которыми он командовал в дни смертельной схватки с фашизмом, о тех отважных партизанах, которых ныне в Италии бросили в тюрьмы или, оглядываясь воровски, расстреляли в оливковых рощах у Неаполя и за городской чертой Рима.

Ферреро поведал людям и о Михайло, о том, что партизаны перенесли его и захоронили около местечка Чеповани, отдали ему последние почести и объявили день похорон траурным днем.

Близ Чеповани и ныне возвышается камень с высеченной на нем надписью:

«Спи, наш любимый Мехти, славный сын азербайджанского народа. Твой подвиг во имя свободы навсегда останется в сердцах твоих друзей».

Да, люди не забудут Мехти: он погиб — чтобы они жили, чтоб буйно цвела земля!

Не забывает и все еще ждет Мехти старая Биби — единственная, кто не знает о его гибели.

Сестры, товарищи Мехти по школе, друзья всегда говорят о нем Биби как о живом, так, словно его со дня на день, с часа на час можно ждать домой.

Они, собственно, и не глут старой Биби: для них Мехти жив. Жив в своем вечно живом подвиге.

Долго будут помнить Мехти и враги. Не забудет его капитан Мильтон — он теперь, наверно, повыше чином, и по его приказу в чужих странах стираются с лица земли деревни, чтоб освободилось место для военных аэродромов. Не забудет его и Шульц. Отсутствие ноги не мешает ему развивать бурную деятельность по возрождению

вермахта, и он, очевидно, успокоится лишь тогда, когда потеряет и голову...

Сражаясь вдали от родной земли, на дальних адриатических берегах, Мехти не смог закончить своей картины. Однако врагам было бы полезно взглянуть на эту незаконченную картину. На ней изображен кровью своей добывший победу, идущий навстречу встающему солнцу, могучий советский солдат. Вокруг ликующая родная земля. Солдат счастлив, но одновременно насторожен и зорек — горе тому, кто осмелится посягнуть на его счастье.

О Г Л А В Л Е Н И Е

Глава первая	5
Глава вторая	42
Глава третья	74
Глава четвертая	99
Глава пятая	128
Глава шестая	157
Глава седьмая	179
Глава восьмая	203
Глава девятая	235
Глава десятая	271

Редактор *Ю. И. Карасев*
Ответственный за выпуск
Н. И. Белов
Иллюстрации *О. Садыхзаде*
Переплет и титул *М. Власова*
Техредактор *В. Гаврилова*
Корректор *В. Портнов*

Сдано в набор 17/VI-1964. Подписано к
печати 3/IX-1964. Формат 84×108¹/₂—4,62—
15,19 печ. л. (Уч.-изд. л. 16,2+7 вкл.)
Тираж 30000 экз. ФГ—70681. Заказ № 245.
Цена 8 р. 80 к.

Азербайджанское Издательство Детской
и юношеской Литературы.

Типография «Красный Восток» Министер-
ства культуры Азербайджанской ССР.
Баку, ул. Ази Асланова, 80.

